

Юлия Вакилова

ОДОЛЛЕВАЯ ДЬЯВОЛА

Любовно-фантастический роман

Юлия Вакилова
Одoleвая дьявола

«Издательские решения»

Вакилова Ю.

Одoleвая дьявола / Ю. Вакилова — «Издательские решения»,

Семнадцать лет назад некто сеньор Эрих заключил необычную сделку — королевский престол в обмен на душу своей нерожденной дочери. Получив корону, он почти позабыл о своем обещании — и напрасно. Ведь дьявол никогда не забывает и не прощает...

© Вакилова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава первая. По ком звонит колокол	8
Глава вторая. Бегство	14
Глава третья. Когда тебя настигнет прошлое	20
Глава четвертая. Кошмар наяву	25
Глава пятая. Дьявольская ночь. Часть первая	31
Глава пятая. Дьявольская ночь. Часть вторая	37
Глава шестая. Искушение	45
Глава седьмая. Откровение	51
Глава восьмая. Черный король	57
Глава девятая. Короля делает свита. Или же король – ее?	69
Глава десятая. Ведьма	77
Глава одиннадцатая. Смена декораций	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Одолевая дьявола
Любовно-фантастический роман
Юлия Вакилова

© Юлия Вакилова, 2016

© Александр Звенигородский, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Дьявол – джентльмен; он никогда не входит без приглашения.
Джон Линкольн*

Холодный промозглый ветер яростно пробивался сквозь крупные щели в стенах, тусклое пламя в очаге подрагивало от резких его порывов, отбрасывая танцующие тени на бледное лицо хозяина дома. Когда-то богато украшенный мехом, а теперь почти истершийся плащ не мог избавить своего владельца от резких дуновений холодного воздуха, но человек не обращал на это ни малейшего внимания – тревожный взгляд был прикован к неподвижно раскинувшемуся телу в окружении странного вида символов, начерченных прямо на дощатом полу. Но вовсе не это служило причиной для беспокойства – мужчина изо всех сил старался не позволить отчаянному, почти животному страху взять над ним верх, а присутствие за спиной высокой фигуры, облаченной в длинный черный плащ, не оставляло на это никаких шансов.

– Осталась последняя деталь – нужно скрепить наше соглашение кровью.

Человек резко, почти испуганно обернулся; мелкие капли пота на узком исхудавшем лице отчетливо свидетельствовали, что мужчина смертельно напуган.

Его собеседник криво усмехнулся, наслаждаясь столь явной реакцией на свои слова, но из-под темного капюшона, надежно скрывающего лицо от неровных отблесков пламени, не раздалось ни единого лишнего звука.

– Это непременно часть ритуала, – несмотря на вкрадчивый, почти извиняющийся тон, с которым были произнесены эти слова, по спине мужчины пробежал легкий холодок.

– Да, да, конечно, я сейчас, одну секунду... – он поспешно перешагнул через безжизненное тело и направился к одинокому секретеру, стоящему в отдалении. Лихорадочно выдвигая многочисленные ящички, мужчина судорожно что-то искал; наконец, отыскав нужную ему вещь, он боязливо повернулся к терпеливо ожидающей его фигуре, в руках которой уже белел нетронутый лист пергамента. Медленными шагами преодолев разделяющее их расстояние, хозяин дома в нерешительности остановился, держа в руке прохладную сталь. Сделав глубокий вздох, человек закрыл глаза и резко провел лезвием кинжала по своей ладони.

Фигура в черном одобряюще кивнула и подставила лист под стекающие с клинка капли густой крови, со зловещей улыбкой наблюдая, как они мгновенно впитываются и превращаются в мелкие письмена. По-видимому, удовлетворившись увиденным, пугающий гость медленным движением снял с пальца массивное кольцо, увенчанное разъяренной мордой какого-то животного, и с силой надавил на пергамент. В тот же миг по листу пробежала едва уловимая дрожь – а может тому виной был очередной порыв ветра, принесший с собой легкий запах гари.

Человек, до этого боязливо наблюдавший за происходящим, настороженно потянул носом воздух, стараясь определить возможный источник, как в этот момент в комнате раздался спокойный уверенный голос:

– Помни – семнадцать лет. И ни днем больше.

Мужчина спешно закивал головой в знак согласия, без сомнения, мечтая о том, чтобы опасный гость как можно скорее покинул его дом. Уловив его желания, фигура в плаще небрежным взмахом руки заставила исчезнуть лист пергамента, чем еще больше напугала хозяйина, а затем развернулась, направляясь к выходу.

Но когда до заветной двери оставался шаг, та внезапно распахнулась, являя растрепанную молодую женщину, чье тяжелое дыхание не оставляло сомнений в том, что путь к дому она проделала бегом. Не сбавляя быстрого шага, она бросила мимолетный взгляд на незнакомца – и вдруг резко остановилась, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Темные, почти беспросветно черные глаза мужчины странным образом заставили ее оцепенеть, почув-

ствовать, как медленно необъяснимый, липкий страх заползает под кожу, вместе с кровью разносится по телу, проникая в каждую его клеточку. Это ощущение длилось от силы секунду, но и этого было достаточно для того, чтобы по спине девушки пробежала крупная дрожь, заставившая ее резко отвести взгляд в сторону. И только услышав удаляющиеся шаги, она растерянно взглянула вслед темной фигуре, медленно приходя в себя. Но едва причины, побудившие ее столь стремительно ворваться в этот дом, вновь заняли первостепенное место в ее мыслях, девушка и думать забыла о странном незнакомце, бросаясь в комнату. И если бы она все же оглянулась, если бы бросила один-единственный взгляд, то могла бы заметить, как таинственный гость, едва сделав пару шагов по влажной земле, самым пугающим образом растворился в ночи.

Но она этого не увидела, и вряд ли это зрелище могло потрясти ее больше, нежели картина, открывшаяся ей в комнате. Стремительно кинувшись к неподвижной мужской фигуре, распростертой на ледяном полу, девушка сначала робкими, а затем уже отчаянными движениями пыталась пробудить человека, заставить его очнуться – но безуспешно. Еще никто и никогда не сумел отобрать у смерти ее законную добычу. И только осознав, что он уже никогда не проснется, девушка, казалось, разом постаревшая за эти мгновения на десятки лет, застыла на несколько долгих секунд, чтобы затем резко поднять голову в сторону стоящего в отдалении мужчины, что все это время равнодушно наблюдал за ней. Так и не произнеся ни звука, она медленно поднялась с колен, до последнего не выпуская уже холодную ладонь умершего из своих рук, и, выпрямившись в полный рост, вновь взглянула на хозяина дома – но уже с совершенно иным выражением глаз. Невыносимо медленными шагами приблизившись к нему, она прошипела сквозь плотно стиснутые зубы, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закричать, не завывать во весь голос от боли и тоски, разрывающих сердце на части:

– Ты пожалеешь. Клянусь своим единственным сыном – ты пожалеешь об этом...

В ответ он лишь презрительно усмехнулся, обнажая ряд неровных, желтых зубов:

– Тебе никогда не хватит духу пойти против меня, женщина.

– Ты пожалеешь... – словно не слыша его слов, исступленно повторила она, не сводя обезумевшего взгляда с мужчины, а затем внезапно выбежала из комнаты, заглушая прорывающиеся рыдания громким стуком каблучков.

Ее торопливые шаги звучали все тише и тише, пока, наконец, окончательно не растаяли в ночной прохладе. Но мужчина, казалось, совсем не обратил на это внимание – он удовлетворенно всматривался во мглу, царящую за окном, словно в ожидании некоего сигнала, знака, когда внезапно снаружи раздался испуганный крик: «Пожар, пожар!». И только тогда его губ коснулась легкая змеиная усмешка...

Часть первая

Глава первая. По ком звонит колокол

Спустя семнадцать лет и два дня...

Яркое утреннее солнце радостно золотило крыши домов, озорные солнечные лучи весело скакали по серым плиткам мостовой, прозрачно-голубое небо заставляло поверить в то, что жизнь не всегда тосклива и уныла, и даже небольшие грозные тучки на горизонте не могли испортить мое непривычно праздничное настроение.

Я незаметно улыбнулась собственным мыслям, наслаждаясь столь редким за последнее время ощущением абсолютного спокойствия и умиротворения.

Впервые за многие годы мне было позволено отлучиться из дома – конечно же, не одной, а в компании озорной девушки-служанки, одно присутствие которой доставляло мне искреннюю радость. Еще никогда я не сходилась столь близко ни с одним человеком, и потому ее легкомысленная болтовня неизменно вызывала на моем лице неподдельную улыбку.

– Я удивлена тому, что тетушка позволила тебе пойти со мной. Честно говоря, когда я спросила, можно ли нам пойти вместе, выражение ее лица было такое, словно я поинтересовалась, какого цвета ее ночной горшок. Как будто я и так этого не знаю – Памира насмешливо фыркнула, совсем не изящным жестом утерев нос рукой, прежде чем продолжить:

– Интересно, что с ней такое приключилось, коль она даже не поинтересовалась, во сколько мы вернемся, – щебечущая рядом со мной девушка не замолкала ни на мгновение, порой напоминая мне забавно нахохлившуюся пичужку, что распевала свои трели под моим окном вот уже которое утро подряд.

– Сама не понимаю. В последнее время она ведет себя очень странно – наверное, только благодаря этому я сейчас здесь. – Памира на мгновение замолкла, по-видимому, удовлетворившись моим уклончивым ответом, а мысли мои, тем временем, против воли метнулись к той молчаливой женщине, что осталась сейчас в небольшом уютном домике, который мы арендовали, едва переехав в этот город несколько недель назад.

Несмотря на то, что тетушка была единственным родным мне человеком, мы никогда не были с ней особо близки, и с возрастом пропасть меж нами только усиливалась.

Порой я даже начинала сомневаться в том, связывали ли нас вообще хоть какие-то кровные узы.

Но сегодня, когда неожиданно для меня Памира вдруг спросила позволения прогуляться вместе на ярмарку, тетушка дала согласие. И сейчас мне совершенно не хотелось размышлять о причинах, побудивших ее столь внезапно нарушить собственные правила.

– Асель, ты меня слушаешь?

– Прости, я немного отвлеклась. Так о чем ты говорила? – я постаралась выбросить из головы все лишние мысли, и полностью сосредоточилась на том, о чем с таким важным видом рассказывала мне подруга, пока мы неспешно двигались в сторону главной площади.

– Я сказала, что вместе с ярмаркой должны приехать лучшие менестрели нашего королевства. Кстати, сам король Эрих отчего-то не жалуется на них, хотя обычно знатные господа всегда покровительствовали музыкантам. Но ведь он не чистокровный правитель – наверное, в этом все и дело.

– Что ты имеешь в виду, говоря «не чистокровный»? – не знаю отчего, но меня странным образом заинтересовали ее слова.

– Как, ты не знаешь? – изумленно воскликнула Памира и залилась веселым смехом. – Этого у нас не знают только уж совсем глухие! – убедившись, что собеседница ничуть не обиделась, а, напротив, приготовилась внимательно слушать, девушка продолжила: – Лет шестнадцать или семнадцать назад король Эрих, тогда еще обнищавший вельможа или кем он там был, внезапно оказался единственным наследником, кто мог претендовать на престол.

Она таинственно понизила голос, словно кого-то вокруг мог заинтересовать наш разговор:

– Говорят, в ту ночь стореда вся королевская семья. Нет, нет, не перебивай, слушай дальше: под словом «вся» я имела в виду именно это. Как назло, в тот вечер во дворец съехались почти все ближайшие родственники короля, включая дальних кузенов и кузин. И все они погибли, представляешь?

– А король Эрих? Как он остался жив?

– А здесь начинается самое странное. Вообще-то, его родство с правящей династией было настолько незначительно, что его имя даже никогда в претендентах на трон не числилось. Он выжил только благодаря тому, что его, как дальнего родственника, поселили не во дворце, а в садовом домике неподалеку. И в ту ночь он находился там – правда, как поговаривали, здесь тоже не обошлось без скандала.

– Что ты имеешь в виду?

– Наутро в этом домике обнаружили труп тогдашнего епископа, скончавшегося неизвестно по какой причине. Но в суматохе этот случай быстро замяли в угоду новому королю.

– Да... Ему очень повезло, – я пожала плечами, не зная, что еще добавить.

Она согласно кивнула головой, по-видимому, посчитав эту тему недостаточно интересной для того, чтобы в угоду ей жертвовать открывшейся нашему виду праздничной ярмаркой.

А посмотреть действительно было на что: яркие лотки пестрили всевозможными сладостями, притягивающими взгляд сочными цветами и разнообразными формами; чуть поодаль располагался большой шатер, в котором, судя по громким обещаниям зазывалы, можно было увидеть настоящие чудеса ловкости и даже сразиться с настоящим тяжеловесом.

Рядом с шатром стоял, по-видимому, и сам борец – поигрывающий тугими мускулами и нахально разглядывающий проходящих мимо хорошеньких барышень, он всем своим видом так и излучал сытую уверенность в том, что желающих не найдется.

Залюбовавшись никогда прежде не виданным зрелищем, я старалась запомнить каждую деталь, чтобы потом долгими скучными вечерам с упоением окунаться в яркие образы. Привычная скудность жизни давно уже приучила меня кропотливо заносить в память каждую мелочь, которая после служила мне пищей для долгих размышлений.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я опомнилась, что давно уже потеряла Памиру из виду. Вопреки ее ожиданиям, обещанных менестрелей так нигде и не было видно – уж не решила ли она отправиться на их поиски в одиночку?

Я начала обеспокоено оглядываться по сторонам, в глубине души уже с тоской предчувствуя, что остаток утра пройдет в поисках так некстати затерявшейся в толпе подруги, когда неподалеку мелькнул яркий платок, столь хорошо мне знакомый. Облегченно выдохнув, я направилась в ту сторону, чтобы через пару минут, пробравшись сквозь плотную разгоряченную толпу, увидеть подругу, что-то с жаром обсуждающую с незнакомыми мне девушками.

При виде меня Памира приветливо замахала рукой, призывая подойти ближе.

С опаской приблизившись к незнакомым девушкам, сверлящим меня любопытными взглядами, я дождалась, пока подруга спешно попрощается и бросится ко мне, явно желая поделиться только что услышанными сплетнями.

– Ты представляешь, что мне сейчас рассказала Мэрин, – она возбужденно зашептала мне на ухо, впрочем, не переставая с любопытством глазеть по сторонам, явно наслаждаясь царящим вокруг возбуждением, в то время как я уже начинала чувствовать усталость от непре-

рывного шума и громких криков. – Ей самой рассказала Пирис, а та услышала это от одного из купцов.

Я с трудом продиралась сквозь плотную толпу, уже мечтая об отдыхе, но краем уха все же прислушиваясь к громкому шепоту девушки.

– Пару часов назад к воротам города подошло войско, которое, как было сказано в свитке, что их предводитель передал стражникам, послано к нам самим королем для защиты границ.

– Но от кого? Мы же в последние годы ни с кем не воевали.

– В том-то и дело: говорят, что появилась какая-то ужасная армия, возникшая буквально ниоткуда. Но опять же, свидетелей тому нет. Может, это и слухи – но в таком случае, зачем королю отправлять из столицы свои войска? Однако самое страшное даже не это, – она вновь понизила голос, однако сейчас сквозь шепот явственно проглядывали нотки страха. – Вот уже сутки, как нет никаких новостей от соседнего города Броза, жители которого обычно всегда приезжали к нам на ярмарку. У меня там живет кузина – уж она-то точно не пропустила бы возможности поглазеть на менестрелей! И то, что никто из них не приехал, а наши гонцы так и не вернулись оттуда – дурной знак, помяни мое слово! Так что войско короля будет очень кстати.

Я промолчала, пытаясь вспомнить этот город – мы были в нем проездом, однако мне ничего не запомнилось, кроме длинной, местами разрушенной почти до основания, каменной стены и жутким запахом сточных канав. Неудивительно, что тетушка не пожелала там надолго задерживаться.

В этот момент по толпе внезапно пробежало легкое беспокойство, люди начали спешно расступаться, заставляя меня почти вплотную прижаться к Памире, которая с любопытством вытянула голову, пытаясь разглядеть причину волнения.

Спустя несколько мгновений она восторженно проговорила, все еще не отводя взгляда от чего-то, что я сама разглядеть не могла из-за широких фигур стоящих передо мной людей:

– Асель, ты должна это увидеть! Давай подойдем ближе! – не слушая моих робких возражений, она уверенно протолкнулась сквозь толпу, заставляя меня следовать за ней.

В давке я чуть было не лишилась части подола, и потому, замешкавшись, подняла голову только тогда, когда по толпе пронесся восхищенный шепот. И я определенно была с ним согласна.

По главной улице в нашу сторону медленно двигались несколько всадников, чьи лошади и вызвали столь восторженную реакцию – они были абсолютно темного, почти непроглядно черного цвета! Никогда я еще не видела подобного, как, впрочем, и большинство стоящих рядом со мной людей.

Лошади неторопливо гарцевали изящными сильными ногами по каменным плиткам, отчего по всей площади разносился звонкий перестук, который странным образом отозвался в моем сердце – словно в такт этим звукам оно начало биться все сильнее и сильнее, разнося по всему телу ощущение необъяснимой тревоги.

Но сейчас мне было не до причуд сердца – величественные всадники приблизились настолько, что можно было с легкостью разглядеть добротную сшитую одежду, мелькающую сквозь темные полы плащей, которые, несмотря на отсутствие каких-либо украшений или вышивок, определенно свидетельствовали о высоком достатке своих владельцев.

Лиц было не разглядеть за черными капюшонами, никаких клинков или щитов даже не наблюдалось. Я недоуменно нахмурилась – в моем воображении воины всегда были облачены в сверкающие доспехи, а на поясе непременно светился внушительный меч, но в реальности все оказалось совсем не так.

Слегка усмехнувшись собственной богатой фантазии, взращенной на множестве сказочных историй, что будоражили мое сознание вплоть до недавних пор, я вновь сосредоточила

внимание на незнакомцах. Их было всего пятеро, но и от этого небольшого количества воинов странным образом по толпе растекалась уверенность и спокойствие.

Я скорее почувствовала, нежели чем услышала, как замершая рядом со мной Памира восхищенно выдохнула: «теперь город в надежных руках».

Но легкую тень зарождающейся на губах улыбки резко стер внезапно прозвучавший в моей голове тихий, явно принадлежащий не мне низкий насмешливый голос, словно озвучивший мои собственные мысли: «несомненно, так оно и будет...». Я испуганно подскочила на месте, тревожно озираясь вокруг, словно это могла быть всего лишь неудачная шутка кого-то из стоящих рядом со мной людей. Но внимание восторженной толпы целиком было приковано к воинам, что неторопливо направлялись к уже ожидавшему их правителю города, сотни глаз с упоением ловили каждое их движение.

Я беспокойно оглянулась еще раз, но когда первый из всадников, что горделиво ехал чуть впереди остальных, поравнялся с нами, неведомая сила заставила меня выбросить из головы все посторонние мысли, потому как именно в этот момент мой взгляд встретился с пронзительно обжигающими черными глазами, в которых клубилась настоящая мгла. Они словно приглашали меня окунуться в бездонное море тьмы, они призывали, подчиняли. Это были глаза демона – но не такого, каким его обычно изображали в детских страшилках, а демона в обличье человека. Он заставил коня сбавить ход, и теперь в упор смотрел только на меня, и, я была готова поклясться, на губах его в этот момент играла леденящая душу улыбка.

Все звуки окружающего мира потонули в нарастающем звоне, что отозвался мелкой дрожью по моей коже, проник в каждую клеточку тела, в каждую мысль, каждую эмоцию.

Я не могла заставить себя отвести взгляд, отвернуться или же совершить любое другое движение, которое смогло бы прервать эту пугающую связь, которая с каждой секундой все глубже затягивала меня в омут его глаз.

И в этот момент я почувствовала, что больше нет сил сопротивляться приказу, что плескался в его глазах, и словно околдованная сделала небольшой шаг вперед, но сильная рука подруги удержала мою ладонь. И в тот же момент наваждение исчезло, заставив привычные звуки разом вернуться в мой маленький мир.

Моментально потеряв ко мне интерес, всадник продолжил свой путь, а я тем временем пыталась собрать разбегающиеся мысли, до глубины души благодарная за своевременную помощь ни о чем не подозревающей подруге, которая не сводила влюбленного взгляда с удаляющихся всадников.

– А он хорош собой, – ничуть не опасаясь быть услышанной объектом собственных размышлений, громко проговорила Памира.

– Кого ты имеешь в виду? – почти не вслушиваясь в ее слова, ответила я, пытаюсь понять, что только что со мной произошло.

– Боже мой, Асель, ты в своем уме? Ты же видела первого всадника!

– Нет в нем ничего особенного, – упрямо возразила я, покрываясь холодным потом при воспоминании о его страшных черных глазах, накрепко запечатлевшихся в моей памяти.

Я оглянулась, пытаюсь понять, только ли меня одной он вызвал такую странную реакцию, но восторженный шепот не оставлял сомнений в том, что толпа была единомышленна с Памирой.

Внезапно на меня накатила невыносимая усталость; казалось, вся тяжесть неба резко обрушилась на мои плечи, заставляя клониться к земле под их неимоверной тяжестью. Я почувствовала, как образ подруги, стоящей передо мной, начинает расплываться перед глазами... Еще секунда, и я, наверное, упала, если бы не Памира – сегодня она определенно играла роль моего ангела-хранителя. Заботливо подхватив, она встревожено оглядела меня с ног до головы, пытаюсь понять, что со мной такое.

Если бы только я сама могла это знать!

Не помню, как я оказалась дома – наверное, благодаря все той же Памире, которая в эту минуту хлопотала вокруг меня, пытаясь привести в чувство. Постепенно странное оцепенение отпусало, словно тени страшного сна, прогоняемые ярким солнечным светом. Я уже могла вспоминать произошедшее без очередной вспышки ужаса, и даже начала сомневаться – а не привиделось ли мне все это? Быть может, столь долго находясь на дневном солнце, я могла спутать реальность с очередным плодом воображения?.. В пользу этого говорило и то, что окружающая меня толпа восхищенно не сводила глаз с прибывших воинов.

Сквозь деревянные ставни узенького окна на кухню пробивались красноватые солнечные лучи, предвестники сумерек. В прощальном жесте они танцевали на дощатом полу, предчувствуя, что совсем скоро тяжелые грозовые тучи, окончательно запрятуют солнце в своих пышных серых боках. Как раз в тот момент, когда я окончательно пришла в себя, мелкими глотками потягивая еще теплое молоко, успокоенная размеренной болтовней подруги, наше уединение было нарушено неожиданно спустившейся со второго этажа тетушкой.

– Что здесь происходит? – как обычно, размеренным, лишенным всяческих эмоций голосом промолвила она – словно мы находились не у себя дома, а, самое меньшее, на королевском приеме!

Я не успела придумать что-либо правдоподобное в ответ, как Памира весело прощелбетала:

– Нет причин для волнения, Асель просто слишком переволновалась сегодня. Да и я сама до сих пор ощущаю мурашки по коже при одной только мысли об этих воинах!

– Каких воинах? – странным образом заинтересовалась обычно довольно скупая на любопытство тетушка.

– Вы не знаете? – уже предвкушая, как она сообщит новость дня неосведомленному пока еще лицу, Памира даже привстала со стула. – Сегодня утром в город прибыло войско, присланное королем Эрихом для защиты.

– А как связано прибытие войска и недомогание Аселейн? – цепкий взгляд тети медленно скользнул с Памиры на мое бледное утомленное лицо.

– Глаза. Они были абсолютно черными, – я хрипло прошептала неожиданно для самой себя, совершенно не намереваясь делиться этим с кем-либо. Но признание вылетело само собой, и я немедленно пожалела об этом, потому как по лицу тети внезапно промелькнуло совершенно чужое, хищное выражение – глаза сощурились, губы сжались в тонкую линию. Это длилось не больше секунды, но мне и этого было достаточно.

В следующее мгновение передо мной стояла хорошо знакомая мне с детства женщина. Но странного рода решительность так и не покинула ее глаз.

– Памира, – хорошо поставленным голосом она обратилась к подруге. – На сегодня ты можешь быть свободна.

– Спасибо, – нерешительно протянула девушка, насторожено поглядывая на меня, словно спрашивая, в чем причина такой внезапной перемены настроения. Я недоуменно пожала плечами, удивленная этим не меньше ее.

Едва за девушкой захлопнулась дверь, как тетушка с несвойственной ей скоростью буквально взлетела вверх по лестнице, уже оттуда приказывая мне собрать все необходимое.

Несколько секунд осмысливая происходящее, я ринулась исполнять приказ – нам не впервой было и раньше в спешке покидать прежние дома, и никогда тетя не считала нужным объяснять мне причины. В детстве я пыталась задавать ей вопросы, пыталась понять, почему моя жизнь так разительно отличалась от жизни любой моей сверстницы – но с возрастом осознала тщетность этих попыток.

Управившись буквально за час, я стащила вниз небольшой сундук с книгами – единственное мое сокровище. Но тетя, бесцеремонно откинув тяжелую крышку, достала всего пару вещей, которые сложила в небольшую холщовую сумку, лежащую у ее ног.

Я не успела промолвить и слова, как она, накидывая заранее приготовленный теплый плащ мне на плечи, вытолкнула из дома, направляясь к конюшне.

Нависшие над головой тяжелые непомерно раздувшиеся тучи казалось, только и ждали подходящего момента, чтобы обрушить на землю запасы воды.

Мы безостановочно скакали прочь из города; мышцы предательски ломило от напряжения, ослабевшие руки вцепились в поводья как в единственную опору. Казалось, если лошадь подо мной сейчас резко замедлит ход, то я просто не смогу удержаться в седле. Но тетя была непреклонна. Она позволила нам замедлиться, только когда я буквально взмолилась о пощаде.

Остановившись на самой вершине холма, с которого открывался прекрасный обзор на покинутый нами город, я с трудом сползла с взмыленной лошади, без сил опускаясь прямо на холодную землю. Сильный ветер трепал выбившиеся из-под капюшона пряди, но мне было все равно: единственное, чего мне сейчас хотелось, так это лечь прямо здесь и умереть. Чтобы не нужно было вновь вставать и садиться в опостылевшее седло, чтобы не мчаться навстречу неизвестности, не имея никаких представлений, что ожидает меня впереди; чтобы не видеть невозмутимое лицо женщины, которая за столько времени так и не смогла заменить мне семью, чтобы...

Мои внутренние размышления внезапно прервал едва доносящийся сквозь сильные порывы ветра звон колоколов нашей небольшой уютной церкви. Но сейчас он не возвещал начало вечерней службы или свадьбы – напротив, в сбивчивом, совершенно не мелодичном звоне звучала тревога. Опасность!

Я с трудом приподнялась, стараясь разглядеть в опустившихся на землю сумерках очертания города.

Но лучше бы я этого не делала.

Я в ужасе стояла на вершине холма, не в силах вымолвить и слова, беспомощно наблюдая с высоты, как, казавшийся сейчас таким маленьким и беззащитным, город неотвратимо затопляет странная черная волна, истинное происхождение которой я никак не могла понять. Но, даже еще не разобравшись, что это такое, я уже знала, что это конец. После этой ночи уютного и даже успевшего мне полюбиться городка больше не будет. Но где же обещанная защита? Почему присланные королем воины не пытаются дать отпор?

Ответ пришел сам, заставив дрожащие на веках соленые капли скатиться мокрыми дорожками по щекам.

Все это обман. Нет, и не было никакого войска короля. Та черная волна, что сейчас пожирала еще недавно такой источавший жизнь город, и есть подошедшее утром к нашим воротам вражеское воинство.

– Тетя, ответьте мне, что это? – я прохрипела через силу, как никогда надеясь, что сейчас она мне ответит что-нибудь надежное и спокойное, как она сама; что-то, что мигом прогонит унылую обреченность, змеиным клубком обвившую сердце.

Но она словно не расслышала моего вопроса, не сводя взгляда с медленно умирающего города, единственным эхом которого служил продолжающий истошно звонить церковный колокол.

Сквозь непрерывно льющиеся слезы я упрямо повторяла вопрос, скорее просто для того, чтобы слышать знакомые звуки своего голоса, служившего мне единственной точкой опоры в этой наводящей безумие тьме.

– Он пришел! – и сквозь пугающе торжественный голос тети я явственно расслышала нотки безумия...

Глава вторая. Бегство

Мы скакали на протяжении нескольких долгих часов, подгоняемые диким завыванием ветра в спину. Клубящийся в глубине души липкий страх заслонил собой усталость измученного тела, и я почти не ощущала ноющую боль онемевших от напряжения рук. Позади остались широкие равнины, неотличимые друг от друга в непроглядном мраке ночи, размытые очертания высоких деревьев, словно замерших в тревожном предчувствии. Лилово-черные раздувшиеся грозовые тучи, нависшие над нами, точно орудие палача над головой обреченного, как будто тоже чего-то ждали, не торопясь обрушиться на землю нещадным потоком дождевой воды. Весь мир вокруг замер в смятенном ожидании – но даже страх перед начинающейся бурей был не в силах затмить собой беспорядочные обрывки воспоминаний, затопляющие разум при одной только мысли о произошедшем.

Я снова и снова прокручивала в памяти сцены прибытия воинов и отчаянно пыталась понять, могла ли предотвратить случившееся. Ведь я явственно почувствовала опасность, исходящую от всадников – единственная из всей многолюдной толпы. Быть может, если бы я подняла тревогу, если бы попыталась предупредить, что-то могло произойти иначе? Но в глубине души, придавленное скопом лихорадочных попыток ухватиться за любое, даже самое иллюзорное оправдание, зрела горькая истина – я ничего не смогла бы изменить. Никто бы не поверил мне, незнакомой девушке, только переехавшей в этот город. Толпа, ослепленная открывшимся перед ней зрелищем, в лучшем случае просто подняла бы меня на смех, а в худшем – отправила под замок в местную тюрьму, сочтя умалишенной. И сейчас мое безжизненное тело покоилось бы рядом с сотнями других – разве это было бы лучшим выходом?

Я лишь горько покачала головой, вновь зайдя в тупик своих мысленных метаний – как не пыталась найти выход, отыскать то единственно верное и правильное решение, которое могло бы переломить ход событий, заставить тропинку Судьбы пойти другим путем, все было напрасно.

Правда, был еще кое-кто, только по одному упоминанию о непроглядно черных глазах предводителя осознавший, что надо бежать. Я вновь взглянула на спину тетушки, что скакала впереди меня – она точно знала, что произойдет, но, тем не менее, не стала даже пытаться кого-то предупредить. Почему? Ответа я не знала, но стоящая перед глазами сцена прощания с растерянной Памирой не позволяла оставить бесплодные попытки хотя бы мысленно вернуться на несколько часов назад, чтобы предупредить подругу, заставить покинуть город вместе с нами. Впервые за семнадцать лет существования в моей жизни появился кто-то, сумевший показать мне кусочек настоящего – не того, что был мне знаком лишь по книгам, а яркого, наполненного цветами и запахами, реального мира. И осознавать, что возможно именно из-за моего промедления, моей нерешительности этого человека больше нет на свете, было больно.

По щеке вновь скатилась одинокая слезинка, заставившая меня горько усмехнуться – я-то думала, что выплакала все слезы еще там, на холме.

В этот момент мои горестные размышления были прерваны показавшимися вдали размытыми темными очертаниями, в которых смутно угадывалась городская стена. Но не успела мысль о долгожданном отдыхе промелькнуть в уставшем сознании, как на смену ей пришли обрывки воспоминаний – не об этом ли городе упоминала Памира, рассказывая про пропавших гонцов? Я напрягла зрение, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь в окружающем мраке ночи, чтобы убедиться в своих подозрениях – но бесполезно. Для этого надо было подъехать ближе. Но отсутствие привычных огоньков света, звуков собачьего лая, шума засыпающего города было дурным знаком – я покрепче ухватила поводья, пытаюсь справиться с внезапно нахлынувшим на меня ледяным страхом. Неужели все рассказанное подругой было правдой? И наш город был не первой жертвой пугающего войска под предводительством демона? В этот

момент лошадь подо мной резко дернулась в сторону, словно почуяв или услышав что-то, сильно ее напугавшее. Едва удержавшись в жестком седле, я успокаивающим жестом притронулась к напряженной шее животного, стараясь внушить уверенность, которую сама, к моему большому сожалению, сейчас не испытывала.

Пришедшая всего минуту назад мысль остановиться на ночлег в этом городе уже не казалась такой соблазнительной, и я даже неосознанно поежилась, подумав, что скачущую впереди меня женщину вполне может посетить подобная идея.

Но тетя и не думала сворачивать, напряженно ухватившись за тонкие поводья и понукая лошадь двигаться еще быстрее. На секунду бросив прощальный взгляд в сторону видневшегося вдаль города, я последовала за ней, когда внезапно налетевший порыв ветра принес с собой едва уловимый сладковатый запах гнили – а может быть, мне это только лишь показалось.

Я не знала, сколько еще прошло времени, прежде чем местность вокруг нас изменилась – бескрайние равнины потихоньку уступили место густым раскидистым лесам, почти неразличимым в плотном мраке ночи. От усталости я уже не видела ничего вокруг, слепо следуя за едва различимым в окружающей темноте силуэтом лошади.

Наконец, та, понукаемая всадницей, начала сбавлять ход. Тетушка, на удивление легко спрыгнув на землю, словно это и не она провела в седле полночи, хриплым голосом произнесла: – Приехали.

Я последовала ее примеру, с трудом выпуская жесткие поводья из потерявших всякую чувствительность пальцев, и, наконец, огляделась, мимоходом отмечая, что мы почти вплотную подъехали к какому-то высокому зданию – вероятно таверне, а я даже не заметила этого. Но сил на удивление уже не было.

Внимательно оглядев открывшуюся передо мной картину, я сощурилась – расположение таверны не вызвало доверия. Одинокое стоящий в окружении угрюмо нахохлившихся дремучих елей высокий деревянный дом словно сошел со страниц детских сказок – здесь вполне мог обитать могущественный колдун, прозябающий над старинными книгами с заклинаниями. Потемневшее от времени дерево придавало заведению зловещий вид, а большое количество нелепо нагроможденных поверх второго этажа надстроек отчего-то лишь усиливало это чувство. И только приветливо подмигивающие из узких закопченных окон веселые огоньки света да струящийся над крышей ровный тонкий дымок вызвали почти непреодолимое желание поскорее очутиться внутри, оказаться в столь долгожданном тепле, наполнить голодный желудок горячей пищей и без сил свалиться в мягкую кровать. Я вопросительно взглянула на тетю, не понимая, в чем причина промедления – разве ей, как и мне, не нужен был отдых и покой после длительной скачки? Уловив мои невысказанные мысли она коротко кивнула и уверенно прошествовала к неприметной двери.

Едва та с громким скрипом отворилась, впуская нас, продрогших и порядком озябших, внутрь большого помещения, несмотря на поздний час битком набитого самым разнообразным людом, как все голоса разом смолкли, а внимание присутствующих целиком сосредоточилось на нас. Я робко замерла на пороге, оглушенная пахнувшим в лицо жаром ярко пылающего очага, ароматами готовящейся на огне пищи, щедро сдобренной незнакомыми мне пряностями. Долгожданное тепло в мгновение ока распространилось по всему телу, вызывая легкое покалывание в оочевневших на ветру пальцах.

Тетя уверенно подошла к хозяину таверны, буравящим нас подозрительным взглядом, и тихо проговорила несколько неразборчивых слов. Тот моментально прояснился в лице и уже почти приветливо указал нам на свободную лавку, удивительным образом оказавшуюся не занятой многочисленной и не совсем трезвой братией, разместившейся в таверне.

Опасливо присев за обшарпанный стол, я незаметно огляделась, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Обитатели таверны, потревоженные нашим появлением в столь поздний час, понемногу возвращались к прерванным занятиям и разговорам: сначала робко,

а затем уже громко и уверенно зазвучали пьяные голоса, в нескольких концах зала послышались булькающие звуки опустошаемых кубков, в противоположном углу кто-то начал тихонько наигрывать незатейливую мелодию на незнакомом мне инструменте.

Пока я с любопытством оглядывала всех присутствующих, стараясь при этом не показывать лица из-под капюшона, вернулась тетья, все это время продолжавшая беседовать с хозяином таверны. Не успела она присесть, как к нам тут же подошла плотно сложенная служанка, чей замызганный передник, судя по виду, частенько играл роль половой тряпки. Широко улыбнувшись и явив тем самым почти полное отсутствие передних зубов, она хриплым голосом поинтересовалась, что мы будем есть. Еще сутки назад я крепко задумалась бы, прежде чем заказывать что-либо съестное в таком месте, но сейчас я была слишком голодной и слишком уставшей, чтобы привередничать. Послушно повторив вслед за теткой сделанный ею заказ и дождавшись ухода служанки, я, наконец, задала вопрос, терзавший меня несколько долгих часов:

– И что теперь? Мы так и будем сбегать из города в город всю жизнь?

Она внимательно взглянула на меня, прежде чем неохотно ответить:

– Нет, мы останемся здесь и будем дожидаться ответа.

– Ответа? От кого?

– Я отправила весточку. Нам остается лишь ждать.

– Ждать кого? – я упорно не отставала от нее.

Она не ответила, уклончиво пожимая плечами. Как же мне был знаком этот жест – так она всегда отвечала на вопросы о моей семье, о причинах, заставлявших нас постоянно переезжать с места на место, порой срываясь в ночь и оставляя все вещи в очередном арендованном доме. Но сегодня у меня не было сил вновь довольствоваться этим скудным пожиманием плеч – я устала вечно находиться в неведении, устала быть послушной. И потому я продолжила расспросы:

– Что это было? Я имею в виду, что напало на город? Вы ведь встречали подобное раньше, признайтесь!

Тетушка недовольно поджала губы, что служило верным признаком раздражения, но, тем не менее, спустя пару секунд медленно произнесла, не глядя на меня:

– Асель, я не хочу ничего тебе рассказывать. Совсем скоро ты сама все узнаешь, и я не советую приближать эту минуту.

Я недоверчиво посмотрела на нее, пытаюсь понять – неужели она всерьез считает, что я удовлетворюсь таким уклончивым ответом? Еще несколько дней назад так оно и было, но теперь все изменилось. Я хочу знать, почему на моих глазах погиб город, среди жителей которого была моя подруга. И, в конце концов, я имею право знать, почему моя собственная жизнь представляет собой бесконечную череду бегства от неизвестной мне опасности.

– Хорошо, – я старалась говорить твердо, но голос все равно слегка дрожал, – В таком случае, ответьте еще на один вопрос, и, обещаю, больше я вас сегодня не потревожу.

Она неохотно кивнула, нервно постукивая пальцами по неровной поверхности замазанного стола.

– Что было нужно этим всадникам? Зачем они явились в наш город?

Женщина, сидящая напротив, разом помрачнела и нахмурилась. Мне стало ясно, что именно этих слов она больше всего боялась. Но вопрос был задан, и пренебречь им она уже не могла.

– Ты. Они приходили за тобой, – и в ее бесцветных глазах на секунду промелькнули непонятные мне отголоски странного чувства, которое я впервые увидела в ее взгляде несколько часов назад.

Между нами повисло напряженное молчание, не слишком заметное в общей суете громких разговоров и смеха. Тетья принялась за принесенный служанкой поздний ужин, но я

не могла взять в рот и кусочка. Аппетит разом пропал, вытесненный лихорадочным беспокойством, поселившимся внутри меня. Множество вопросов так и просились на язык, но обещание, данное тете, не позволяло выпустить их на волю. Кто были эти всадники? Почему их цель – я? И если это так, то почему они позволили мне сбежать?

На секунду я даже пожалела о своей настойчивости, придавленная свалившимся на плечи непомерным знанием. Может, если бы я до сих пор находилась в неведении, было бы легче... Но спустя мгновение я решительно прогнала предательскую слабость и задумалась: если все дело во мне, то загадка наверняка кроется в происхождении. Быть может, моя семья была королевского рода, и я теперь единственная оставшаяся в живых наследница? И люди нынешнего короля пытаются меня отыскать, чтобы устранить возможную угрозу власти короля Эриха? Не выдержав, я громко фыркнула, чем вызвала подозрительный взгляд тети в мою сторону. Надо же, до чего меня довела богатая фантазия! Так недолго и сойти с ума, перебирая в голове возможные причины – и сотни прочитанных книг только подстегнут воображение.

Тетушка – она наверняка знает истинную картину произошедшего, но вот как бы выведать у нее хотя бы еще один кусочек информации? Я ломала голову над этим вопросом еще несколько минут, пока внезапно пришедшая, старая как мир мысль не принесла успокоения – надо просто отложить все сомнения до утра. А завтра наступит новый день, и я обязательно найду способ, как подступиться к тете.

Успокоенная таким простым решением, я почувствовала, как ко мне возвращается уже, было, ушедший аппетит. И следующие несколько минут я спешно поглощала лежащее передо мной странного вида блюдо, название которого никак нельзя было соотносить с его вкусом.

Когда, наконец, приятная тяжесть в желудке заставила бесследно испариться сосущее чувство голода, на смену ему тут же пришла невероятная усталость. Глаза начали закрываться сами по себе, а тело резко перестало меня слушаться, готовое распластаться прямо на этой жесткой лавке.

Тетя, заметив мое состояние, спешно окончила свою трапезу и жестом подозвала служанку. Когда та подошла к нам, я уже почти ничего не понимала, балансируя на грани реальности. По-видимому, уточнив расположение нашей комнаты, тетя встала и велела мне следовать за ней.

Не помню, как мы поднялись по массивной темной лестнице на второй этаж, но пришла в себя я только в небольшой комнатке с одним узеньким окошком. Скучная обстановка как нельзя лучше соответствовала общему впечатлению о таверне: парочка колченогих стульев, одинокий стол, судя по толстому слою пыли, не протираемый уже вечность, большой гардероб со сломанной дверцей и две кровати, расположенные в разных углах комнаты. Но мне было безразлично, где именно спать – измученное тело молило об отдыхе. Не успела я с блаженной улыбкой повалиться на одну из кроватей, как вошедшая вместе со мной тетя, оставив дорожную сумку на стуле, вышла в коридор, аккуратно притворив за собой дверь.

Я лежала, укрывшись тоненьким одеялом, совершенно не спасавшим от прохладных дуновений ветра, прорывавшегося сквозь тонкие деревянные ставни, и не могла уснуть. Поразительно – я так долго мечтала об отдыхе, грезилась, как лягу в мягкую кровать и тут же погружусь в мир цветных сновидений, но когда это произошло, сон улетучился. Тело продолжало так же протяжно ныть от усталости, голова тяжело гудела – но долгожданный отдых так и не шел ко мне!

Возмущенная такой несправедливостью, я приняла вертикальное положение, не торопясь, впрочем, покидать кровать – вдруг сон все же передумает и все же решит навестить меня? Но шли минуты, а я так и сидела, бездумно уставившись пустым взглядом в потолок. Наконец, терпение мое иссякло, и я решила успокоить себя излюбленным занятием – чтением. Я точно помнила, что тетя успела взять с собой парочку книг – вот они-то и были мне нужны.

Неохотно выпутавшись из уютного плена одеяла, я подошла к покосившемуся стулу и раскрыла лежащую на нем холщовую сумку. Долго искать не пришлось – книги лежали прямо сверху, словно только меня и поджидая. Одна из них была мне незнакома – темно синяя, практически черная обложка с изображенным на ней странным символом. Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить содержимое своей библиотеки, но, не припомнив ничего подобного, сделала вывод, что эта книга принадлежала тете. Решив, что будет невежливо брать ее – а вдруг она бы оказалась личным дневником – я потянулась ко второй, и, разглядев обложку, мимолетно улыбнулась: то оказалась одна из моих любимых книг. Темная и полная загадок история всегда заставляла меня на время позабыть про окружающую реальность. Это определенно было то, что могло помочь мне пережить сегодняшнюю ночь.

Уже собираясь вернуться обратно в постель, я спохватилась, что не убрала первую книгу. Намереваясь затолкать ее глубже, чтобы она ненароком не выпала, я вновь открыла сумку и свободной рукой начала освобождать место для книги, когда внезапно напоролась на что-то острое. Вскрикнув от боли, я резко дернулась, невольно задев стул, который, казалось, только этого и ждал, чтобы коварно покачнуться и завалиться на бок вместе с лежащими на нем предметами. С громким стуком на пол приземлилась книга, сверху на нее посыпалось содержимое сумки. Убедившись, что этот шум никого не потревожил, я принялась торопливо собирать упавшие вещи: пара яблок, стопка старых писем, небольшое зеркальце в изящной оправе, маленький пузырек неизвестного мне снадобья, теплый платок, небольшой старинный портрет в твердой металлической рамке. Поняв, что он и есть виновник сего маленького происшествия, я взяла его в руки, опасливо стараясь не задевать острые углы, и взгляделась в портрет, одновременно прислушиваясь к звукам из коридора, чтобы не пропустить возвращение тети. На картине, написанной, по всей видимости, еще несколько десятков лет назад, была изображена молодая пара – смешливая девушка, на чьем лице сияла влюбленная улыбка и темно-волосый немного взлохмаченный мужчина, нежно держащий ее за руку. Несмотря на то, что краски давно уже померкли и сделались темными, люди казались совсем живыми. Я зачарованно прикоснулась к шершавой поверхности и провела пальцем по изображению. Неужели это моя тетя? Но эта девушка совершенно не походила на сдержанную и невозмутимую женщину, которая никогда не позволяла себе так открыто проявлять эмоции. Но если это не она, то кто же?

Внезапно я поймала себя на мысли, что уже минуту слышу неясный шум, идущий снаружи. Нахмурившись, я убрала портрет и книгу обратно в сумку и осторожно выглянула сквозь мутное стекло. За окном все было, как и прежде: густая непроницаемая мгла, в эту минуту затопившая, казалось, весь мир, лишь у самого крыльца чуть-чуть отступала перед тусклым светом лампы. Но стоило маленькому огоньку задрожать от резких порывов ветра, как мгла жадно обступила крыльцо, стремясь заполучить в свои зловещие объятия как можно больше пространства.

Но странный отчего-то тревожный звук, похожий на стук множества копыт по пересохшей земле, сопровождаемый тонким пронзительным скрипом, только нарастал.

Уже не зная, чего ожидать от этой безумной ночи, я все же не могла заставить себя отойти от окна, хотя в глубине души все сжалось от дурного предчувствия – внезапно захотелось спрятаться ото всех, залезть под кровать, с головой нырнуть под спасительное одеяло, только бы этот пугающий звук скорее прекратился.

Но звук и не думал исчезать, напротив, с каждой секундой становясь все громче и громче, словно его источник уверенно направлялся к таверне.

Наверняка ни один из постояльцев таверны, кто в столь поздний час все еще находился на ногах, не обращал внимания на приближающийся стук – но для меня самой в это мгновение не существовало ничего, кроме глухих ритмичных ударов, протяжной болью отдающихся в сердце.

Всадники.

Я буквально оцепенела, ощущая, как все внутри застывает при мысли о том, что преследователи все же меня нашли. Неужели всех тех людей, что сейчас сидели в большом зале, не подозревая об опасности, ожидает страшная участь, постигшая оставленный мною впопыхах город? Мгновенно распространившийся по коже холод добрался до легких – казалось, от моего студеного дыхания тонкая стеклянная грань, отделяющая эту маленькую комнату от полной враждебности и коварства ночи, на глазах покрывается невесомыми морозными узорами.

Несколько фигур, облаченных в темную одежду, практически неразличимые на фоне ночи, подлетели к крыльцу и быстро спешили. Вслед за ними в узкую полосу света от фонаря въехала небольшая карета, чьи колеса служили источником так напугавшего меня скрипа, и медленно остановилась.

В этот момент дверь позади меня резко распахнулась, и в комнату влетела непривычно растрепанная тетя...

Глава третья. Когда тебя настигнет прошлое

– Асель, – тетушка подлетела ко мне, заставив испуганно отшатнуться от тонкого стекла. Холодные пальцы больно впились в плечо, но именно это резкое прикосновение помогло сбросить с тела странное оцепенение, овладевшее мной при виде спешившихся всадников.

– Послушай, что я тебе сейчас скажу, – торопливый шепот и тяжелое дыхание так не вязались с привычным спокойствием тети, что мне было сложно разобрать еле слышные слова, пытаясь одновременно понять, что происходит снаружи. – Что бы ни произошло, ты не должна никому ничего про меня рассказывать. Ты слышишь? – она легонько встряхнула меня за плечи, заставляя посмотреть ей в глаза. – Асель, все это время я пыталась спрятать тебя от твоего отца, но, видит Бог, безуспешно – он все-таки сумел тебя найти. И сейчас у тебя нет другого выхода, кроме как отправиться с его слугами – но, заклинаю, ни слова про меня!

– Запомни, Асель, – ни слова! – при этих словах она подхватила со стула сумку и спешно растворилась в полумраке коридора.

Нет, не так я представляла себе долгожданный разговор, когда тетушка, наконец, призналась бы мне о причинах, побудивших нас скитаться с места на место, не задерживаясь нигде дольше года. Но когда первый шок прошел, сменившись чувством острой беспомощности, я осталась наедине с сотней вопросов, которые задать уже было некому. Торопливо оброненная фраза про отца разбудила в моей душе ураган эмоций, которые, словно в калейдоскопе, беспорядочно сменяли друг друга: вспышка радости, удивление, растерянность, страх – и на этом фоне неотвратимо зарождающееся чувство неправильности происходящего. Наконец, финальный аккорд – разочарование, болезненной волной смывшее остатки чувств и безраздельно загопившее душу. Сердце яростно колотилось в груди, словно стремилось вырваться из тесной клетки, голова шла кругом от переполнявших ее мыслей, но я не могла сдвинуться с места, пригвожденная пугающим ощущением нереальности происходящего, вязким туманом окутавшим душу.

Словно со стороны кто-то другой бесстрастно отсчитывал секунды, оставшиеся до того момента, когда мое уединение будет прервано: вот в привычный гул пьяных голосов вклинился скрип отворяемой двери; на мгновение сердце замерло, чтобы в следующий миг забиться еще неистовей. Я ожидала резкой тишины, или, напротив, громких вскриков гнева или недовольства, но припозднившиеся посетители, по-видимому, не вызвали удивления среди полуночных обитателей таверны. В который раз задавшись вопросом, откуда моя такая правильная тетушка могла прознать про столь подозрительное место, коим являлась эта таверна, я отстраненно отметила, насколько это было сейчас странным – размышлять на такие обыденные темы в тот момент, когда ссохшиеся ступени старой лестницы едва слышно скрипели под весом поднимающихся на второй этаж людей.

Не в силах предугадать, что принесет мне следующее мгновение, я вся обратилась в слух, и в этом заранее проигранном поединке выщербленные половицы, устилающие пол коридора, стали моим невольным союзником, оповещая о приближении опасности. Но даже с тоской вслушиваясь в приближающиеся шаги, я никак не могла окончательно выбросить из головы робкие надежды на то, что, быть может, мои страхи явились результатом так некстати разыгравшейся фантазии, и напугавшие меня всадники – это всего лишь припозднившиеся путники, решившие скоротать ночь в старой таверне.

Но торопливое предупреждение тети все еще звучало у меня в ушах, отдаваясь тревожным стуком в сердце. Она никогда бы не позволила себе так стремительно уйти, если бы причины, подтолкнувшие ее на такой поступок, не были бы по-настоящему серьезны. Но именно сейчас, когда я растерянно стояла посреди пустой холодной комнаты, как никогда остро ощущая собственное одиночество и бессилие, мне так не хотелось верить в то, что сказанное тетуш-

кой – правда. Потому, как если это действительно так, реальность, с которой мне придется столкнуться всего через несколько секунд, не оставит и следа от потаенных детских грезах о родителях.

В этот момент, наконец, неплотно прикрытая дверь с противным скрипом начала медленно открываться, впуская в комнату холодный поток воздуха, потревоживший пламя мирно горящей свечи, отчего мгновенно на стенах заплясали неровные тени. Не обратив на это внимания, я не сводила испуганного взгляда с высоких фигур, облаченных во все черное, так стремительно ворвавшихся в комнату, мгновенно окружив меня плотным кольцом практически неотличимых друг от друга темных силуэтов. Эти всадники не были теми, что напали на город – но едва ли это открытие могло утешить меня сейчас.

Один из них приблизился ко мне почти вплотную, заставив сделать робкий шаг назад – точнее, попытаться. Но в следующую секунду стоящий позади меня человек, почти нежным движением обхватив за талию, в мгновение ока приставил к груди холодное лезвие, даже сквозь одежду кольнувшее меня равнодушным острием металла.

– Ни звука, иначе эта милая вещица вопьется в твоё тело. Нет, убивать тебя мы не станем, но лишние шрамы не украсят твою нежную кожу, – горячее дыхание обожгло мне шею, но от жестокости слов по телу пробежал холодок.

Быстро осмотрев помещение и убедившись, что кроме меня здесь никого нет, мужчины замерли возле, по-видимому, своего предводителя, продолжавшего держать меня в стальном объёме своих рук.

– Ты была здесь не одна, – он резко нарушил тревожную тишину, грубо обратившись ко мне. – Где сопровождавшая тебя женщина? Куда она исчезла?

Чтобы у меня не осталось сомнений по поводу серьезности его намерений, мужчина сильнее надавил на клинок, отчего тот, с легкостью прорезав одежду, коснулся кожи, порождая очередной виток страха, мгновенно распространившийся по всему телу.

Но даже если в эту минуту я могла бы говорить, с моих губ не сорвалось ни одного слова, способного хоть как-то навредить тетушке. Поняв это, главарь скривился и приказал:

– Обыскать таверну – она не могла далеко уйти. Живая или мертвая, но она должна быть доставлена к господину, – это явно адресовалось обступившим нас людям, которые, едва услышав приказ, без единого лишнего звука исчезли в недрах коридора.

– А ты, – он вновь обратился ко мне, – сейчас спокойно спустишься вместе со мной и не издашь ни звука. Ты же не хочешь навлечь на себя еще большие проблемы?

Я могла только безмолвно кивнуть в ответ, не в силах поверить, что все происходящее действительно не сон, и не плод моего воображения, а пугающая реальность.

Быстро миновав коридор, мы остановились у лестницы, где нарочито нежно обнимающий меня мужчина еще раз напомнил мне про необходимость молчать, что мог бы и не делать – даже при всем старании я не смогла бы выдать из себя и звука.

Со стороны, наверное, мы выглядели как нежно обнимающая пара. Может, и моя неровная походка казалась не более чем результатом пары-тройки выпитых кружек эля. Спустившись на первый этаж, мы неторопливо прошли к выходу, провожаемые редкими взглядами пьяных посетителей. Не было сомнений в том, что даже сумей я закричать, позвать на помощь, никто в таверне не пришел бы мне на выручку. Ввязываться в драку ради какой-то незнакомой девицы – нет, таких дураков здесь точно бы не нашлось.

И только когда мы вступили в уютные объятия темноты, клинок у моей груди дрогнул лишь на мгновение, но мне хватило и этого, чтобы резко вырваться из обхвативших меня рук. По-видимому, уже не ожидая от меня сопротивления, похититель заметно расслабился и не успел опомниться, как я оказалась на свободе. Правда, ненадолго – осознав, что пленница решила попытаться сбежать, мужчина ринулся за мной, чтобы вновь скрутить спустя несколько секунд короткой и беспощадной борьбы.

Я закричала, попытавшись вырваться из крепких рук, но безуспешно – мой похититель значительно превосходил меня по силе. В этот момент большая мужская ладонь зажала мой рот, заставляя захлебнуться собственным криком.

Грубо обхватив меня поперек туловища, отчего на моем теле наверняка останутся синяки, он закинул меня к себе на плечо, и уверенно направился к ожидающей нас неподалеку карете.

Распахнув дверцу, мужчина грубо втокнул меня в тесное пространство кареты, состоящее из пары жестких сидений и двух окошек, плотно завешенных темной тканью, не пропускающей тусклый свет одинокой лампы у крыльца. Не успела я подняться с пола, опираясь на твердое сидение, как карета с громким скрипом дернулась, чтобы в следующее мгновение резко тронуться с места.

И тут небеса решили, что момент настал – грозовые тучи, наконец, разверзлись и хлынули на землю проливным дождем. По крыше кареты застучали тяжелые капли, словно требуя впустить их внутрь, но я не обращала на них внимания, полностью забравшись на сидение и обхватив себя руками в надежде согреться. Ко всему прочему мои похитители совершенно забыли вместе со мной похитить и мой плащ, а дорожное платье не защищало от ночной прохлады. По телу медленно расползлся опустошающий холод, забирающий с собой остатки сил. Эта безумная ночь иссушила меня, выпила все надежды, взамен оставив новые вопросы, приправленные горькой щепоткой разочарования. Но самое сложное еще ожидало меня впереди – и потому я изо всех сил дышала на ледяные пальцы, пытаюсь унять дрожь.

Колеса кареты вязли в густой дорожной жиже, каждая кочка, каждая колдобина отзывалась в моем теле болезненным ощущением, но я, стиснув зубы, не позволяла себе выпустить на свободу рвущийся стон тоски и отчаяния.

Почему? Почему происходящее со мной все больше становится похожим на сюжет очередной страшной книги, которую взрослые прячут от детей на самые высокие полки книжных шкафов? Нужно ли было так долго скрывать от меня правду, чтобы приоткрыть завесу тайны именно в тот момент, когда уже нельзя что-либо изменить? Неужели правда настолько омерзительна, раз тетушка не рассказывала мне об отце столько лет?

Немного приоткрыв пыльную ткань, я выглянула в окно, но в окружающем мраке ночи невозможно было что-либо разглядеть. А карета, тем временем, все дальше уносила меня от старой таверны, оставляя позади множество вопросов, на которые, скорее всего, я уже никогда не узнаю ответов.

Проходили минуты, а, может, и часы, но карета все неслась куда-то во тьму, управляемая твердой рукой возницы. Иногда сквозь мерный шум дождя пробивался звук копыт, и я понимала, что всадники следуют за нами, ведомые приказом пока неизвестного мне отца.

Но чем больше я размышляла о грядущей встрече, тем мне становилось страшнее.

Можно много рассуждать о прошлом, рисуя яркими красками радужную картину в своей голове, но когда однажды оно тебя все же настигнет, будешь ли ты готова к тому, что принесут с собой припорошенные пылью и потускневшие от времени тайны минувших дней? Не лучше ли было так и оставить их запертymi в старинных сундуках, тщательно спрятанными от всего мира – в том числе и от тебя самой, чтобы отпущенное на свободу прошлое в одно мгновение не разрушило с таким трудом выстроенный для тебя кем-то другим *твой* собственный мир?

Я так мечтала узнать правду о своих родителях, но понимание того, что, быть может, лучше было о них никогда и не знать, пришло только сейчас.

В тот момент, когда мои внутренние метания достигли кульминации, карета, замедлив ход, наконец, остановилась. Тревожно замерев на сидении, я не спешила выходить наружу, не зная, чего ожидать от этой полной безумия и неожиданных открытий ночи. Но у моих похитителей были другие планы – открыв нараспашку дверцу кареты, все тот же мужчина, что

угрожал мне клинком, жестом повелел выходить. Опасаясь вновь выказывать сопротивление, я неохотно последовала его приказу. Предательски тонкая ткань мгновенно пропиталась ледяными каплями дождя, с радостью обрушившегося на меня, едва я покинула карету. Но вопреки тому холоду, что несли с собой слезы неба, я подставила лицо их дерзким прикосновениям, наслаждаясь тем необузданным ощущением жажды жизни, что пропитывало каждую каплю. Каким бы коротким не было их существование – но даже в те секунды, что длился их недолгий полет до земли, они успевали привнести в этот мир частичку чего-то непостижимого, чего-то простого и одновременно древнего, как сама жизнь. Глубоко вдохнув, я провела ладонью по мокрым щекам, и почувствовала в себе силы, чтобы, наконец, оглядеться.

Это было странное и неудобное место – глухая пустынная поляна в окружении нахохлившихся мрачных елей, словно недовольных, что их покой был потревожен чужим присутствием. Зато разгулявшийся ветер с радостным завыванием пронесся сквозь надменно приподнятые ветви, нежась в густой хвое.

В середине этой поляны был разбит небольшой шатер непонятного в темноте цвета, который, как я поняла, и был конечной целью моего «путешествия».

У самого шатра мой похититель подтолкнул меня вперед, указывая, чтобы оставшееся расстояние я преодолела в одиночестве.

Вплотную подойдя к жесткой плотной ткани, помедлив всего мгновение, я отвела ее в сторону и сквозь образовавшееся отверстие смело шагнула внутрь.

Несколько мужчин, до моего появления ведущие оживленную беседу, одновременно умолкли и уставились на меня с разными выражениями на уставших лицах. Трое из присутствующих не скрывали своего облегчения при виде моей фигуры, замершей у входа, но странным образом, я ощутила, что все они безмолвно ожидают реакции высокого, уже не молодого мужчины, застывшего с задумчивым выражением на надменном лице.

Облаченный в неприметного цвета одежду, явно вышедшую из-под иглы мастера, он повернулся, жестом приказывая остальным нас покинуть, и бесстрастно произнес, оглядывая меня с ног до головы:

– Здравствуй, дочь! – в пустых глазах когда-то яркого, а теперь уже выцветшего от времени, цвета летнего неба не отразилось ровным счетом ничего.

Я замерла на месте, не зная как себя вести. Судя по холодному приему, мужчина явно не ждал от меня проявлений дочерней любви, но странного рода любопытство, все же проглядывающее сквозь маску равнодушия на его лице, не позволило мне промолчать:

– Здравствуйте... отец.

Многие годы я мечтала, как произнесу эти слова, мечтала, как глаза человека, подарившего мне жизнь, озарит радость долгожданной встречи, но никогда, даже в самом страшном сне мне не могло привидеться, что это короткое слово оставит на губах лишь горький привкус разочарования.

Он еще некоторое время внимательно разглядывал меня, и даже показалось, что на секунду выражение его глаз смягчилось, словно при виде меня он вспомнил кого-то, воспоминания о ком смогли растопить ледяную маску безразличия. Могла ли это быть моя мать? Я только открыла рот, чтобы спросить его об этом, но опоздала: искры неизвестного мне чувства, сверкнув, погасли в его глазах, сменившись холодной пустотой, и отец, мгновенно потеряв ко мне интерес, перевел взгляд на мужчину, все это время неслышно стоявшего за моей спиной:

– Она была одна?

– Да, мы обыскали таверну, но никаких следов присутствия женщины не обнаружили.

– Глупцы! Как вы могли ее упустить? Немедленно возвращайтесь обратно и обыщите все вокруг. Привезите мне ее – живой или мертвой!

Я замерла на месте, осознав, что речь, по всей видимости, шла о моей тетушке. Но ледяной холод, незримой нитью прошедший сквозь жестокие слова, заставил меня резко напрячься,

не понимая, почему нельзя оставить ее в покое теперь, когда уже заполучил меня. Сколько еще страшных тайн хранит прошлое, о которых я даже не подозреваю? Как бы я не относилась к тете, как бы порой не обижалась на холодность и скрытность, слышать о том, как отец фактически приказывает ее убить, было невыносимо. Но что я могла поделать, имея на руках столь ничтожные знания обо всем, что касалось меня самой и моей семьи?

Тем временем, мой сопровождающий, молчаливо кивнув на холодный приказ, покинул шатер, перед этим учтиво поклонившись, чем несказанно меня озадачил. Наверное, в другой раз я бы непременно поломала голову, обладателем какого титула является мой отец, но сейчас меня волновали более насущные вопросы. Дождавшись, пока мужчина вновь взглянет на меня, я тихо проговорила:

– Отец, скажите мне, моя тетушка... Кто она вам? И почему вы так непримиримы по отношению к ней?

Он расплылся в зловещей улыбке, по-видимому, освежая в памяти список ее прегрешений:

– Кем приходится она мне? К моему прискорбному сожалению, единоутробной сестрой, что, наверное, и послужило причиной наших с ней разногласий, – последнее слово он произнес с нажимом, явно подразумевая под ним что-то большее, нежели ссора из-за разбитой тарелки или недостаточно низкого поклона. – Наша семейка никогда не отличалась мирным характером, потому-то мирно сосуществовать друг с другом мы просто не в силах.

Я замерла, обдумывая услышанное. После многих лет тайных мечтаний о том, как однажды окажется, что тетушка похитила меня у родной семьи, которая всегда меня искала, узнать, что она все же являлась мне кровной родственницей, было немного больно. И в первую очередь, из-за женщины, меня воспитавшей – пусть и причины того, что она разлучила меня с настоящей семьей, были мне до сих пор неизвестны. Пользуясь моментом, я поспешила задать новый вопрос:

– А для чего тетя отлучила меня от вас? – он скривился, недовольный этим вопросом, но, тем не менее, все же собираясь на него ответить. Но только он открыл рот, чтобы приоткрыть еще одну завесу тайны, окружающей мое детство, как в шатер резко ворвался непривычно бледный и смертельно напуганный мой недавний похититель, с трудом выговоривший дрожащим от ужаса голосом:

– Мой господин, он прибыл!..

Я непонимающе взглянула на отца, намереваясь уточнить, кого имел в виду его слуга, но разом побледневшее лицо мужчины заставило меня прикусить язык.

Что бы это ни было, мне резко расхотелось об этом узнавать.

Глава четвертая. Кошмар наяву

Под стать моему испугу сквозь тряпичные стены шатра с новой силой ворвался ледяной ветер, приправленный странным ощущением неотвратимости грядущего, пока мне неизвестного, но уже заставившего душу заледенеть в тревожном ожидании.

Лицо отца вновь стало равнодушным, но меня это не обмануло: как он ни пытался скрыть страх, поселившийся в глубине глаз, у него ничего не вышло. Столь напугавшее сообщение слуги о чем-то появлении, которого, судя по всему, он ожидал, но одновременно и боялся, заставило его на секунду показать истинные эмоции, главенствующее место среди которых занимал страх. И я боялась даже предполагать, что могло явиться его причиной. Внезапно мне стало казаться, что этот шатер – единственный островок света посреди безнадежного моря тьмы, и стоит только приподнять неплотную ткань, отделяющую нас от него, как мгла радостно ворвется внутрь, затягивая в свои смертоносные объятия.

В этот момент отец, все это время о чем-то размышлявший, решился, и отнюдь не ласковым движением подхватив меня под локоть, повлек за собой, игнорируя слабые попытки сопротивления. Отбросив в сторону полотно, прикрывающее вход в шатер, он позволил ночному холоду окутать нас плотным покрывалом темноты.

Дождь прекратился, но плотные тучи, гонимые резкими порывами холодного воздуха, не желали покидать измученное небо, из последних сил цепляясь раздувшимися боками за высокие макушки деревьев.

Радостно встретивший нас ветер тут же накинулся на мое дрожащее тело, забираясь под сырую ткань, еще больше охлаждая и без того ледяную кожу.

Но даже он не мог заставить меня отвести взгляд от находящейся в отдалении небольшой группы всадников, которые безраздельно завладели моим вниманием, едва я покинула шатер. Удивительно спокойные лошади, сливающиеся с окружившей нас тьмой, не издавали и звука, казалось, повинуюсь мысленным велениям своих хозяев. Я могла поклясться, что не было произнесено ни одного слова вслух, не сделано ни одного движения, которое говорило бы о изданном приказе, но одна из лошадей почти неслышно сдвинулась с места и направилась к нам.

По тревожно дрогнувшей руке отца, продолжающей сжимать мое плечо, я поняла, что он невероятно напряжен – и чем различимее становился силуэт всадника, тем сильнее дрожали его пальцы. Но даже боль не могла привести меня в чувство – словно замороженная, я наблюдала за приближающейся мужской фигурой, ощущая, как нарастающий страх невидимыми иглами впивается в тело, неотвратимо проникая под кожу.

Почти неразличимый в темноте всадник, облаченный в длинный плащ цвета беспросветной ночи, легко спрыгнул с лошади и неспешным шагом приблизился к нам, остановившись в нескольких шагах от меня. Даже будучи не в силах разглядеть его лица, я не сомневалась в том, кого именно вижу перед собой – слишком живы были в памяти непроницаемо черные глаза, так напугавшие меня на ярмарке. И видеть его так близко после всех событий этой безумной ночи было чересчур для моего бедного сознания – на секунду мне даже показалось, что все это не более чем ужасный сон, кошмар, приснившийся мне после очередной книги страшных сказок. Но внезапный толчок в бок заставил меня, не ожидавшую от отца подобного, пошатнуться и лишь сильнее ухватиться за его руку, одновременно позволяя понять, что все это не сон, а реальность, превосходящая любые, даже самые жуткие кошмары. Все еще не веря в то, что он хочет, чтобы я добровольно шагнула к мужчине, что застыл напротив нас в ленивом ожидании, я обернулась и с мольбой взглянула на отца. Ответный взгляд, в котором смешивались испуг и отчаянное желание скорее оказаться как можно дальше от этого места, послужил мне ответом. Переведя взгляд куда-то за мою спину, он произнес слегка хрипловатым голосом, в котором, несмотря на все его старания, все же прозвучала нотка страха:

– Вот она, – отец сопроводил эти слова еще одним ощутимым толчком, вынудившим меня с неохотой разжать ладонь, выпуская его руку, и сделать неуверенный шаг вперед. Удивительно, но я только сейчас поняла, что, пусть грубое, но все же прикосновение кого-то близкого дарило обманчивое ощущение надежности, которое неосознанно поддерживало меня все это время. И только лишившись этой поддержки, я в полной мере почувствовала всю степень собственной беспомощности.

В нерешительности замерев на месте, я робко взглянула на столь пугающего меня мужчину, который, тем временем, не обратил на меня никакого внимания, вместо этого обратившись к отцу:

– Срок нарушен.

Я жадно вслушалась в низкий плавный голос, который никак не вязался с тем, что я успела уже представить себе за эти секунды – но, несмотря на почти мягкое звучание, легкие тревожные нотки опасности, предостерегающим эхом прозвучавшие сквозь слова, отдались по коже мелкой дрожью.

Я только успела задуматься, что именно скрывалось за этим сообщением, как в этот момент позади меня раздался слегка дрожащий голос отца, так не похожий на тон, с которым он разговаривал со мной:

– Господин, в этом нет моей вины. Моя никчемная сестрица все эти годы прятала девочку, и только сегодня ночью мои слуги, наконец, смогли ее отыскать...

Словно не слыша робких попыток оправдаться, странный мужчина проговорил прежним бесстрастным тоном:

– Четыре города за четыре дня просрочки. Половина уже уплачена, осталось еще два.

В ответ на это страшное условие я содрогнулась от ужаса, даже толком не понимая, о чем это они, но тут вдруг отец с нескрываемым облегчением торопливо проговорил, словно боясь, что страшный собеседник вдруг передумает:

– Да, да, конечно!

– Я и не спрашивал разрешения, – с внезапным холодом оборвал его сбивчивые слова странный мужчина, мгновенно теряя интерес к отцу. – Ничто не в силах остановить моих воинов, уже направляющихся к следующему городу.

Я похолодела, предчувствуя, что сейчас он, наконец, обратит свой взгляд на меня, продолжающую робко стоять между двумя мужчинами. Так оно и произошло – нарочито медленным движением он оказался на расстоянии пары шагов от меня, невольно приковывая мой взгляд к лицу, все еще скрытому широким капюшоном. Но не было нужды пытаться что-то разглядеть в окружившей нас мгле, ибо я и так прекрасно знала, что ожидает меня под темными полами струящейся материи.

Пугающий человек с глазами демона лениво поманил меня пальцем, призывая подойти еще ближе, но тело перестало слушаться – даже если бы захотела, я не смогла сейчас сделать и шага.

Отец угрожающе зашипел сквозь стиснутые зубы, и не было сомнений в том, что, если понадобится, он лично свяжет меня и отдаст в лапы этому монстру:

– Аселейн, немедленно иди к нему!

– Аселейн, – мужчина задумчиво повторил мое имя, словно пробуя его на вкус; хриплые нотки в его голосе удивительным образом превратили такое обыденное имя во что-то неуловимо грешное и порочное. Темные глаза, не отрываясь, рассматривали меня в упор, словно примеряя имя к внешности – и едва уловимая вспышка одобрения, мелькнувшая сквозь танцующие в его взгляде языки черного пламени, без слов сказала, что ему нравилось то, что он видел. Казалось, его совершенно не заботило, что воздух ощутимо загустел, вбирая в себя напряжение и страх короля и почти священный ужас его слуг, странное нетерпение окружающих нас всадников, чьи длинные накидки цвета окружающей ночи яростно трепал ветер. Я

поежилась, ощутив, как сквозь меня, словно через эпицентр, проходят чужие эмоции, сталкиваясь друг с другом. Никогда еще я не чувствовала себя столь беспомощной – пустая игрушка в чьих-то руках, очередная жертва взрослых и непостижимых моему рассудку игр. Но ценой этой игры были моя жизнь, моя душа, и все внутри кричало от бессилия что-либо изменить.

– Несомненно, ты сейчас ломаешь голову над тем, что сейчас происходит. Я могу тебе объяснить, – словно услышав мои мысли, неторопливо проговорил объект моих рассуждений. – Семнадцать лет назад твой отец возжелал власти – и я исполнил его желание. Но ценой тому была твоя душа. И срок настал – я пришел за тобой, Аселейн, и теперь ты принадлежишь мне.

Я замерла от ужаса, пригвожденная его словами, как в этот момент ветер, наконец, добился своего: темные тучи разочарованно покинули облюбованные позиции и направились куда-то вдаль, позволяя робкому свету разлиться по поляне, разгоняя царящую вокруг нас темноту.

И вновь я сжалась от нахлынувшего липкого страха, когда в неверном свете луны он медленным движением начал опускать с головы широкий капюшон, позволяя мне впервые полностью увидеть его лицо. Темные, небрежно взлохмаченные пряди волос, придавшие неряшливый вид кому угодно бы, но только не мужчине, стоящему напротив, мягко спускались на высокий лоб; широкий разлет бровей выдал непростой характер своего хозяина, плотно сжатые губы подрагивали, словно мужчина едва сдерживал свой гнев или нетерпение. Даже на мой неискушенный взгляд он был нечеловечески красив – но в то же время в этой красоте было что-то пугающее. Словно каждая черточка совершенного лица предупреждала о грядущей опасности, о том, что завораживающий своей таинственностью дикий хищник вышел на охоту. И своей жертвой на эту ночь он избрал меня.

Несмотря на лениво произнесенное объяснение, я все еще не могла поверить, что родной отец мог так жестоко поступить с собственным ребенком. Но где-то в глубине души затаился предательский страх: а что, если все сказанное – правда? Если действительно теперь моя судьба всецело находится в руках этого странного существа, причислить которое к людскому роду, несмотря на явное внешнее сходство, я не могла? Не было сомнений в том, что, какие бы цели он не преследовал, ничего хорошего лично мне это не сулило. И пусть я почти ничего не знала об окружающей меня действительности, но эмоции, пылающие в черных глазах, не могли обмануть. Панические мысли всецело овладели моим сознанием, пока я изучала лицо замершего напротив меня мужчины, впрочем, избегая смотреть ему в глаза.

Все это время мужчина терпеливо ждал, но когда я начала изучать высокий воротник, украшенный старинной вышивкой, терпение его кончилось. Быстрым шагом преодолев разделяющее нас расстояние, он властным жестом ухватил меня за подбородок, понуждая, наконец, заглянуть в его страшные глаза, на дне которых плескалась тьма. Я снова ощутила, как меня неудержимо тянет к нему неведомая сила, источник которой крылся где-то в глубине полыхающих темным огнем глаз. Столь близкое присутствие рядом сильного мужского тела, прикосновение жестких пальцев к нежной коже лица рождало во мне странные эмоции, никогда прежде мной неведомые. И вновь я задалась вопросом, кем же является этот странный мужчина, окруженный аурой страха и пугающей уверенности в собственной вседозволенности. Он никак не подал вида, что заметил мое смятение, вместо этого жадно всматриваясь в мои глаза, словно пытаясь что-то в них отыскать, не обращая внимания на временно установившееся затишье, наполненное тревогой и страхом. Не знаю, увенчались ли его поиски успехом, так как в тот момент, когда мой разум готов был сдаться на милость превосходящего по силе и мощи молчаливого противника, тишину нарушил мой отец:

– Теперь, когда все долги уплачены, могу я вернуться обратно?

Мужчина даже не шелохнулся, но в глубине его глаз полыхнуло раздражение, источником которого явился тревожно замерший отец, напряжение и страх которого я ощущала спиной. Почему он так лебезил перед этим человеком, когда с остальными окружающими его людьми

вел себя как не знающий страха господин? Внезапная догадка яркой вспышкой полыхнула где-то на краю сознания, но не успела я ее додумать, как столь пугающий отца мужчина, наконец, перевел взгляд с моего лица и небрежно произнес:

– Счастливой дороги, Ваше величество, – он слегка наклонил голову в знак прощания, но этот жест настолько был наполнен нескрываемой насмешкой и презрением, что отец не счел нужным даже отвечать, спешно бросившись к ожидающим его в стороне слугам.

Когда спешно удаляющуюся карету поглотила тьма, я медленно повернулась к окружившим меня темным фигурам и храбро произнесла первое, что пришло мне на ум, лишь бы прервать нарастающее напряжение, плотной волной разлившееся в воздухе:

– Что теперь? Вы меня съедите?

Ответом мне послужил громкий гогот со стороны так и не спешившихся всадников. Однако их предводитель так и не изменился в лице, продолжая задумчиво смотреть на меня.

– Нет. – Это было его первое слово, обращенное ко мне. Но даже оно одно, произнесенное низким хриплым голосом, заставило мое тело покрыться мелкой дрожью. И виной тому была отнюдь не ночная прохлада.

То, что произошло дальше, слилось для меня в одну бесконечную расплывчатую пелену событий, которые я словно наблюдала со стороны, не принимая никакого участия: вот один из всадников подводит ко мне неразличимого в ночи гнедого жеребца, вот сильные руки внезапно поднимают меня в воздух, и спустя секунду я уже оказываюсь в седле, судорожно вцепившись в поводья. В следующее мгновение эти же руки неожиданно накидывают на плечи теплую ткань, мгновенно заставившую застывшую кожу покрыться мурашками. Широкий капюшон надежно укрыл мое лицо от коварных порывов ветра, все не желающего угомониться. Я не успела даже оглянуться, до глубины души изумленная столь неожиданным проявлением заботы, как конь подо мной мягко двинулся с места. Тело тут же болезненно отреагировало на прикосновение жесткой, грубо обработанной кожи, разом воскрешая в памяти, казалось, бесконечную скачку по пустынным полям в попытке скрыться от неведомого зла, напавшего на город. Если бы можно было заранее предугадать, что в первую очередь нужно было бояться не этих зловещих фигур в черном, а обычных людей из плоти и крови, может быть, сейчас я была бы все еще вместе с тетушкой. Но сейчас уже было бесполезно размышлять о том, чего уже было не изменить, и потому я постаралась сосредоточиться на мелькающих вокруг темных силуэтах деревьев да извилистых очертаний ненадежной тропинки под копытами скакуна. В первые мгновения я еще боялась вылететь из седла, и потому из последних сил держалась за поводья, но, несмотря на мои внутренние опасения, конь оказался гораздо умнее всех моих предыдущих питомцев. Мне даже не было нужды управлять им – казалось, он сам выбирает дорогу, совсем не нуждаясь в подсказках. И вновь я задумалась об истинной природе этих странных существ, которые, как и их хозяева, совсем не походили на обычных животных.

Ветер трепал выбившиеся из-под капюшона пряди, а мысли мои, тем временем, против воли вновь вернулись к отцу.

В детстве я тысячу раз представляла себе, как однажды весенним утром в дверь очередного арендованного дома постучатся мои родители. Высокий черноволосый мужчина со смешливыми искорками в теплых карих глазах и хрупкая невысокая женщина, от которой я унаследовала любовь к чтению и привычку закусывать губы в минуты волнения, что так не нравилось тетушке. Время шло, я становилась старше, но мечты о родителях не желали покидать мой разум, тщательно взлелеянные множеством прочитанных сказочных историй, в которых добро обязательно одерживало верх над злом. Но сейчас я впервые задумалась о том, что лучше бы никогда не узнавала правды о своем истинном происхождении – это знание не принесло мне ни радости, ни облегчения, а только еще более усилившееся чувство одиночества. Но и не думать о родителях, как ни старалась, не могла – встреча с отцом оказалась совсем не такой, как я ожидала, но ведь помимо него у меня должна была быть и мама. И чем больше я думала о ней,

тем сильнее во мне крепло необъяснимое убеждение, что она была против поступка отца – иначе, почему ее не было рядом с ним? Внезапно, поддавшись мгновенному порыву, я мысленно пообещала самой себе сделать все возможное, чтобы отыскать ее – конечно, при условии, что она все еще жива.

В этот момент темные фигуры всадников, скачущих впереди меня, внезапно резко повернули куда-то в сторону, отдаляясь от нас. Я недоуменно проводила их взглядом, ожидая, что мой конь повернет вслед за ними, но он упрямо продолжал скакать куда-то вперед, сопровождаемый неслышным перестуком копыт, звучащим сзади – лишь один всадник остался со мной, и я даже не сомневалась в том, кто именно это был.

Не успела я как следует задуматься о том, что это значит, как внезапно взгляд зацепился за что-то неправильное в перед нами пейзаже – абсолютно пустынный склон, лишенный всякой растительности, резко обрывался огромной пропастью, зияющая пасть которой особенно жутко смотрелась в обманчивом лунном свете. Но самое пугающее заключалось в том, что лошади уверенно скакали по направлению к ней, с каждым мгновением только убыстряя темп. Я в ужасе попыталась остановить скакуна, со всей силы резко дернув поводья, но опоздала: за одно мгновение до этого скакавший позади конь обогнал нас и в одном бесконечно длинном прыжке устремился прямо в пропасть. Все это заняло не больше секунды, но мне показалось, что прошла целая жизнь, пока литое мускулистое тело лошади, залитое светом одинокой луны, пронеслось прямо над пропастью, чтобы в следующий миг вместе с седоком раствориться прямо в воздухе!

Я не успела даже осознать, что именно произошло, как конь подо мной напрягся и прыгнул вслед. Не знаю, почему, но я не стала закрывать глаза, уверенная, что гляжу в глаза собственной смерти. Перед взглядом пронеслась широкая расщелина, на дне которой клубилась тьма, а затем внезапно копыта скакуна с разбегу оказались на твердой надежной земле. Я робко оглянулась назад, все еще не веря в то, что мы каким-то чудом миновали ту страшную пропасть, но ничего, хотя бы отдаленно ее напоминающего, позади меня не было – лишь только одинокие деревья да луга. Я усталым жестом потерла лицо, решив, что, наверное, что-то приключилось с глазами, потому как картина, меня окружающая, уж больно отличалась от той, что я наблюдала всего минуту назад.

Все еще ничего не понимая, я, наконец, обратилась взглядом к впереди идущему жеребцу – и обомлела. Впереди нас возвышался мрачного вида замок, в изменчивом свете луны отливающий всеми оттенками черного. Узкие высокие башни угрожающе возвышались над пустынной равниной, сквозь рваные клочья облаков на нас бесстрастно взирал с чернильного цвета неба ровный овал луны, заставляя поежиться под холодным взглядом властительницы ночи.

В детстве я очень любила смотреть на звезды, представляя, как они ласково подмигивают мне с высоты, но сейчас отчего-то вид неба, усыпанного вкраплениям холодной алмазной крошки, заставил еще острее ощутить свое одиночество, несмотря на присутствие темного всадника, скачущего почти рядом.

Я вновь перевела свой взгляд на грозный замок, настороженно застывший огромной черной скалой посреди залитой лунным светом равнины, когда сердце кольнула острая игла тревоги.

На первый взгляд, все вокруг дышало покоем и умиротворением, но отчего-то тревога в душе лишь усилилась. Нахмурившись, я еще раз обвела взглядом застывшие силуэты одиноких деревьев, равнодушный лик луны, очертания замка, пока, наконец, не поняла, в чем причина этого странного ощущения. Я не чувствовала ни малейшего дуновения ветерка на своем лице: он не прятался в густых ветках, не тревожил траву у меня под ногами – нет, его просто не было. Окружающую нас тишину не нарушали негромкие трели ночных птиц, неслышно было ничего вокруг – и от этого становилось еще страшнее. Я обратила взгляд на величествен-

ное небо – но и тут меня ждало разочарование: рваные силуэты облаков и не думали сдвигаться с места, казалось, навечно замерев в одном-единственном положении.

Боже, что с этим миром было не так?

Я растерянно взглянула на остановившегося всадника, так же, как и я, замершего в ожидании.

Поймав мой взгляд, он медленно произнес:

– Добро пожаловать в мой мир. Теперь это и твой мир тоже.

Глава пятая. Дьявольская ночь. Часть первая

Я резко распахнула глаза, в первые секунды силясь понять, где нахожусь. Незнакомая мне комната, погруженная в ночную темень, казалась не более чем призрачным сном, навевным дурным настроением, но тяжело бьющееся сердце глухими ударами вторило растерянным мыслям, подтверждая, что все случившееся – не сон. Смутные образы прибытия в замок, его длинные извилистые коридоры, погруженные во тьму, мой пугающий провожатый, приведший меня в эту комнату и оставивший в ней – все эти события настолько смешались и спутались в уставшем сознании, что я с трудом могла отличить сон от яви.

Чтобы прийти в себя и окончательно сбросить неотступные нити забытья, опутавшие разум, мне потребовалось несколько долгих минут. Все это время я продолжала лежать под теплым мягким покрывалом, невидящим взором уставившись в сторону широкого окна, бледным пятном белеющим посреди господствующего в комнате полумрака, но мысли мои были далеки отсюда.

Я не могла даже предполагать, сколько именно проспала – за окном на непроглядно черном небе равнодушно висела все та же одинокая луна, чей редкий свет не мог рассеять темноты ночи. Легкий балдахин, обрамляющий кровать, светлыми складками спускался к самому полу, тем самым, скрывая мое лицо от рассеянных лучей безразличного светила, пробивающихся сквозь витражное окно – и я неожиданно была этому рада. Словно это чужая луна могла подслушать мои мысли, которые в этот момент напоминали испуганное стадо животных, мечущихся из стороны в сторону.

Кем был этот опасный мужчина? Почему он привез меня в свой замок? Что это за странный мир, в котором время точно остановилось? Сотни вопросов разрывали мою голову, но ни на один из них я не могла подобрать ответа, который бы укладывался в привычную картину мироздания. А думать о том, к чему могли вести те тонкие нити подсказок, ненавязчиво подсказываемые памятью, я боялась. Потому как в этом случае все, что я знала об этом мире, да и о себе в целом, было неверным.

За свои семнадцать лет я еще никогда не сталкивалась с подобным, и теперь просто не знала, как разобраться в окружающем меня хаосе и при этом сохранить рассудок. Раньше я часто молилась Богу, прося, чтобы моя скучная и размеренная жизнь изменилась, стала другой – а теперь не знала, радоваться или плакать над тем, что небеса все же услышали мои молитвы. Как же сейчас мне не хватало присутствия тетушки – пусть мы никогда не были близки, но все же рядом с ней я неосознанно чувствовала себя в безопасности.

Незаметно мысли мои переключились с собственной незавидной участи на дальнейшую судьбу тети – смогла ли она сбежать от слуг отца или все же попалась? Я могла только надеяться, что мне еще доведется встретиться с ней когда-нибудь. Зато теперь одним вопросом стало меньше: я более не испытывала сомнений относительно того, почему она не рассказывала мне про отца. Учитывая его «теплые» родственные чувства, я не сомневалась, что она просто опасалась за свою жизнь – и, печально было признать, но опасения эти были весьма справедливы. Неужели человек, подаривший мне жизнь, на самом деле мог быть таким монстром, каким он предстал передо мной этой ночью – холодным, безжалостным, черствым? Несмотря на явные тому доказательства, в глубине моей души до сих пор теплились хрупкие ростки надежды, что обстоятельства, сподвигшие его на такие ужасающие своей жесткостью поступки, были по-настоящему серьезны. Хотя едва ли возможно найти оправдание человеку, который без малейших колебаний отдал своего ребенка в руки неведомого существа, один только облик которого рождает страх. Я слабо усмехнулась собственным мыслям, вынужденная признать правоту древней мудрости: не зря в старину говорили, что надежда – одно из самых спасительных и одновременно обманчивых чувств. Обманчивых потому, что

эта, порой слепая и ничем не оправданная вера в лучшее может сыграть злую шутку с разумом, подарив иллюзию, и в одночасье разрушить ее до основания.

В следующее мгновение где-то за пределами отведенных мне покоев послышался отдаленный шум. Я резко села, продолжая настороженно прислушиваться к приближающимся звукам, в которых можно было явственно различить перестук уверенных шагов.

Когда звуки стихли рядом с отведенными мне покоями, я сжалась, предчувствуя, что скоро мое уединение будет нарушено. Так оно и произошло – дверь с мягким скрипом отворилась, впуская в комнату высокую красивую девушку, облаченную в сверкающее длинное платье. На безупречном лице играла загадочная полуулыбка, пушистые ресницы в неверном лунном свете отбрасывали тени на щеки, придавая таинственности моей неожиданной гостье.

Не дожидаясь моего приветствия, она громко хлопнула в ладоши, и в тот же миг комната озарилась ровным светом. Я недоуменно покрутила головой из стороны в сторону, желая определить его источник, пока взгляд не наткнулся на стоящие полукругом в центре комнаты узорчатые статуэтки самых различных форм, которые ранее я ошибочно приняла за обычные безделушки. Внутри каждой из них находились десятки ярко горящих свечей, освещающих комнату ничуть не хуже привычных масляных ламп.

– Доброй ночи, гостья, – насмешливо произнесенные слова оторвали меня от созерцания маленьких огоньков, заставив перевести взгляд на стоящую перед кроватью девушку.

Прочистив голос, я осторожно осведомилась, не зная, как именно следует вести себя с ней:

– Разве сейчас не должен быть день? Или я спала столь долго?

Она позволила себе небольшую ухмылку, прежде чем ответить:

– Ты находишься в царстве ночи – здешнее небо никогда не знало иных ласк, кроме прикосновений лунного света. Потому здесь вечно царит мгла.

Неужели мне никогда уже не увидеть солнца? Я потрясенно застыла, в смятении разом позабыв все остальные слова. Каждый день я воспринимала это яркое слепящее глаза небесное светило как должное, но только теперь осознала, как много оно значило для меня. Сколько раз я грелась в его лучах, сколько раз, прищурившись, пыталась разглядеть за пылающими очертаниями нечто большее. Неужели мне никогда не доведется вновь испытать эти чувства? Почему в этом темном мире для него не нашлось места? И как вообще возможна жизнь в вечном мраке?

Я не успела открыть рот, чтобы озвучить свои вопросы, как она не терпящим возражений тоном произнесла:

– А теперь тебе, девочка, нужно поторопиться – господин будет здесь с минуты на минуту, и он будет недоволен твоей медлительностью.

– Что я должна сделать? И кто такой господин? Это тот, кто привез меня сюда?

Она безразлично пожала плечами, направляясь к противоположной стене, у которой в ряд примостились несколько пузатых сундуков. Остановившись возле самого большого из них, девушка удивительно легким движением откинула грузную кованую крышку и принялась рыться в содержимом, больше всего напоминающем ворох разноцветной ткани вперемешку с кружевами.

Но я не собиралась оставаться без ответов и потому повторила свой вопрос, немного его переиначив:

– Кто он?

Она изумленно взглянула на меня, и проворный танец ее рук замер на мгновение:

– Как? Ты до сих пор не знаешь? – она неприятно рассмеялась глухим смехом, что так разительно отличался от ее хрупкой внешности, и затем вернулась к прерванному занятию. – Я бы хотела открыть тебе эту далеко не тайну только затем, чтобы увидеть, как измениться

твое прекрасное личико, но, боюсь, что хозяин прибережет это удовольствие для себя. Впрочем, он будет здесь довольно скоро, так что тебе недолго оставаться в неведении.

Она еще раз усмехнулась собственным мыслям, прежде чем, издав негромкое восклицание, вытащила на свет нечто тонкое и невесомое, украшенное пенистыми кружевами. При ближайшем рассмотрении ткань оказалась изумительно красивым платьем, приковавшим мое внимание с первого взгляда. Я замешкалась, на мгновение позабыв даже про нетерпящие отлагательств расспросы, смутившись неожиданно нахлынувшими эмоциями от одной только мысли, что этот наряд предназначен для меня. Словно зачарованная, я разглядывала тонкую изящную вышивку на рукавах и подоле, мысленно представляя себя в нем.

Мой скудный гардероб никогда не мог похвастаться наличием подобных нарядов – тетя не одобряла лишнего попустительства, к коим, по ее мнению, относились дорогие платья и украшения, и потому одежду она всегда покупала в лавках готовых изделий, а не заказывала у портных. Впрочем, я никогда и не думала расстраиваться по этому поводу – ровно до этого мгновения, когда переливающаяся ткань в руках девушки призывно сверкнула золотистыми отблесками горящих свечей, пробудив почти непреодолимое желание ощутить на коже ее прохладную гладкость.

– Не время мешкать! Неужели тебе хочется предстать перед хозяином в таком растрепанном виде? – в мои размышления вновь вторгся чужой голос.

– Мне все равно, – упрямо возразила я, чувствуя, как от небрежно произнесенного ею «хозяин» где-то в горле зародился тугой горячий ком, разом приведший меня в чувство. Все прежние мысли, страхи и сомнения вновь вырвались наружу, сметая на своем пути остальные эмоции.

– Как ты можешь так говорить! – она всплеснула руками от искреннего негодования. – В его власти находятся твоя жизнь и душа – и если он желает видеть тебя в платье и с приветливой улыбкой на лице, ты должна исполнить его пожелание, чего бы это ни стоило!

Не дожидаясь нового всплеска моего непослушания, обитательница этого пугающего замка подлетела к кровати и схватила меня за руки, вынуждая подняться. Несмотря на кажущуюся хрупкость, девушка оказалась очень сильной – стальная хватка ее пальцев заставила меня, пусть неохотно, но все же встать на мягкий ворс ковра, тем самым, фактически отдав себя на растерзание быстрым проворным движениям тонких рук, украшенных нежно звенящими браслетами. Интересно, какое положение она занимала в замке? Судя по уверенной манере разговора и властным ноткам, проскальзывающим сквозь слова, девушка явно чувствовала себя вольготно – но при этом на хозяйку замка она все же не походила.

Не прошло и минуты, как я стояла перед ней, облаченная в платье, так поразившее мое воображение. Придирчиво оглядев меня с ног до головы, девушка, кажется, осталась довольна.

Но не успела я облегченно выдохнуть, как она притронулась к моим волосам и недовольно поморщилась. Уже боясь что-либо спрашивать, я обреченно позволила ее рукам, в которых удивительным образом появился резной гребень, заняться моими спутанными локонами.

Проворно уложив непослушные волосы в замысловатую прическу, она подвела меня к висящему на стене зеркалу в старинной раме, позволив оценить плоды ее усилий, как в этот момент я скорее почувствовала, нежели услышала, что в комнате появился кто-то третий. В следующую секунду раздался спокойный безразличный голос, хриплое звучание которого уже было мне знакомо:

– Оставь нас.

Мы одновременно вскинули головы, но если на моем лице мелькнула и тотчас же исчезла вспышка страха, то в ее глазах светилось неприкрытое чувство обожания и готовность угодить. Я следила за их выражением через зеркало, боясь даже подумать, что через пару мгновений окажусь наедине с тем, от кого сейчас всецело зависела моя жизнь. Не произнеся ни звука, девушка тенью выскользнула из комнаты, неслышно притворив за собой дверь.

Повисло тягостное молчание. Я не хотела облегчать ему задачу, а он, казалось, ничуть не тяготился напряженной тишиной – все с тем же бесстрастным выражением рассматривал меня, и в глазах его привычно плескалась тьма.

Я мысленно похвалила себя за небольшое достижение – я уже научилась смотреть ему в лицо и при этом не вздрагивать от всплеск страха, что пронзали мое тело при виде этих пугающих глаз. Наконец, я поняла, что ему совсем не надоедает бесконечно наблюдать за мной, и, набравшись храбрости, негромко спросила, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

– Кто вы?

Выражение его лица ничуть не изменилось, лишь тьма в глазах даже на расстоянии обожгла резкой вспышкой темного пламени.

– А ты все еще не догадалась? – он неторопливо обошел меня, направляясь к широкому креслу. С удобством устроившись в нем, мужчина лениво продолжил:

– Это довольно странно – разговаривать с тобой, в то время как ты все еще не знаешь меня и смотришь, пытаясь скрыть свой страх. Не нужно скрывать его, Аселейн. Обычно люди опасаются смотреть мне в глаза, боясь, что одним только взглядом я смогу забрать их душу. Наивные! Они даже не подозревают о том, что сами добровольно отдают мне себя – по кусочкам, по каплям, частицам, каждый день, каждую минуту, – он произносил эти слова с бесстрастным выражением лица, словно рассказывал мне о давно прочтенной книге.

Я жадно ловила каждое произнесенное им слово, невольно начиная впадать в некий транс от вкрадчивого звучания его низкого голоса – чуть с хрипотцой, с едва уловимой бархатистостью, которая заставила меня задрожать. Несмотря на то, что я никогда не любила своего полного имени, в его устах оно звучало иначе – тягуче, плавно, совсем незнакомо. Слово и не мое имя это было вовсе.

– Но мы не будем продолжать наш разговор, пока ты не поешь, – он резко прервал свою речь, и в тот же миг, словно только дожидаясь этих слов, дверь отворилась, впуская в комнату двух молчаливых слуг, несущих в руках несколько блюд. Темнота с любопытством заглянула в образовавшийся проем, но свет, идущий от свечей, помешал ей скользнуть вслед за вошедшими. Недовольно прошипев что-то на понятном только ей одной языке, она свернулась незаметным клубком у входа, продолжая настороженно наблюдать за мной сквозь неплотно приоткрытые створки.

Слуги испарились столь же неслышно, как и вошли, оставив на небольшом круглом столике, рядом с которым находилась пара высоких крепких стульев, принесенные ими блюда. Я недоуменно взглянула на мужчину, пытаюсь понять, к чему такая забота. Уловив мои мысли, он негромко произнес:

– Я хочу, чтобы ты поела. Ты ведь сделаешь это для меня, Аселейн?

Я даже и не думала возражать, но от его низкого голоса, как и в нашу первую встречу, по коже вновь пробежала легкая дрожь.

С опаской присев на краешек стула, я сосредоточила внимание на приготовленных блюдах – так непривычно было видеть любимую мной с детства еду в этом странном месте. Попробовав всего по кусочку и убедившись, что стряпня здешнего повара по вкусу оставила далеко позади все, когда-либо мною пробованное, я потянулась за высоким кубком. Пригубив прохладную жидкость и с изумлением узнав в ней мое любимое миндальное молоко, я вновь задалась вопросом – как хозяин замка или его слуги смогли угадать мои вкусы? Или же это было простым совпадением?

Я гнала от себя эти назойливые мысли, пытаюсь не смотреть в сторону мужчины, который продолжал наблюдать за мной с тем же странным выражением лица. Как я не билась, не могла его разгадать.

Странные слова, произнесенные хозяином замка, предательски жгли разум. Сколько бы я ни старалась убедить себя в абсурдности собственных догадок, мысль о том, что мой ново-

явленный господин может оказаться живым воплощением самых сильных людских страхов, коими церковь усиленно страдала свою паству, не желали покидать мою голову.

Я, как могла, оттягивала момент продолжения разговора, нарочито маленькими глоточками цедея напиток, но когда дольше тянуть стало невозможно, решила: поставив кубок на стол, встала из-за стола и подошла к окну, сквозь которое за происходящим равнодушно наблюдала холодная луна.

– Ты ведь уже поняла, кем я являюсь.

Низкий вкрадчивый голос словно проник в мои мысли, каким-то волшебным образом расставив все по местам.

Это был не вопрос, это было утверждение. И я не могла ему возразить – он был прав. Я действительно знала, кто Он.

– Почему?

На секунду дьявол в человеческом обличье – а в том, что это был именно он, у меня не осталось никаких сомнений – замешкался, сбитый с толку внезапным вопросом. Наверное, он ожидал, что я впаду в истерику или же наоборот, сбивчивые слова польются из меня неудержимым потоком, но все, чего хотела я сейчас, так это знать, за что моя жизнь была отдана ему.

– Что именно ты хочешь знать? – слегка нахмурившись, произнес извечный враг людского рода, одно упоминание которого вызывало священный ужас. Зато теперь я точно знала, в чем причина ледящего душу страха, что в эту минуту затаился в глубине сердца, выжидая удобный момент, чтобы вновь вырваться наружу, разом лишив меня возможности связно мыслить.

Пользуясь мимолетным порывом храбрости, я громко спросила, гоня от себя уже ставшие привычными сомнения:

– Почему моя душа стала расходной монетой в удовлетворении алчных стремлений отца? И коль уже невозможно ничего изменить, могу ли я узнать, за какое его желание я буду расплачиваться перед вами своей душой?

– Дэриан.

– Что? – я непонимающе нахмурилась в ответ на сухо брошенное им слово, которое никак не могло являться ответом на вопрос, и отвернулась, стараясь не показать, сколько усилий пришлось приложить, чтобы не позволить отчаянию и страху взять надо мной верх.

– Называй меня так. Когда-то давно это было моим именем.

Его голос на последней фразе странным образом замедлился, отчего я, против воли, вновь повернулась в его сторону. Черные глаза внезапно подернулись дымкой, и мне почудилось, что клубящаяся тьма на миг отступила и показалось легкое изумрудное сияние – так яркий солнечный луч пронзает толщу грузных облаков, чтобы всего на секунду притронуться к земле нежным касанием. Но прежде чем я смогла пристальнее всмотреться в лицо мужчины, и понять, не привиделось ли мне это, он скупно промолвил, возвращаясь к сухому бесстрастному тону:

– Ты желаешь узнать правду? Что же, я в состоянии удовлетворить твое маленькое любопытство. Твой отец возжелал ни много, ни мало – корону и королевский престол. Ради этой цели он был готов на все – в том числе, принести в жертву душу своей дочери. Правда, в тот момент он еще не подозревал, что спустя всего несколько часов после заключения договора, на свет появишься ты. Впрочем, он не знал о тебе многие годы – ровно до того момента, пока мои слуги не напомнили ему о том, что оговоренный срок близится к завершению.

Его слова всколыхнули в моей душе сотни вопросов, однако вслух я смогла выдать из себя только один:

– Откуда вы это знаете?

– Мне доступно многое – в том числе, умение читать людские души словно раскрытую книгу, – задумчиво проговорил мужчина, – Нет нужды слышать мысли, когда все, что когда

либо волновало их умы, все страсти, что владели сердцем, оставляют неизгладимый отпечаток на их душах.

– А что вы видите в моей? – неожиданно для себя поинтересовалась я, в глубине души замирая от собственной смелости, опасно близкой к безрассудству: так разговаривать с дьяволом могла себе позволить либо совсем выжившая из ума, либо же никогда его и не имевшая. Впрочем, после всей череды событий, произошедшей в моей жизни за последние несколько дней, я уже не могла быть полностью уверена даже в собственном рассудке – настолько близко реальность граничила с помешательством.

– Чистоту. Невинность помыслов и желаний, – со странным выражением лица проговорил он. – Ты удивительно бесхитростна и порой наивна для своих лет. Даже несмотря на договор, заключенный с твоим отцом по всем правилам подлунного мира, я все еще не в силах завладеть твоей душой. В тебе слишком много света. И веры. Нет, не в божественную силу, а, как это ни странно, в саму жизнь.

Я не могла поверить собственным ушам – неужели он только что произнес, что не может забрать мою душу? И если это действительно было так, то...

– Значит, я свободна? – слегка запинаясь, пробормотала я, боясь поверить в собственные слова. Под стать моим сомнениям он медленно покачал головой.

– Свободна? – он задумчиво повторил за мной это слово, точно смакуя его. На идеально очерченных мужских губах проступила тень зловещей улыбки.

– Нет, я не отпущу тебя. Я слишком долго ждал этого момента, чтобы позволить тебе уйти.

Слишком долго? Разве какие-то жалкие семнадцать лет – срок для этого бессмертного существа?

Я недоуменно нахмурилась, ощущая, как надежда, мгновенной вспышкой промелькнувшая в душе, столь же быстро угасла, оставив вместо себя горький привкус разочарования.

– В таком случае... Что же вы намереваетесь делать со мной, если над моей душой все еще не властны?

– Что именно сделаю? О, на этот счет у меня множество задумок, – он коварно ухмыльнулся и неожиданно подмигнул. – Но для начала – покажу тебе замок.

Глава пятая. Дьявольская ночь. Часть вторая

Я оказалась не готова к такой стремительной смене настроения: еще минуту назад мужчина был задумчив и даже мрачен, а сейчас на тонких губах проступает легкая тень подступающей улыбки. И пусть я не могла относиться к нему как к союзнику, было невозможно не отметить, насколько она преобразила его лицо: резкие черты разом смягчились, словно невидимый художник провел широкой кистью по четким линиям, растушевав контуры. Даже обычно пугающая тьма в глазах не выглядела таковой, загадочно мерцая в отблесках свеч – сейчас, как никогда, он по-настоящему походил на человека. И не просто человека, а уверенного в своей притягательности мужчину. Пускай я отдавала себе отчет, что все это может быть лишь очередной притворной маской, за которой скрывалась его истинная греховная сущность, ничего поделаться с собой не могла, и, словно замороженная, наблюдала за тем, как четко очерченные губы дрогнули и медленно растянулись в понимающей снисходительной ухмылке. Которая, впрочем, и привела меня в чувство, заставив резко осознать, что столь непривычные для меня мысли чуть было не заставили ступить на скользкий путь любования существом, во власти которого я сейчас находилась.

Следом за эмоциями пришло осознание только что услышанного – он действительно хочет показать мне замок? Что ж, сейчас я была готова на все, лишь бы прервать протянущую между нами тонкую нить волнительной тишины, что, казалось, замерла в любопытствующем ожидании.

Странное выражение, промелькнувшее в глазах мужчины, исчезло, едва я неуверенно кивнула в ответ на его предложение. Словно разом потеряв ко мне интерес, дьявол безразлично отвернулся, направляясь к двери. Я поспешила следом за ним, испытывая одновременно и подспудное желание остаться в комнате, и странного рода предвкушение, приправленное острой ноткой страха.

Едва дверь за моей спиной с негромким стуком захлопнулась, отрезая от уже ставшего привычным ровного света горящих свечей, я почувствовала, как устремленный на меня взгляд недремлющей темноты из расслабленно-изучающего вновь становится настороженным. Не знаю, что могло бы произойти в следующее мгновение, если не легкий щелчок пальцами, вслед за которым коридор внезапно озарился пурпурным свечением, исходящим, казалось, от самих стен. С благодарностью взглянув на спину своего спасителя, я почти бегом последовала за высокой широкоплечей фигурой, мысленно гадая, что же меня ждет. Быть может, он захочет устроить своим могуществом или же, напротив, попытаться соблазнить богатствами и роскошью замка?

Мысли об этом не отпускали меня всю дорогу, пока я шла по длинному извилистому коридору, стены которого были сплошь увешаны древними гобеленами. С выцветшей ткани, залитой отблесками багряного свечения, на меня смотрели самые разные существа, среди которых преобладали обнаженные мужчины и женщины. Застывшие в странного рода позах, которые можно было назвать какими угодно, но только не приличными, они олицетворяли собой греховность и порок. Я никогда не встречала подобного, но даже одна мысль о том, что я вижу перед собой иллюстрации к прочитанным мной однажды описаниям извечного таинства, что обычно должно происходить между людьми за закрытыми дверями супружеских покоев, привела меня в замешательство. Сосредоточившись на гладком темном камне, которым был вымощен пол коридора, я послушно следовала за хозяином замка, пока он, наконец, не остановился у высокой массивной двери из темного дерева, внушительный вид которой заставил невольно призадуматься – какие же сокровища она за собой скрывает? Благоразумно решив не озвучивать этот вопрос, я остановилась, наблюдая за мужчиной, который уверенным движением толкнул широкие створки и провозгласил:

– Позволь тебе показать...

– ...библиотеку, – восхищенно выдохнула я, даже не обратив внимания, что только что бесцеремонно перебила самого дьявола. Впрочем, он и не думал выказывать недовольства, усмехаясь над моей реакцией. А я, словно маленький ребенок, попавший в сказку, все никак не могла опомниться от восхищения и просто стояла, задрав голову, и смотрела.

Бесконечные полки с книгами уходили высоко под потолок, создавая ощущение, что череда книжных корешков самых различных расцветок бесконечна. Я никогда не могла себе даже представить такого количества книг, собранных воедино в одном месте. Руки сразу же зачесались от нестерпимого желания ощутить прикосновение мягкой кожи старинных переплетов, тонких страниц, пожелтевших от времени, на которых расплывались тонкими росчерками витиеватые письма. В огромном помещении стоял тонкий неуловимый запах книг, запах сопричастности с тайнами, в них сокрытыми, запах древности. Я могла бы, казалось, вечность провести, не выходя из этой комнаты и просто вдыхая этот до боли знакомый аромат.

Низкий мужской голос, так некстати вторгнувшийся в мои мечтания, вызвал легкое недовольство – ровно до той поры, пока я не уловила смысл равнодушно произнесенных слов:

– В этом месте собрано все, что когда-либо выходило в свет, и даже те произведения, что еще не написаны.

– Но как такое возможно? – робко произнесла я, подходя к ближайшей полке, которая была сплошь заставлена массивными томами, чей переплет был украшен тусклым золотым тиснением и мелкой россыпью драгоценных камней.

– Этот мир живет по своим правилам. Мои желания – вот что является определяющим для всех его существ.

С благоговейным трепетом я раскрыла первую из книг, жадно вчитываясь в изящно выведенные строки. Однако первый же абзац заставил меня напрячься и недоуменно пролистнуть несколько страниц вперед. Решив, что ошиблась, я, тем не менее, все же осмелилась уточнить, влекомая предательским любопытством:

– Это... церковные книги?

– Да. Что именно тебя удивляет в этом?

– Разве вам... Я хотела сказать, так странно видеть подобные книги в вашем замке...

– Тебя смутило наличие в моем мире вещей, которых, по сути, я должен бояться как огня?

Я смущенно кивнула, опасаясь, что своим вопросом могла вызвать у дьявола недовольство. Однако он лишь задумчиво усмехнулся и спокойно проговорил в ответ:

– Добро и зло, церковь и ее противники – все это лишь стороны одного зеркала под названием «мир». И от того, что ты станешь отрицать какую-либо из них, она никуда не исчезнет. Миру необходимо равновесие.

Я отвернулась от него, запутанная его расплывчатым ответом. Хотя кое что я все же уяснила: как бы это странно не звучало, но дьявол, похоже, несколько не относит себя к ярим врагам религии. Это стало для меня откровением – и в это утро или же вечер – уже не первым. Сколько еще новых открытий готовит для меня этот день, неотличимый от ночи?

Словно прочитав мои мысли, мужчина негромко предложил:

– Думаю, нам пора двигаться дальше. – Не успела я робко заикнуться о волновавшей просьбе, как он мгновенно отозвался, не утруждая себя даже взглянуть в мою сторону: – И да, ты можешь приходить сюда в любое время и брать книги на свое усмотрение.

Я счастливо пробормотала сбивчивые слова благодарности, окрыленная его разрешением – теперь у меня снова появилась возможность скрываться от серой реальности в спасительном мире книг.

Спустя минуту мы вновь пустились в путешествие по длинному коридору и я, наученная горьким опытом, больше не смела поднимать глаза на стены, довольствуясь разглядыванием мельчайших узоров, вырисованных прямо на каменном полу.

Незаметно для себя, я начала отставать от идущего впереди мужчины, но опомнилась лишь тогда, когда очередной разворот, коих в этом замке, казалось, было бесчисленное множество, чудесным образом разделился: передо мной открыло два ответвления, каждый из которых таинственно светился багровым заревом. Замерев в нерешительности, я наугад шагнула в один из них, мысленно пытаюсь вспомнить, куда направился хозяин замка.

Пройдя пару десятков шагов и так и не увидев впереди знакомой фигуры, я остановилась, намереваясь вернуться к развилке, как в этот момент до меня донеслись отзвуки легкой мелодии, столь непривычной в этом мрачном месте. Она, сначала едва различимая, с каждой секундой становилась все громче, звала, манила прийти на ее зов. Не успела я опомниться, как ноги сами понесли меня дальше по коридору, приближая к источнику звука.

Спустя несколько мгновений передо мной открылась небольшая, залитая все тем же пурпурным заревом комната, оформленная в ярких кричащих тонах – темно алые подушки на продолговатых кушетках, такого же насыщенного цвета занавески, тяжелыми воланами подметающие каменный пол, почти весь, куда не падал взгляд, устланный пушистыми звериными шкурами. В разожженном камине весело плясали огненные язычки, оживляя привычное свечение красноватыми бликами, прямо в воздухе звучала та самая нежная мелодия, которая и привела меня сюда. Но не это захватило мое внимание, а несколько удивительно красивых девушек, что вальяжно застыли в томных позах прямо на полу, и не думая подниматься при моем появлении.

Одна из них – та, что лежала ближе – подняла голову и смерила меня с ног до головы пустым взглядом, в котором не было почти ничего – ни ненависти, ни злости, ни презрения. Одно только скуечающее любопытство ленивыми волнами плескалось в пронзительно черных зрачках. Роскошный водопад рыжих волос разметался по полу, так и призывая притронуться к ним, пропустить тяжелые огненные пряди сквозь пальцы, обжечься этим прикосновением. Она плавно перекатилась на другой бок, почти полностью открывая свое тело – я мгновенно напряглась, ощущая, как душу затопляет душная волна стыда, смешанная со странными чувствами при виде молочно белой кожи, прикрытой лишь тонкой тканью, которая практически ничего не скрывала. Упругие очертания вершин груди маняще темнели сквозь нежное полотно, соблазнительные контуры гибкого тела купались в отблесках огня. Девушка казалась живым воплощением порока – но, несмотря на понимание этого, я не могла заставить себя отвести от нее взор. Во всем этом было что-то неправильное, что-то неуловимо притягательное и одновременно запретное – словно незримая печать греха проглядывала сквозь каждое ее ленивое движение.

Я силой заставила себя перевести взгляд на лежащих в отдалении девушек, которые были облачены в некое подобие платьев – впрочем, стоило признать, что прозрачная ткань только еще больше подчеркивала соблазнительные изгибы, выставляя напоказ порочность своих хозяек.

Внезапно темноволосая девушка резко подняла голову и посмотрела на меня – в ее взгляде на мгновение полыхнуло такое знакомое пламя мглы, а в следующую секунду она изящно поднялась с пола, направляясь к рыжеволосой подруге. Я следила за каждым ее движением, чувствуя, как все внутри замерло от томительного предвкушения – но вот предвкушения чего именно, я пока еще не знала.

Все так же не отрывая от меня пронзительно черного взгляда, темноволосая красавица нарочито медленно склонилась к поджидающей ее девушке, а в следующее мгновение приникла к ее устам в томном поцелуе. Я застыла на месте, ошарашенная водопадом незнакомых эмоций, обрушившихся на меня при виде этой сцены. Никогда я и представить себе не могла,

что буду наблюдать, как одна девушка целует другую! А между тем страсть поцелуя все нарастала, руки рыжеволосой плавно переместились на талию подруги, забираясь под тонкую ткань, лаская нежную кожу.

Неизвестно, насколько далеко они готовы были зайти и, что самое немаловажное, насколько долго я не смогла бы заставить себя уйти, но в тот момент, когда платье полностью обнажило соблазнительно приподнятую грудь, увенчанную розоватыми полукружиями сосков, я ощутила присутствие в комнате еще кого-то. Не знаю, что именно заставило меня резко вздрогнуть и оглянуться – казалось, в помещении не раздалось ни малейшего постороннего звука, но когда я обернулась, позади меня уже находился сам дьявол, бесстрастным взглядом наблюдая за разворачивающейся перед нами картиной.

Как только лежащая на полу девушка перевела взгляд на появившегося мужчину, в ее взгляде мгновенно вспыхнул огонь непонятных мне чувств, которые я уже видела в глазах той, что разбудила меня несколько часов назад. Однако я не узнала, чем закончится это маленькое представление, ибо в следующую секунду мой локоть цепко ухватили жесткие пальцы и буквально силком развернули – так, что я оказалась стоящей лицом к лицу с дьяволом. Он недобольно взглянул на меня и без слов приказал следовать за ним. Я и не думала послушаться, и, не оглядываясь на девушек, которые, судя по звукам, продолжили начатое, поспешила за ним.

– Кто были эти девушки? – как и следовало ожидать, меня надолго не хватило. Больно уж острым оказалось любопытство, вызванное увиденным – настолько, что даже страх разгневать хозяина замка своими вопросами не мог его пересилить.

– Мои слуги. – Таков был краткий ответ.

Но я совершенно не удовлетворилась им, и потому упрямо продолжила расспросы:

– Слуги? Они что, прибирают замок и тому прочее?

– Нет. Их предназначение – ублажать своего господина и только.

Я проглотила готовый было сорваться с губ новый вопрос, едва осознала, что именно он имел в виду. Густая краска смущения залила лицо, и казалось, слилась с залитыми пурпурным светом стенами.

Дьявол больше ничего не произнес, лишь только выразительно взглянул на меня, и в глубине его обжигающе черных глаз мне почудился невысказанный вопрос. Но я, памятуя о только что выясненных подробностях, знать которые мне совершенно не хотелось, прикусила язык и твердо вознамерилась хранить молчание.

Что мне успешно удавалось вплоть до того момента, когда мы вошли в огромное мрачного вида помещение, служившее, судя по всему, тронным залом. Непроницаемо черные стены незаметно переходили в пол, на высоком потолке цвета самой глубокой ночи едва заметно мерцали крохотные огоньки, заставляя невольно припомнить звездное небо. Вот только ничто в этой комнате не вызывало того глубокого чувства как при виде мерцания звезд, выглядевших особенно чарующе в лунном свете. Я почувствовала резкую боль в сердце от одной только мысли, что больше мне не суждено увидеть эту картину, и спешно заставила себя вернуться к знакомству с очередным мрачным помещением. Расположенный прямо посередине продолговатый массивный стол, вызвал отчего-то страх и желание оказаться от него как можно дальше. У противоположной стены виднелись два пугающих трона – словно коршуны над полем битвы они хищно возвышались над остальным залом, невольно привлекая внимание.

– Почему их два? – неожиданно для себя самой, спросила я, не в силах отвести взгляд от ровных гладких камней, которые даже на расстоянии обжигали холодом.

Не дождавшись ответа, я посмотрела на дьявола, однако он так и не сдвинулся с места, изучая меня неожиданно холодным и цепким взглядом – словно принимая какое-то важное решение.

Не решаясь больше обращаться к нему, я осторожно обошла зал по периметру, против воли притягиваемая мрачными тронами.

Вблизи они смотрелись еще более пугающе – холодный прозрачный камень, из которого они, казалось, были целиком вытесаны, внушал трепет; гладкая поверхность отражала мое растерянное лицо, искажая черты. Прозрачный материал не был ни стеклом, ни льдом, но рядом с ним мои внутренние страхи усилились, став почти невыносимыми. Но даже их оказалось недостаточно, чтобы усмирить очередной приступ любопытства:

– Из чего они сделаны? – я робко задала вопрос, так и не решившись к ним прикоснуться.

Повисла странная тишина. Я уже было решила, что мужчина вновь оставит мой вопрос без ответа, однако спустя несколько мгновений раздался глухой равнодушный голос:

– Камни плача. В мире существует только три таких, и два из них находятся у меня.

– Какое странное название. Почему они так названы? И где обитает в таком случае третий? – Его ответ только еще больше распалил неумное желание узнать больше об этих странных камнях, подобных которым я никогда еще не встречала.

– Тебе никогда об этом не узнать, – его голос прозвучал предостерегающе, словно он больше не хотел продолжать эту тему.

Напоследок еще раз оглядев зал, я повернулась, чтобы направиться к моему спутнику, замершему у двери, как в этот момент заметила странную вещь: все в этом зале казалось сотканным из цвета непроглядной ночи – кроме них. Огромные – почти в мой рост – песочные часы, покрытые пылью и припорошенные густым кружевом паутины, резко выделялись на фоне остальных предметов, невольно заставляя задуматься об их истинном предназначении. Неудивительно, что я их не заметила ранее – они стояли в самом углу, надежно скрытые силуэтами тронов. Не знаю, отчего, но что-то внутри меня тревожно напряглось. Не в силах объяснить это беспокойство даже себе самой я невольно сделала к ним шаг, оглядываясь на дьявола – не запретит ли? Однако он молча последовал за мной, тем самым потакая этому странному желанию.

Вплотную приблизившись к застывшему в странной форме стеклу, сквозь которое можно было разглядеть замершие толщи песка, удивительным образом удерживаемые в верхней части часов. Быть может, узкий перешеек, соединяющий обе чаши, забился и потому не пропускает тонкую песочную змейку? Но зачем в таком случае нужно держать в замке сломанный механизм, не способный исполнять свое предназначение?

Не озвучивая эти вопросы, я неожиданно для себя медленно подняла руку, чтобы прикоснуться к тонкому стеклу, за которым застыли в вечном ожидании крохотные частички. Странное ощущение необъяснимой тревоги внутри меня все нарастало. В самое последнее мгновение я передумала, но было уже поздно – кончиками пальцев я коснулась холодной стеклянной грани, и в ту же секунду в помещении раздался громкий голос мужчины, внезапно оказавшегося за моей спиной, который заставил меня резко обернуться:

– Да сбудется предначертанное, и всходы посеянные принесут свои плоды, – нараспев возвестил он, добавив едва слышно – так, что я не могла быть уверенной в том, что правильно расслышала: – И да вернутся души, нами утраченные.

На мгновение стало совсем-совсем тихо, и в наступившей тишине я различила еле уловимый тихий отзвук – с таким звуком, наверное, где-то в пустыне ветер шевелит песчаные дюны.

Песок!

Осознав, в чем дело, я стремительно оглянулась обратно к часам и не смогла сдержать удивленного возгласа – словно по волшебству исчезли пыльные разводы на стекле, испарились ветхие нити паутины и, самое главное, пришел в движение древний механизм. И теперь нижняя чаша медленно начала наполняться мелким песком, что тонкой струйкой сочился с верхней половины.

Я только открыла рот, еще не зная, как облечь в слова свое удивление, как дьявол резко развернулся и направился к выходу, не оставив возможности для новых попыток расспросить его о чем-либо.

Столько вопросов клубилось в моей душе, пока мы вновь преодолевали бесконечные лабиринты коридоров – каждая из комнат только еще больше запутывала меня, загадывая новые загадки. Я уже даже не обращала внимания на неприличные гобелены на стенах, углубленная в собственные размышления. Что же произошло сейчас в тронном зале? В одном не было сомнений: именно мое присутствие заставило старые часы вновь возобновить свой ход, выпустив наружу крупницы времени. Но что это означает? Начало отсчета или возведение новой эры? А может, это остаток моей жизни? Вдруг эти часы символизировали отпущенное мне время?

Окончательно потерявшись в догадках, я смирилась с этим, рассудив, что пока в моих руках недостаточно знаний, чтобы найти ответы. Но ведь не зря в этом мире находилась самая огромная из всех известных мне библиотек – там-то я и попытаюсь найти хоть что-нибудь об этом замке и его хозяине.

Едва я успокоила себя этим, несомненно, верным решением, как мы вошли в очередное пустынное помещение, наполненное странной тревожной тишиной. Я даже еще не успела оглядеться, как уже почувствовала ее слабые касания на своем лице. Сопровождающий нас пурпурный свет внезапно сменился на слабое золотое свечение, в обманчивом свете которого таинственно засветилась противоположная стена, что при ближайшем рассмотрении оказалась огромным зеркалом. Которое, однако, на удивление ничего не отражало – ровная гладь безучастно смотрела на нас слепыми глазницами пустоты, заставляя невольно ощущать страх при виде бесконечного серого *ничего*, что таила в себе стеклянная поверхность. Боже, было ли в этом замке что-либо, что не вызывало у меня этого чувства?

В этот момент сопровождавший меня мужчина неслышно щелкнул пальцами, и прямо посреди комнаты начали медленно проявляться странные создания, уродливей которых я еще не встречала: миниатюрное тело, покрытое кучей темной шерстью, продолговатая морда, на которой отсутствовали привычные для живых существ нос или глаза. Вместо этого прямо в середине неслышно разевалась широкая пасть, словно это мерзостное создание непрерывно пыталось исторгнуть из глубины некое подобие звуков. Короткие конечности, больше напоминавшие толстые обрубки, шевелились в такт, вызывая чувство брезгливости и отвращения.

Они странным образом удерживались в воздухе, не прекращая своих движений ни на секунду.

– Что это за существа? – содрогнувшись от отвращения, спросила я, не отрывая взгляда от находящегося ближе всех уродца. Только сейчас я поняла, что они все же различаются по цвету – начиная от угольно черных и кончая цвета запекшейся крови. На этом их различия заканчивались.

– Демоны искушений.

– Искушений? – эхом повторила я, не понимая, как эти монстроподобные существа могут иметь хотя бы отдаленное отношение к этому понятию.

– Они отыскивают лазейки в людских душах, – с удивительным терпением пояснил дьявол. – Стоит человеку только раз пустить нечестивые мысли на порог своего разума, как демоны уже тут как тут. Словно черви, попавшие в сочный плод, день за днем они начинают разъедать его душу, отравляя все светлое и чистое, что есть в ней, лишая сил сопротивляться окружающему мраку. Пока, наконец, однажды темные желания не возьмут верх.

– Но как это вообще возможно? – прошептала я, уже с нескрываемым отвращением всматриваясь в уродливые фигурки, все это время продолжающие висеть в воздухе, словно дожидаясь окончания речи своего господина.

– У каждого из вас есть тайная страсть, то заветное желание, что тайком берedit душу в редкие минуты, когда человек остается один на один со своими самыми низменными страстями. Так было, так есть, и так будет всегда – это то, на чем строится жизнь, и нет такого существа, обладающего душой, которую хоть раз не коснулась своим крылом птица порока.

Почти никто не властен над темными мыслями, что приходят порой в голову – сначала тайком, под покровом ночи, мгновенно прогоняемые недремлющей совестью или же разумом. Но рано или поздно наступает такое мгновение, когда в их обороне появляется брешь. И тогда дурных мыслей становится больше, они начинают захватывать все больше места, уже не скрываясь за благочестивыми предложениями. В итоге, сколько бы человек не сопротивлялся, конец всегда один.

– Я в это не верю! – бросила ему в лицо чересчур смелые слова, не желая мириться с только что услышанным. Да быть такого не может – иначе ради чего стоит жить, если все вокруг давно уже сгнило и пропиталось запахом тлена?

– Ты почти ничего не знаешь об окружающем тебя мире. Поверь, кому, как не мне, лучше остальных известна истинная природа человеческой души.

– Но, если вы говорите, что почти каждая душа продается, то в таком случае что же произошло с вашей? Была ли она у вас когда-нибудь? Или есть и сейчас? – я тихо прибавила последние слова, в глубине души испытывая неловкость от его странного пронизывающего взгляда. Злость, вызванная словами мужчины, мгновенно утихла, растворившись в резко нахлынувших на меня размышлениях. Как сейчас хотелось хотя бы на мгновении оказаться в его мыслях, чтобы узнать, чему посвящены его думы. Хотя я и не исключала тот вариант, что мгновенно утонула бы в непролазной бездне мрака – прямой сестрицы той тьмы, что сейчас яростно плескалась в его глазах.

Помолчав мгновение, он перевел взор куда-то за мою спину, отчего я мгновенно испытала облегчение – слишком тяжелым испытанием было так долго находиться в его присутствие и при этом каждую секунду стараться не утонуть в непролазной темноте его пугающего взгляда.

– Моя душа проклята уже давно. Ее гниющие останки все еще порой бередают мой разум, но с каждым новым днем окружающая тьма пожирает все больше прошлого меня, жадно обгладывая остатки старых воспоминаний и чувств. Я бы давно уже сдался на ее милость, если бы не одно воспоминание, яркой вспышкой белеющее где-то на грани сознания. Только оно одно, только эта глупая безрассудная надежда из последних сил освещает беспросветный лабиринт тьмы, в который превратилось мое существование.

Мужчина прервался, позволяя мне выдохнуть – на протяжении его неожиданного признания я боялась издать лишний звук или движение, чтобы не пропустить ни одного слова.

Между нами повисла напряженная тишина, в которой явственно можно было слышать, как стремительно стучит мое сердце. Предательскую мысль о том, что, наверное, время для откровений закончилось, спугнул раздавшийся вновь голос – в нем странным образом сочеталась задумчивость, почти неразличимо переплетенная с печалью. Невозможно было различить, где начиналась одна и заканчивалась вторая.

– Но я ни разу не пожалел об этом, ибо не поддается измерению цена, что я заплатил. Если бы мне выпала возможность пройти свой путь заново, я ничего бы не изменил в нем.

Теперь уже я впала в задумчивость – что же такого было в его прошлом, что воспоминания об этом до сих пор не дают ему покоя? Наверное, я попробовала бы попытаться счастья, задав столь захвативший мой разум вопрос, но в этот момент дьявол, очевидно, решил, что настала моя очередь отвечать на его вопросы.

– Скажи мне, Асель, а за что ты сама готова продать душу? – он произнес эти слова негромким тоном, пристально глядя на меня в ожидании ответа.

– Моя душа не продается, – твердо сказала я, внутренне не испытывая столь сильной уверенности в этом – после всего, что со мной произошло и продолжало происходить каждый день, я не могла быть полностью уверена даже в себе самой.

За время разговора я почти успела позабыть, кем является мой собеседник, и он не преминул мне об этом напомнить. Словно вторя моим мыслям, дьявол усмехнулся, а затем мед-

ленно покачал головой, почти неслышно выдохнув нарочито безразличные слова, каждое из которых тяжелым молотом отдалось в самом сердце, словно вторя его испуганному биению:

– Ты смотришь на меня, всеми силами пытаешься скрыть неуверенность. Но мне нет нужды прислушиваться к обманчивым словам, поскольку ответ на мой вопрос кроется в глубине твоих глаз. Ты лжешь и знаешь это сама.

Мужчина отвернулся от меня, но только я решила, что на сегодня откровений достаточно, как он добавил равнодушным голосом, так разительно отличавшимся от того, каким он разговаривал со мной еще минуту назад:

– Цена за твою душу существует – и я обязательно ее найду.

Глава шестая. Искушение

Осторожно потянув на себя неожиданно легко открывшуюся дверь, я с опаской выглянула в наполненный неприветливым мраком коридор. Встретившая меня темнота угрожающе зашипела, недовольная тем, что кто-то посмел потревожить ее покой, но я храбро выставила вперед себя ярко горящую свечу, заставив ее неохотно забиться в угол, из которого она продолжала следить за мной слепыми омутами несуществующих глаз. Несмотря на то, что вокруг не наблюдалось ни одной живой души, по коже пробежал легкий холодок, словно от чьего-то незримого присутствия. Я заглушила предательский голосок сомнений, трусливо предлагающий вернуться обратно в комнату, и храбро двинулась вдоль по коридору. После пугающей экскурсии по замку прошло довольно много времени, в течение которого я медленно сходила с ума, запертая в четырех стенах. Мое затворничество, больше похожее на заточение, нарушалось только лишь визитами молчаливых слуг, приносящих мне еду. Ни самого дьявола, ни других обитателей замка я больше не видела. В конце концов, почувствовав, что еще немного – и я действительно сойду с ума от окружающей меня вечной тишины и доводящего до безумия однообразного сияния свечей, я решила совершить вылазку до библиотеки. Правда, при этом я как-то не учла то обстоятельство, что абсолютно не помнила, как до нее добираться.

Узкий извилистый коридор, уводящий все дальше и дальше от комнаты, никак не кончался, вынуждая все-таки засомневаться в правильности выбранного направления. Казалось, что заветная дверь вот-вот покажется перед глазами, но я уже потеряла счет своим шагам, когда внезапно передо мной возникло уже знакомое просторное помещение, погруженное в привычный для этого замка полумрак. Равнодушный лунный свет, пробивающийся сквозь узорчатые витражи больших окон, был не в силах разогнать тьму, которая, прячась от ярких сполохов света в моих руках, растеклась клубящейся дымкой по углам, не желая мириться с присутствием чужака в своих законных владениях.

Я растерянно замерла на месте, оглядывая пустынное помещение. Это точно не было библиотекой, хотя мне до последнего казалось, что я выбрала верную дорогу.

Как и в мой прошлый визит, здесь почти не было мебели – только пламенеющая в танцующем свете огня зеркальная гладь смотрела на меня моим собственным отражением. В этот раз в воздухе не было тех уродливых тварей, что показал мне дьявол, но я, памятуя о странностях этого замка, уже нигде не могла чувствовать себя в безопасности. Ощущая подступающую тревогу, но все еще не понимая, откуда следует ждать опасность, я приблизилась к сверкающей стеклянной поверхности, продолжая беспокойно оглядываться по сторонам. И в этот момент свеча резко вспыхнула, чтобы в следующее мгновение зловеще погаснуть, разом погрузив комнату во мрак. Я испуганно замерла на месте, почувствовав, как с торжествующей радостью тьма обволакивает меня душной тягучей пеленой, липкое прикосновение которой рождало страх.

Внезапно в комнате на мгновение повеяло свежестью – словно в помещение ворвался легкий ветерок, вслед за которым зал неожиданно наполнился мягким теплым свечением. Я с замиранием взглядела в зеркала, мысленно приготовившись увидеть в отражении за собой высокую мужскую фигуру, однако лишь мой хрупкий силуэт, тревожно застывший посреди пустой комнаты, отражался в прохладной глади. Уже боясь загадывать, что произойдет в следующую секунду, я осторожно обернулась, притягиваемая ровным сиянием, от которого странным образом веяло надежностью и спокойствием. Там, где всего минуту назад была пустая стена, сейчас прямо в воздухе парили десятки зажженных восковых свечей, озаряющих комнату неярким светом. Замок определенно решил поиграть со мной в какие-то собственные игры, правил которых я не знала.

Спустя мгновение меня резко обволокло теплым потоком воздуха, что принес с собой тонкий аромат восточных пряностей. Влекомая столь неуместными здесь притягательными

запахами, я медленно обернулась обратно к зеркалам – и обомлела. Ибо в ту самую секунду, когда я отыскивала глазами привычный хрупкий силуэт, мое собственное отражение внезапно улыбнулось зловещей, совершенно незнакомой улыбкой. С моих губ сорвался тихий вздох изумления, но стоящая напротив девушка, чей тонкий стан с ног до головы обвивала невесомая нежная ткань, переливающаяся в мягком свете множеством золотых нитей, не вымолвила и слова.

В страхе я смотрела на себя и не узнавала: темные волосы были уложены в замысловатую прическу, придерживаемую двумя большими узорчатыми гребнями, что переливались разноцветьем драгоценных камней. Вокруг шеи, словно хищная змея, приготовившаяся к броску, обвилось толстое украшение, тусклый блеск которого нельзя было перепутать ни с каким другим металлом. В ушах трепетали огромные алые камни, на четких гранях которых плясало дьявольское пламя искушения. За спиной девушки смутно виднелись распахнутые сундуки, доверху набитые золотыми монетами и драгоценными камнями. Словно околдованная, я впиалась взглядом в собственное отражение, стремясь охватить каждую мелочь – и с каждой новой секундой образ становился все ярче и ярче; я чувствовала, как на моих руках, шее, ушах становится все ощутимей приятная тяжесть золотых украшений. С трудом переведя взгляд на руку, я с ужасом заметила, как прямо на глазах на моем большом пальце проступают очертания огромного кольца – точь-в-точь такое же гордо красовалось на руке отражения. В этот момент девушка еще раз ухмыльнулась, вновь привлекая мое внимание, а затем внезапно сдвинулась с места, направляясь к виднеющимся за ее спиной сундукам. Подойдя к первому из них, она зачерпнула рукой тяжелые монеты и замерла, словно околдованная ими, а после медленным движением разжала пальцы, позволяя золоту с глухим звоном упасть обратно. Насладившись этим звуком, отражение подняло голову и вернуло мне взгляд – но теперь к нему добавилось еще какое-то чувство. Почти не осознавая, что делаю, я сделала шаг вперед, неосознанно желая оказаться на ее месте, ощутить прикосновение прохладных монет к моей разгоряченной коже, зарыться обеими руками в полные сундуки золота. Эти странные желания всколыхнули в душе незнакомые доселе чувства – мне вдруг нестерпимо захотелось стать единоличной обладательницей этих сокровищ, чтобы упиваться их блеском, дотрагиваться до тусклых желтых кружочков и знать, что они только мои...

В этот момент по комнате снова пронесся ветер, потревожив покой мирно горящих свечей. Недовольно всколыхнувшись на секунду, пламя вновь успокоилось, но за это мгновение что-то ощутимо изменилось. Я почувствовала, как меня окутывает прохладной волной свежий воздух с привкусом соли на губах. На мгновение отвлекшись, я не успела заметить, как матовая гладь передо мной резко пошла рябью, чтобы в следующую секунду явить новую картинку. На сей раз я была не одна – вокруг моего отражения толпились какие-то люди, расплывающиеся в мерцающем свете свечей. Одетая в легкую светлую накидку, стоящая передо мной девушка ничем не отличалась бы от толпы своих сверстниц, если бы не одно «но» – тонкий ободок металла, что тускло светился на ее челе, говорил сам за себя. Словно в подтверждение моих мыслей, толпа бережно подняла девушку на руки и сопроводила прямиком к массивному трону, который незаметно для меня вырос за их спинами. Я напряглась, чувствуя, как первые вестники понимания происходящего тревожно замелькали на границе сознания, но ничего не успела сделать. Ибо в следующий миг разум захлестнули не принадлежащие мне воспоминания: вот я стою на огромной арене, вот к моим ногам склоняются знатные вельможи, вот на голову с трепетом водружается роскошная корона – извечный символ неограниченной власти.

Не знаю, как долго продолжались эти видения, но к тому моменту, когда в комнате, наконец, вновь повеяло ветром, я была до предела измучена. Незнакомые чужие эмоции терзали душу подобно голодным шакалам – никогда еще я не испытывала столь противоречивых жела-

ний, но несмотря на робкий голос рассудка, пытающийся прорваться сквозь толщу навязанных мне чувств, никак не могла справиться с ними.

И только когда сияющая картинка, изображающая меня, гордо восседающую на троне, прощально сверкнула, растворяясь в легкой дымке, я сбросила со смятенного сознания лживую пелену и приготовилась бежать. Уже не осталось никаких сомнений, что происходящее со мной в этой комнате является результатом присутствия рядом невидимых взору, но ярко запечатлевшихся в памяти уродливых демонов искушений, которые, очевидно, избрали меня своей очередной жертвой. И, может быть, у меня бы и получилось сбежать, не брось я единственный взгляд туда, где в мутных очертаниях проступал новый образ.

На сей раз мой силуэт не был окружен подобострастными слугами и не был закутан в парчу и золото. Одинокую фигурку обвивала полупрозрачная ткань наподобие той, в каких ходили встреченные мною служанки, призванные ублажать своего господина. Кожа призывно светилась под тонким полотном, алый румянец невинно пламенел на высоких скулах, нежные губы чуть подрагивали. Она – то есть – я олицетворяла собой искушение. По-крайней мере, именно так я и представляла себе восточных наложниц, когда читала о них в книгах.

Девушка чувственно потянулась, отчего платье натянулось, соблазнительно обрисовав плавные изгибы стройного тела, и ненароком наклонилась, позволяя материи легко соскользнуть с тонкого плечика, обнажая матовую кожу. И не думая возвращать ткань на место, мое отражение замерло в томном предвкушении – сложно ожидая кого-то. При виде этой картины по моей собственной коже пробежала легкая дрожь – нет, не страха, и не изумления, а незнакомого прежде ощущения сладкого предчувствия, которое отозвалось неожиданно приятной тянущей болью во всех моих членах.

В этот момент позади девушки внезапно затрепетали свечи, на мгновение смазывая отражение, а в тот миг, когда пламя вновь озарило ровным светом зеркальную гладь, у задней стены уже стоял знакомый пугающий силуэт.

От вида высокой широкоплечей фигуры, облаченной во все черное, я буквально приросла к полу, в глубине души обмирая от одной только мысли, *что* именно мне предстоит увидеть. И почувствовать.

Но самым пугающим в этот момент было то, что какая-то предательская частичка меня затрепетала в томительном предвкушении того, что неминуемо должно было предстать перед моими глазами в следующие мгновения.

Вкрадчивыми шагами дьявол преодолел расстояние и остановился всего в шаге от беззащитной девичьей фигурки, что продолжала обманчиво кротко стоять на месте. Дождавшись, пока девушка медленно обернется, почувствовав его приближение, мужчина нарочито ленивым движением коснулся темных волос, таинственно мерцающих в блеске свечей, и внезапно резким движением отбросил их в сторону, обнажая хрупкую девичью шею. Точно только этого и дожидаясь, девушка доверчиво прильнула к сильной мужской руке, изредка бросая на меня быстрые взгляды сквозь неплотно сомкнутые веки, словно желая убедиться – смотрю ли я.

О, на этот счет она могла бы не беспокоиться: ни что на свете не смогло бы сейчас заставить меня оторваться от этого всепоглощающего действия, что разворачивалось прямо перед моими глазами.

Мужская ладонь словно ненароком соскользнула с тонкой шеи, только чтобы пуститься в неторопливое путешествие по нежной девичьей коже – вниз к обнаженному плечу, что так и манило дотронуться, ощутить его хрупкость под сильными пальцами. Но дьявол, не задерживаясь на нем надолго, предпочел двинуться дальше – туда, где под тонкой прозрачной тканью вырисовывалась манящая плоть груди, увенчанная соблазнительными темными вершинами. На лице девушки читалось явное наслаждение его действиями, сквозь приоткрытые створки нежных губ вылетали тихие стоны, и хотя в комнате не прозвучало ни звука, я отчетливо слышала каждый из них – словно сама их издавала.

Тем временем рука мужчины опасно приблизилась к полукружиям сосков – но вместо того, чтобы коснуться их ласкающим движением, дьявол внезапно обхватил всю грудь рукой, сжимая незащитную плоть сильными пальцами. Резкая вспышка боли пронзила мое тело, но мгновенно на смену ей пришло острое наслаждение – неосознанным жестом я прикоснулась к своей груди, которая, казалось, наяву ощутила жесткое прикосновение и теперь горела странным огнем, словно желая почувствовать его вновь.

Девушка в отражении выгнулась дугой, опираясь спиной на крепкое мужское тело позади себя. Прерывистое дыхание и яркий румянец на пол-лица превратили мои столь знакомые и обыденные черты во что-то совершенно чуждое и хищное. С каждым новым мгновением я теряла привычную себя в том водовороте незнакомых чувств, что охватывали мою душу при виде собственного тела, тающего в руках врага. Каждая эмоция, которую испытывала та девушка напротив, словно в каком-то незримом зеркале отражалась во мне самой, отзываясь неведомыми доколе желаниями.

Внезапно мое отражение резко вскинуло голову и посмотрело на меня в упор черными, полными страсти и желания глазами. Глазами, которые я уже видела у тех наложниц, что встречались мне в одной из комнат этого проклятого замка. И только в этот момент я очнулась от наваждения, внезапно осознав, что нахожусь в комнате уже не одна.

Он неслышно стоял за спиной, почти касаясь моего плеча, и, судя по всему, безучастно наблюдал за тем же самым зрелищем, что не отпускало меня все это время. Ни один мускул на его лице не выдавал его собственных эмоций – но беспроектное черное пламя, неистово бушующее в его глазах, было гораздо красноречивее любых слов и жестов.

– Довольно.

Негромкий уверенный голос заставил картинку мгновенно поблекнуть, чтобы в следующее мгновение раствориться в глубинах безразличной зеркальной глади.

Я стояла перед ним, виновато опустив голову, и судорожно пыталась разобраться в собственных чувствах, прежде чем дьявол вновь заговорит. Словно угадав мое состояние, мужчина не торопился разрушать хрупкую нить тишины, тревожно протянувшуюся между нами, и медлил, замерев за моей спиной. Но едва я успела привести разбереженную душу в некое подобие порядка, он заговорил:

– Ты знала, что за существа обитают в этой комнате, но, тем не менее, вернулась сюда. Почему, Аселейн? Неужели тебе настолько хотелось испытать их влияние на себе? Или ты не поверила моим словам и решила проверить?

Я смущенно замялась, разом почувствовав себя неуклюжей и несурзной – все оправдания о том, что я просто заблудилась, показались по-детски нелепыми и смешными. Поэтому я просто решила промолчать, надеясь, что этот мой проступок не слишком разозлил хозяина замка. Впрочем, он и не думал гневаться – по крайней мере, его тон был как обычно спокоен и невозмутим:

– Я вижу, тебя тяготит мое присутствие. Печально осознавать, что моя гостя предпочитает отмалчиваться, вместо того, чтобы поддержать легкую непринужденную беседу. К примеру, мы могли бы обсудить только что увиденное – на мой взгляд, было несколько очень интересных моментов. – Я все-таки сошла с ума или же он действительно только что пытался шутить со мной? Не зная, как правильно реагировать на легкие нотки иронии, звучащие в голосе дьявола, я продолжила хранить молчание.

Поняв, что я никак не реагирую на его слова, он сдался и продолжил уже другим тоном: – На сегодня я позволю тебе уйти, но в следующий раз тебе не удастся отделаться так просто.

Я покорно кивнула и направилась, было, к двери, когда меня остановили брошенные вдогонку равнодушные слова:

– Погоди. Мирена тебя проводит.

Словно ниоткуда у дверей возникла уже знакомая изящная фигурка девушки – первой обитательницы этого замка, с которой мне довелось познакомиться сразу же после пробуждения. Не выказав и тени удивления, она спокойно ожидала меня, облаченная в очередное чудо швейного мастерства, что каскадом золотистого шелка струилось вдоль длинных ног.

Робко кивнув в знак приветствия, я приготовилась к недовольному молчанию или же откровенному безразличию вкупе с холодностью, но она меня удивила. Дождавшись, пока покои окажутся далеко позади, Мирена произнесла:

– Это было большой ошибкой – приходить туда в одиночестве. Ты даже не представляешь, какими могли бы быть последствия, если бы хозяина не было в замке.

– Я просто пыталась отыскать библиотеку! – возразила я, наконец, справившись с оцепенением, вызванным присутствием дьявола, который так же, как и я, стал свидетелем этих ужасающих сцен. – Но не смогла вспомнить правильную дорогу. У меня и в мыслях не было пытаться отыскать этих жутких существ.

Она заметно успокоилась после моих слов, но все еще никак не могла прекратить разговор на эту не слишком приятную для меня тему:

– К счастью, господин вовремя появился. Тебе следует быть ему благодарной.

Вот после этих ее слов я не смогла сдержаться, и копившееся все эти дни негодование выплеснулось наружу сумбурной волной:

– Благодарной? За что же? За то, что благодаря ему я оказалась в этом проклятом месте? За то, что лишилась возможности жить как раньше, лишилась всего, что было для меня дорого? Для всех вас, возможно, это было добровольным решением – продать свою душу в обмен на какие-то иллюзорные земные блага, но я все еще не могу смириться с тем, что больше не принадлежу самой себе!

В ответ на мою пылкую тираду девушка прищурилась, очевидно, уйдя в свои мысли, но когда я уже решила, что она так и не ответит мне, Мирена тихо произнесла:

– Ты даже не представляешь, насколько ошибаешься. Неизвестно, какая участь ожидала тебя, останься ты с отцом: быть может, по сравнению с этим твое пребывание здесь – это шанс. Подумай над этим.

С этими словами она оставила меня у знакомой двери, за которой скрывались отведенные мне покои. Не желая оставаться в коридоре в компании с затаившейся мглой, что все это время настороженно прислушивалась к нашему разговору, я отворила двери и оказалась в уже привычной для меня обстановке.

Волнение и тревоги этого непростого дня скоро дали о себе знать – не прошло и пары часов, как меня со страшной силой потянуло ко сну. Не видя причин сопротивляться, я тут же оказалась в постели, и, буквально, через несколько минут провалилась в блаженное забвение.

Я не могла вспомнить, снилось ли мне что-то конкретное, или же просто разум блуждал в потемках неясных сновидений, но я внезапно проснулась, словно от резкого толчка, и приподнялась на локтях, затуманенным взором обводя комнату. На первый взгляд все было как раньше: рассеянный лунный свет пробивался сквозь приоткрытое окно, окрашивая знакомые предметы в золотистый цвет; изогнутые тени, отбрасываемые деревянными колоннами кровати, на которых крепился балдахин, соединялись в причудливую мозаику, что располагалась прямо на каменном полу. Я недоуменно нахмурилась, не понимая, отчего на душе поселилось странного рода беспокойство, когда внезапно взгляд натолкнулся на выбивающуюся из привычной картины фигуру: в широком кресле, удобно развалившись в его мягких глубинах, сидел хозяин замка, беззвучно наблюдая за мной. Выступающие полки надежно скрывали его лицо от лучей ночного светила, и мне был виден только краешек привычной длинной накидки, спускающийся до самого пола.

– Что вы здесь делаете? – испуганно спросила его, не в силах разобрать, в действительности ли я вижу перед собой дьявола или же он всего-навсего является плодом моего воображения.

– Охраняю твой сон, – тихим эхом до меня донесся ответ.

– Охраняете? – эхом повторила за ним, все еще находясь во власти сна. Наверное, из-за этого я не успела опомниться, прежде чем с моих губ сорхнулись созвучные мыслям слова: – Но от кого, если единственное существо, способное представлять для меня угрозу, это вы сами?

Он негромко рассмеялся и в окружающей нас темноте его смех прозвучал неожиданно мягко и почти по-доброму:

– Спи, Аселейн, спи. Я не более чем выдумка твоего уставшего разума; сновидение, украдкой скользнувшее в твои грезы.

Я послушно вернулась в гостеприимные объятия мягкой постели, и почти сразу же на меня сильной волной накатил сон. Не имея сил сопротивляться, я позволила ему взять над мной верх, и уже скорее интуитивно, чем осознанно прошептала:

– Спокойной ночи... Дэриан...

Ответа я уже не услышала.

Глава седьмая. Откровение

После пробуждения ото сна прошло уже несколько часов, а я все никак не могла выпутаться из нитей до ужаса реалистичного сновидения.

Был ли дьявол действительно в моей комнате или все это было не более чем игрой переутомленного разума? Если же да, то с какой целью? Едва ли его мог завлечь вид моего спящего тела – достаточно было вспомнить обитательниц этого замка, чтобы лишний раз удостовериться в том, что мне нечего им противопоставить.

Стоило ли бояться? Станным образом я не чувствовала угрозы в его присутствии – если бы дьявол хотел причинить мне вред, то сделал бы это многими днями раньше.

Так и не надумав ничего вразумительного, я оставила тщетные попытки отыскать в этом странном сне ответы и погрузилась в мысли о загадочных событиях в комнате с зеркалами. До сих пор от одних только воспоминаний о случившемся меня бросало в жар – еще никогда за всю жизнь я не испытывала ничего, что хотя бы отдаленно напоминало вчерашние ощущения. Гораздо проще было сделать вид, что эти эмоции – лишь результат влияния демонов искушений, но себе самой я солгать не могла: на несколько томительных мгновений я действительно *хотела*, чтобы все это оказалось правдой. Желала наяву ощутить прикосновение сильных мужских пальцев к нежной коже, почувствовать, как горячее дыхание опалает мою шею, узнать, наконец, что же такого есть в поцелуе, что заставляет людей так страстно этого желать.

Все оставшееся время, которое для себя я измеряла по точным, как часы, визитам слуг, приносящих пищу, было наполнено бесконечными тоскливыми воспоминаниями. Я вновь думала о тетушке и наших спешных переездах, вспоминала единственную встречу с отцом, обернувшуюся для меня настоящим кошмаром, который все никак не желал заканчиваться. Права ли была Мерина, когда говорила, что мне еще очень повезло? В это было сложно поверить, но все же полностью отмахнуться от ее слов не могла – пусть я совсем не знала мужчину, подарившего мне жизнь, его поступки говорили сами за себя. Едва ли можно было поверить в возможность счастливого детства рядом с человеком, который хладнокровно отдал своего ребенка в руки дьявола.

Ровное пламя горящих свечей на мгновение заколыхалось, возвращая меня из царства воспоминаний обратно в безрадостную действительность. Размышления завели меня настолько далеко, что я и не заметила, как просидела в неподвижном состоянии, по моим ощущениям, несколько часов. Затекшее тело не преминуло тут же напомнить о себе скулящей болью во всех конечностях, словно желая таким образом поквитаться со мной за все проведенное в кресле время. Чтобы унять ее, я начала руками массировать кожу, и от моих прикосновений мгновенно во все стороны побежали волны покалываний.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем слух внезапно уловил какой-то звук, шедший из-за пределов моих покоев. Сначала я решила, что мне просто показалось, однако звук повторился спустя мгновение, став чуть громче.

Невозможно было различить, кричал мужчина или же голос принадлежал женщине, но с уверенностью можно было сказать, что источник звука был живой. Потому как ни один предмет, ни одна вещь не могли испытывать боль – и так кричать от нее. Пробирающе до каждой клеточки моего мгновенно одеревеневшего тела, истошно, с надрывом, то скуляще на одной протяжной ноте, то в следующее мгновение резко срываясь на захлебывающийся хрип.

Я со страхом приоткрыла дверь, еще не зная, как именно поступить – остаться в комнате и сделать вид, что ничего не слышу, или же взять свечу и попытаться раскрыть хотя бы одну из тайн этого загадочного замка. Рассудок требовал немедленно позабыть все небезопасные намерения, в то время как неумное любопытство, замешанное на страхе, гнало вперед.

Из темных глубин коридора на меня угрожающе зашипела тьма, очевидно, полностью разделяя все опасения рассудка, но я лишь замерла на пороге, вслушиваясь в ночь – не раздадутся ли снова эти пугающие звуки?

– Сегодняшней ночью тебе не стоит повторять своей вчерашней прогулки.

Вздвигнув, я резко обернулась. Там, почти сливаясь с окружившей нас мглой, стояла Мирена, невозмутимо глядя на меня своими до невозможности черными глазами.

– Я и не собиралась никуда выходить, просто услышала эти странные звуки. Вы же их тоже слышите? – спустя секунду молчания проговорила я, все еще прислушиваясь к затихающим вдалеке отголоскам новых криков.

– Не знаю, о чем это ты сейчас, но нам лучше зайти. – Она проговорила эти слова безразличным тоном, после чего, не дожидаясь моей реакции, шагнула внутрь.

А может, так оно и было на самом деле, и этими звуками замок заманивает меня в очередную свою ловушку? Потому-то их никто кроме меня и не слышит?

Но я не собиралась так просто сдаваться, и, уже оказавшись в комнате, продолжила свои расспросы:

– А что за ночь сегодня?

Мирена с удобством устроилась в кресле возле окна, словно ее визит ко мне должен был растянуться на часы, и пояснила:

– Это не простая ночь, – она бросила короткий взгляд за окно – Сегодня произойдет единение лун.

– Единение лун? Что вы подразумеваете под этими словами? – я продолжала свои расспросы с завидным упрямством, поскольку Мирена была единственным существом в этом замке, с которым я могла вести беседы, ежеминутно не опасаясь разгневать своими вопросами или сомнениями.

– Полнолуние. – Она улыбнулась загадочной улыбкой, словно зная что-то, недоступное для моего понимания. Допуская, что так оно и было на самом деле, я, тем не менее, все никак не могла унять любопытства.

– Полнолуние? Но ведь в этом мире оно каждый день!

В который уже раз у меня возникло стойкое ощущение, что все в этом замке относится ко мне несерьезно – точно к ребенку, которому можно, не утруждаясь, рассказать любую на ходу сочиненную небылицу, выдав ее за правду.

Но девушка в ответ посмотрела на меня абсолютно серьезным взглядом и пояснила далеким от каких-либо насмешек голосом:

– Сегодня необычное полнолуние. В вашем мире сейчас пятнадцатый день луны, когда она вступает в полную силу.

– И что это означает?

– То, что связь между двумя мирами сегодня невероятно сильна. Лишь раз в месяц две луны сходятся в одной – и то, всего на несколько минут. Это время стихий, вырвавшихся из-под оков дня, время для самых низменных желаний, время порока... Власть луны в этот момент безгранична – как и власть существ, рожденных под ее светом.

Отчего-то после этих пугающих слов, произнесенных столь обыденным голосом, по коже пробежали мурашки, точно от холода. Обняв себя руками в надежде унять эту странную дрожь, я продолжила расспросы:

– А как это связано с запретом на прогулки для меня?

– Сегодня ночью цепи особенно слабы... И монстр снова вырвется наружу, как это происходит каждое единение лун.

– Монстр? В замке водятся чудовища? – переспросила я, воскрешая в памяти темные провалы коридоров, освещенные лишь пурпурными бликами света.

– Есть куда более опасные существа, нежели те, о ком ты говоришь, – загадочно проговорила девушка, вновь устремляя взгляд пронзительно черных глаз за окно.

Я замолчала, мысленно перебирая все, что могло подойти под это определение. Как назло, фантазия отказалась мне в этом помогать, усиленно подсовывая образы демонов искушений. Я безмолвно покачала головой своим собственным мыслям, уверенная, что разгадка гораздо страшнее. Чем бы ни было это самое чудовище, едва ли оно ограничивалось одними зеркальными соблазнами – присутствие Мирены в моей комнате служило лишним тому подтверждением.

Медленно текли минуты, а в комнате все так же царила вязкая густая тишина, окутавшая нас плотным коконом безмолвия. Казалось, звуки навсегда покинули этот мир – и только равнодушный лунный свет, пробивающийся сквозь приоткрытые ставни, стал свидетелем того, как плотно закрытая Миреной дверь начала медленно отворяться, точно от легкого сквозняка. Словно в замедлении, я наблюдала за тем, как темная полоса мрака начинает неотвратимо просачиваться сквозь узкий дверной проем, с каждой секундой становящийся все шире.

Но в этом замке никогда не было ветра!

Только я успела об этом подумать, как сидящая напротив меня девушка резко вскочила с кресла, бросаясь к выходу. На ее обычно невозмутимом лице пугающей гримасой проступила паника, разом искажившая тонкие черты. Навалившись всем телом на тонкую деревянную грань, ставшую преградой между этой комнатой и чем-то зловещим и темным, что необъяснимо упорно пыталось прорваться внутрь, она начала что-то говорить, но до меня не доносилось ни звука. Странное оцепенение, коварно завладевшее телом, не позволило мне и сдвинуться с места, вынуждая в бессилии наблюдать за тем, как дверь медленно и туго, но все же поддается усилиям девушки. Тьма неохотно покидала захваченные позиции, стелясь по полу легкой дымкой, пока, наконец, дверь не закрылась, напоследок вновь обдав нас сильным потоком воздуха.

И в то же мгновение звуки резко вернулись обратно в мир, обрушившись на меня тяжелым оглушающим градом. Оцепенение разлетелось холодными каплями, и я устремилась к тяжело дышащей девушке, замершей у двери.

– Что это было?

По ее лицу струился пот, мертвенно бледные щеки в лунном свете, казалось, принадлежали призраку, а никак не живому существу. Но когда она открыла рот, чтобы мне ответить, голос ее был привычно ровен и почти спокоен:

– Ничего из того, что тебе следовало бы знать.

Эти слова так и остались неподвижно висеть в воздухе, даже когда силуэт девушки уже растворился за дверью.

Заснуть в ту ночь мне удалось с большим трудом. Из памяти никак не желали уходить странные слова, сказанные девушкой, ее предупреждение о чудовище, и, наконец, открывающаяся дверь, за которой словно притаилось многовековое зло. Что именно находилось за той стороной, если на лице Мирены тогда был нарисован неподдельный испуг?

Я задавала себе этот вопрос много раз, но никак не могла подобрать ответа, который мог бы объяснить все странности этого вечера – а точнее, ночи, вечной ночи, которой не было конца и края в этом мире.

На следующий день – для себя самой я все же пыталась вести примерный подсчет проведенного в этом месте времени, условно деля дни от момента пробуждения до отхода ко сну – я никак не могла ожидать посетителей, однако очень скоро после завтрака раздался короткий стук, и в комнату заглянула Мирена.

Улыбаясь с небольшой натяжкой, она промолвила будничным голосом:

– Доброго утра, а точнее – ночи, Аселейн! Надеюсь, твой сон был спокоен.

В этом утверждении словно крылся невысказанный вопрос, как будто девушка желала убедиться, что я действительно провела эту ночь как обычно.

– Благодарю вас, – немного озадаченно ответила я, силясь понять, чем может мне грозить этот неожиданный визит. – У меня нет причин жаловаться.

Она заметно успокоилась и даже повеселела. Быть может, из-за этой перемены в настроении или по каким-то другим причинам, Мирена вдруг почти по-доброму улыбнулась и внезапно предложила:

– Если сегодня ты хотела бы прогуляться по замку, я могла бы составить тебе компанию.

Я замерла на месте от открывшейся перспективы покинуть ненавистную комнату. Правда, в следующий миг воспоминания о вчерашней ночи вспыхнули в памяти с новой силой.

– А как же вчерашние предупреждения?

– Сегодня оснований для них уже нет. К тому же, тебе наверняка уже опостылел один только вид этого ужасного балдахина над кроватью, – она вдруг подмигнула мне, чем вызвала еще большее изумление.

– Он вполне ничего, – осторожно произнесла я, еще не зная, как реагировать на такую странную перемену и в ее поведении. – А вот занавески на окнах я определенно бы сменила.

Она негромко рассмеялась в ответ на мое замечание, а я удивленно подумала, что, очевидно, совсем напрасно поспешила причислить ее к разряду своих недоброжелателей.

– Ну, так что ты скажешь насчет прогулки? – Она нетерпеливо притопнула каблук.

– Было бы замечательно! К тому же, в прошлый раз я так и не смогла найти библиотеку...

– Значит, туда мы и направимся!

Она резво повернулась и направилась к выходу, жестом указывая следовать за ней.

Не прошло и пяти минут, как я уже была в столь заветном для меня царстве книг. Однако вскоре пыл моей нежданной собеседницы заметно угас – видимо, мое стремление оказаться в этом месте она явно не разделяла.

Я с головой ушла в жадное изучение ближайших полок, когда Мирена, окончательно заснувшая, решила меня покинуть, предварительно пообещав зайти через часик-другой. Радостно кивнув в ответ, я вернулась к прерванному занятию, ничуть не огорченная перспективой остаться в этом месте и на более длительный срок – в конце концов, обстановка отведенных мне покоев была тщательно и добросовестно изучена до самых мельчайших деталей, и я с чистой совестью могла приняться за изучение остальных помещений замка.

Тихонько посмеиваясь над собственными не слишком глубокомысленными раздумьями, я перешла к стоящей особняком массивной полке, на которой, как помнила еще со времени моего прошлого визита сюда, находились церковные книги.

Как все-таки странно было видеть их в этом месте. Даже после вполне логичного объяснения хозяина замка, я не могла избавиться от потаенного ощущения неправильности нахождения этих книг здесь. Словно я сама, после всего того времени, которое провела в этом месте, уже была недостаточно чиста даже для обычного прикосновения к ним.

С тем чтобы развеять предательские мысли, темной тучкой промелькнувшие на небосклоне сознания, я коснулась твердых обложек рукой, медленно проводя пальцами по выбитым золотом названиям. Наугад выбрав один из стоящих на полке тяжелых фолиантов, я взяла его в руки и открыла случайную страницу. Но вместо ожидаемых текстов на меня смотрела абсолютно черная гладь листа, пугающий вид которой заставил меня приглушенно ахнуть и выронить книгу из рук.

Поднять ее я уже не успела; вместо меня это сделали сильные руки с длинными изящными пальцами, обладатель которых словно соткался прямо из воздуха – его появление стало для меня не слишком приятной неожиданностью.

Дьявол смотрел на меня в упор знакомыми темными омутами, необычайно бледный и как будто изможденный – хотя едва ли это понятие могло быть применимо к этому существу. Я

застыла на месте, пригвожденная резким приступом паники – а вдруг мой визит сюда его разозлил, пусть даже он не показывает виду?

Словно под стать моим мыслям хозяин замка протянул мне книгу и произнес:

– Не стоит смотреть на меня таким затравленным взглядом – я не собираюсь тебя есть.

Моментально вспыхнув от того, что он до сих пор помнит слова, сказанные мной в нашу первую встречу, я упрямо подняла подбородок и произнесла:

– Я и не сомневалась в этом. Меня просто напугала эта книга. Что с ней?

Он неторопливо пролистал несколько абсолютно черных страниц, похожих друг на друга, словно близнецы, и столь же лениво ответил:

– А что именно тебя смутило?

– Почему все страницы черные? Где же тексты молитв? Почему в той книге, что я смотрела в прошлый раз, все это было, а в этой – пустота?

– Покажи мне ту книгу.

Его голос звучал на удивление спокойно и почти безразлично. Медленно успокаиваясь от его однотонного звучания, я послушно вернулась обратно к полке и спустя минуту спешных поисков нашла искомый фолиант.

В нетерпении схватив его, я открыла первую же страницу – и вновь под твердым кожаным переплетом скрывалась абсолютнейшая тьма, сочившаяся с каждого абзаца.

– Но я отчетливо помню, что здесь были буквы! – словно оправдываясь, горячо проговорила я, как никогда уверенная в том, что это не может быть обманом зрения – *действительно* видела их!

– Ты видела лишь то, что я хотел тебе показать, – мгновенно отозвался дьявол, словно читая мои смятенные мысли. Неторопливо подойдя к пустеющему камину, он провел ладонью над холодным очагом, и в то же мгновение ровное пламя весело заиграло на добротной горке поленьев, что удивительным образом возникла прямо из воздуха.

Окончательно растерявшись, я посмотрела на него, не в силах предугадать, какие слова сорвутся с его губ в следующее мгновение. Поступки и мысли этого существа не поддавались никаким попыткам хоть как-то предвидеть дальнейшие его действия, и мой человеческий разум давно уже потерял всякую надежду поспеть за стремительным ходом его непостижимой логики.

– Что есть религия? Не более чем болезнь души, и только. Люди давно уже извратили само понятие веры, вложив в это слово совершенно иной смысл. Вы притворяетесь верующими в то, во что на самом деле уже давно потеряли всякую надежду – а может, никогда ее и не имели вовсе.

Он замолчал, резко остановившись на полуслове, и невидящим взором уставился на пламя, а в следующее мгновение внезапно оказался совсем рядом со мной, пристально глядя прямо в глаза:

– Я лишь хотел показать тебе, что это все иллюзия – эти тексты, песнопения, молитвы. Ничто из этого не в силах помочь человеку, если душа его черна как ночь.

Я замерла, глядя на стоящего так близко мужчину, только в этот момент осознав, насколько накалилась обстановка в комнате: разгоревшееся пламя уютно хрустело сухими полешками, огненные блики танцевали на поверхности гладкого стола, очертаниях высоких стеллажей, задумчивом лице дьявола, устремленном прямо на меня. Он жадно вглядывался в мое лицо, точно пытался отыскать на нем что-то.

Огромным облегчением в этот момент для меня было услышать отдаленный стук каблучков, знаменующий приближение Мирены. Тенью скользнув в дверь, девушка остановилась, смиренно глядя на своего господина. Получив в ответ легкий кивок, она перевела взгляд на меня и мягко произнесла:

– Пойдем, Аселейн, нам пора.

Вдогонку нас настиг спокойный голос, обращенный ко мне:

– Ты можешь захватить с собой парочку книг, чтобы занять себя.

Слегка кивнув в знак благодарности, я, практически не глядя, схватила с ближайшей полки первые попавшиеся книги и почти бегом бросилась за Миреной, уже скрывшейся за дверью, когда мне в спину долетел тихий хриплый смех, не предвещающий ничего хорошего.

Что бы это значило?..

Глава восьмая. Черный король

С момента моего последнего посещения библиотеки прошло несколько дней, прежде чем хозяин замка, наконец, изволил прервать мое одиночество. За это время я успела сполна насладиться подробным изучением выбранных книг, найдя их довольно занимательными. При этом одновременно я не оставляла попыток отыскать в них причину его пугающего смеха, долгое время не дававшего мне покоя даже во сне. Но сделать это было непросто: мой невольный выбор пал на два абсолютно несхожих друг с другом тома, каждый из которых заслуживал отдельного внимания. Первым был сборник самых различных историй, начиная от церковных наставлений и заканчивая шуточными сценками, на мой взгляд, не несущими какого-то определенного смысла.

Вторым же оказался небольшой фолиант пространных размышлений о сотворении мира и небесных обитателях, включавший парочку действительно занятных легенд, которые я читала, затаив дыхание. Единственное, что по-настоящему заинтересовало среди длинной череды витиеватых текстов – небольшая история, повествующая о человеке, заключившем договор с дьяволом. Несколько коротеньких абзацев, казалось, вобравшие в себя предысторию моего появления в этом замке, запали в душу. Вновь и вновь вчитываясь в строки, бегущие узкой черной змейкой по светлым полям страниц, я пыталась представить на месте главного героя своего отца и понять, как может желание получить корону стать сильнее всех остальных чувств. И если в той истории мужчина продал свою душу в обмен на спасение умирающей любимой, то стремление отца обрести власть любой ценой никак не желало вписываться в рамки морали. После прочтения маленького рассказа можно было сказать точно одно: какой бы веской ни была причина вызова дьявола, этот поступок черным пятном ложился на душу вызвавшего его, обрекая на бесславную кончину и последующие мучения в царстве мертвых.

Я в очередной раз размышляла о превратностях судьбы и о собственном туманном будущем, когда дверь вдруг неожиданно распахнулась, и на пороге возникла знакомая высокая фигура, укутанная в длинный черный плащ, с которым его обладатель, кажется, никогда не расставался.

Безо всяких слов приветствия мужчина прошел вглубь комнаты и привычно с удобством устроился в высоком кресле.

«Да что в этом кресле такого особенного? Давно уже забрал бы его к себе», – с внезапным раздражением успела подумать я, прежде чем дьявол проговорил вкрадчивым голосом:

– Тебе понравились книги?

– Да, благодарю вас, – настороженно ответила я, мгновенно начиная выискивать скрытые мотивы в его интересе.

– За что именно ты поблагодарила меня сейчас? – внезапный вопрос поставил меня в тупик.

– За книги, – озадаченно ответила я спустя пару секунд.

– Нет, за них ты благодарила меня ранее. Что побудило тебя произнести это сейчас?

– Так принято. Вы поинтересовались, я ответила, – неуверенно произнесла я, смутно ощущая некий подвох в его настойчивости.

– То есть ты даже толком сама не знаешь, за что благодаришь, – подвел неожиданный итог дьявол. – А между тем, единственная причина, которая видится мне разумным объяснением, так это то, что правила приличия, с невероятной настойчивостью вбиваемые в детские головы с самого раннего возраста, прорастают в юных душах подобно сорняку. И имеют обыкновение в любые, даже самые неподходящие случаю моменты вылезать наружу.

– Вы пришли только затем, чтобы устранить огрехи в моем воспитании? – не удержалась я, будучи не в состоянии дольше поддерживать разговор на эту скользкую тему. Крошечный вызов, которым сопровождались мои слова, не мог пройти незамеченным: мужчина вопрошающе изогнул бровь, но, вероятно, все же решил оставить его без внимания.

– Нет. Я пришел, чтобы узнать, понравились ли тебе книги.

– Да, понравились, – окончательно запутавшись, после короткой паузы ответила я, вновь ощущая подступающее раздражение. Наш разговор словно шел по замкнутому кругу, где оба собеседника под каждым своим вопросом подразумевали что-то иное. Вот только понять, что же на самом деле нужно от меня дьяволу, я не могла.

– Не ищи загадки там, где ее нет, – бархатистый голос звучал с нескрываемой насмешкой. Он снова словно подслушал мои мысли!

Я не могла быть в этом полностью уверена, но уже в который раз его отклики на невысказанные мною вопросы приводили в замешательство.

Кажется, можно было услышать, как грузно ворочаются мысли в моей голове, пока я судорожно пыталась придумать достойную реплику в ответ.

– Не стоит так сильно нервничать, Аселейн, – терпеливо произнес хозяин замка. – Я уже говорил и могу повторить вновь, что не имею своей целью убить тебя или причинить боль.

– А какую цель вы преследуете, заточив меня в четырех стенах в своем замке? – и снова слова вылетели быстрее, чем я смогла их остановить.

– Узнать тебя ближе.

Мужчина спокойно смотрел прямо на меня в ожидании ответа. А я тем временем судорожно пыталась собрать разбегающиеся во все стороны мысли, чтобы извлечь из себя что-нибудь вразумительное. *Узнать меня?* Может, он просто надсмехается, испытывая неподдельное наслаждение от моего смущения и растерянного вида? Потому как верить в то, что сказанное им – правда, я отказывалась. Одна только мысль о том, *чем* мне может грозить его интерес, вызывала панический ужас и сильное желание как в детстве забраться под кровать и не вылезать из-под нее, пока угроза не пройдет стороной. Правда, в те годы молнии и гром, так пугавшие меня, были явлением довольно непродолжительным, в отличие от «грозы» в виде мужчины, сидящего напротив, которая и не собиралась проходить.

Так и ничего не придумав, я решила, что честность в данном случае будет самым уместным ответом.

– Эти слова в ваших устах наполняют мою душу тревогой.

Он слегка улыбнулся, отчего я почувствовала небольшое облегчение – по-видимому, это не стало для него новостью.

– Я вижу. И пока не собираюсь торопить события – пусть все идет своим чередом.

Я не успела никоим образом отреагировать на эту реплику, как дьявол резко сменил тему:

– Я знаю, что у тебя были ко мне вопросы по поводу прочитанного. Спрашивай, не бойся.

И вновь мне оставалось только диву даваться, каким образом ему удавалось так точно угадывать мое душевное состояние и потаенные желания. Я даже себе самой боялась признаться в том, какие мысли вызвала во мне прочитанная история – и какие вопросы.

– В одном из рассказов, где речь шла о судьбе человека, продавшего душу... – я замялась, не зная, можно ли продолжать или же эта тема вызовет в нем лишь раздражение и злость.

Однако вместо этого в глубине его глаз зажглись едва различимые огоньки интереса – а может, мне только показалось? Следующие слова рассеяли сомнения:

– Продолжай.

– Там сказано, что любое существо, заключившее договор с дьяволом, обречено. Значит ли это, что душа моего отца будет проклята? – я высказала, наконец, мучившие меня подозрения и посмотрела на дьявола в ожидании ответа.

Тем не менее, он не спешил удовлетворять мое любопытство, вместо этого неожиданно задав встречный вопрос:

– А какой ответ хотела бы услышать ты сама?

– Мне сложно судить, ведь я не могу порицать или оправдывать отца, будучи в полном неведении относительно причин, побудивших его поступить таким образом, – после некоторой заминки произнесла я, испытывая неловкость и смущение из-за внезапного поворота этого разговора.

– Он был проклят уже в тот момент, когда греховная мысль впервые скользнула в его разум и, не встретив сопротивления, пустила корни, – спокойно ответил дьявол, внимательно наблюдая за мной. От его пронзительного взгляда кожа начинала гореть странным огнем, постепенно переходящим на все остальное тело. – Ты чувствуешь облегчение от этой новости? Или тебя не радует мысль, что человек, по вине которого ты оказалась в логове дьявола, получит по заслугам?

– Я не считаю себя вправе решать, заслуживает ли он этого или нет. Потому как, несмотря на все свои нечестивые поступки, он подарил мне жизнь.

– И ты не держишь на него зла? – вот тут он даже прищурился, неотступно вглядываясь в мои глаза. Его настойчивость заставляла меня теряться, но, тем не менее, я постаралась внимательно прислушаться к себе и честно ответить, вложив в слова все чувства, что неосознанно не давали мне покоя все эти дни.

– Нет. Как ни пыталась, я не могу его ненавидеть. Наверное, если бы это зависело от меня, я хотела бы попытаться узнать этого человека ближе, чтобы понять причины совершенных им поступков. Пусть даже для этого мне пришлось бы какое-то время провести с ним рядом.

«К тому же он единственная ниточка, которая может мне помочь отыскать маму». Это я уже не произнесла вслух, справедливо полагая, что знать об этом дьяволу совсем необязательно.

– Ты удивительна, Аселейн. Я уже говорил тебе это?

От этого явно неза заслуженного комплимента, да еще и из уст столь пугающего существа, я почувствовала, как покинувшая меня на время неловкость возвращается с новой силой.

Не дожидаясь ответа, дьявол продолжил:

– Я могу только удивляться тому, как ты смогла остаться настолько чистой и невинной, находясь в окружении общества, погрязшего в грехе и пороке.

Я нахмурилась, в очередной раз поражаясь тому, насколько мрачным в его глазах предстал мой мир. Мир, в котором я родилась и выросла и от которого ничем не отличалась.

– И все-таки я не понимаю, почему вы с таким осуждением и порицанием относитесь к людям. Они ведь совсем не такие, – я попыталась разуверить его, но он лишь покачал головой и произнес:

– Ты ошибаешься. Поверь, Аселейн, в тебе нет и сотой доли того, что обычно заполняет людские думы и души.

Признавая свое поражение, я вздохнула:

– Мне сложно спорить с вами, но я все равно верю, что не все люди такие.

Он только безразлично повел плечами, не желая более продолжать разговор на эту тему, чему я была только рада.

Этот странный диалог стал первым звеном длинной цепи продолжительных бесед, во время которых я узнавала дьявола совсем с другой стороны. В такие моменты его пугающая сущность незаметно отходила на второй план, уступая место интересному и внимательному собеседнику, разговоры с которым постепенно стали для меня единственной отдушиной, потому как Мирена теперь появлялась очень редко, и я была лишена возможности поговорить с кем-либо еще.

Зато хозяин замка стал навещать меня почти каждый день, и всякую нашу встречу он был отличен: иной раз внимательным, расслабленным, а иногда язвительным и колким. Казалось, ему не надоедает ежедневно менять личину, незаметно наблюдая за моей реакцией. Порой он мог прямо посреди разговора встать и стремительно покинуть комнату без лишних объяснений и слов. В такие моменты мне не оставалось ничего другого, кроме как с беспомощностью смотреть ему вслед, невольно ощущая себя виноватой в этом поспешном уходе. В другой раз он мог резко оборвать самого себя на полуслове и надолго замолчать, прикрыв глаза и застыв в недвижимом положении. Могло пройти много времени, прежде чем он «отмирал» и вновь возобновлял разговор как ни в чем не бывало. Его странное поведение очень беспокоило меня, но я скорее бы проглотила язык, нежели призналась в этом. К счастью, периодичность таких приступов, как я называла их про себя, была не слишком частой, поэтому я могла позволить себе не задумываться над их первопричиной.

Однако, несмотря на наши нередкие встречи, полностью справиться с боязнью от присутствия дьявола мне так и не удалось. В глубине души все так же жил липкий суеверный страх, зжидившийся на детских кошмарах и прочитанных тайком страшных сказках.

Правда, со временем я все же научилась скрывать напряжение и разговаривать с хозяином замка почти без стеснения, чему немало способствовали долгие увлекательные разговоры, каждый из которых становился для меня очередным откровением. Я никогда не знала столько всего об окружающем меня мире и его обитателях – и едва ли во всем государстве, а то и на всем белом свете нашелся бы человек, который знал столько, сколько знал дьявол. Мне было страшно даже представить, сколько еще знаний таилось в его голове, и сколько тайн он в себе скрывает. Почти на каждый заданный мной вопрос у мужчины имелось собственное мнение, которое зачастую шло вразрез со всем, что я знала и во что верила до этого. В первое время было страшно и странно слушать про то, как он с абсолютным спокойствием рассуждает на темы, затрагивать которые в моем понимании казалось кощунственным. Я не спорила – и едва ли это представлялось возможным в моем положении – однако жадно ловила каждое сказанное им слово, подолгу размышляя над этим в ночные часы.

Тем не менее, из памяти никак не желала выходить угроза дьявола касаясь моей души – и поиска ключа к ней. Я часто ловила себя на том, что, внимательно прислушиваясь к негромкому мужскому голосу, параллельно пыталась отыскать скрытый смысл во всех его действиях и изречениях. Словно он был в силах обыкновенными словами воздействовать на мой разум и душу, чтобы нащупать слабое место. Впрочем, как я постоянно напоминала себе самой, это существо являлось самым коварным и непредсказуемым созданием во всем мире, и ожидать от него привычных для понимания поступков было бы откровенно глупо.

Но как было сложно помнить об этом в то время, когда дьявол находился совсем рядом, глядя на меня своими невозможно черными глазами, и что-то рассказывал. Противиться его темному обаянию было невыносимо тяжело. Особенно в те редкие мгновения, когда лукавые огоньки смеха заслоняли собой извечное мрачное пламя его взгляда, и загадочная улыбка медленно проявлялась на обычно таком бесстрастном лице. Она таила в себе тайну, звала, притягивала меня неуловимым обещанием, которое крылось в чуть приподнятых кончиках чувственных губ. Обещанием чего именно – я не знала, но что-то внутри меня мгновенно отзывалось в ответ, заставляя сердце сбиваться с ритма. В такие моменты он, как никогда прежде, походил на живого человека из плоти и крови – и не просто человека, а самого красивого мужчину, которого я когда-либо видела.

Эти первые ростки незнакомых прежде чувств очень тревожили меня, потому я старалась всегда держаться настороже, стремясь не дать незваной симпатии проникнуть в душу.

Ну а виновник моих тревог просто продолжал регулярно навещать меня, каждый раз открываясь с новой стороны. Меня преследовало неотвязное ощущение, словно хозяин замка

чего-то ждет от меня, к чему-то терпеливо подводит, а я, словно неопытный мотылек, лечу прямо навстречу гибельному пламени, не в силах ничего изменить.

Неясные сомнения не оставляли меня каждую проведенную вместе с дьяволом минуту, заставляя испытывать противоречивые эмоции, сбивающие с толку. Раньше я и подумать не могла, что буду нетерпеливо ожидать очередной встречи с этим существом, одновременно надеясь, что она не состоится.

Так неторопливо текли неотличимые от ночи дни, заполненные частыми встречами и бесконечными попытками разгадать дьявола, когда однажды он впервые пришел не с пустыми руками. Продолговатый деревянный ящик, покрытый толстым слоем пыли сразу привлек мое внимание. Но это было не все: в глубине его скрывались небольшие деревянные фигурки самых различных форм и гладкая квадратная доска, поделенная на темные и светлые клетки. Взглянув на дьявола и не найдя на его лице явных признаков возражения, я взяла одну из фигур в руки и осторожно сдула мельчайшие частицы пыли, мгновенно поразившись тому, насколько точно была рука мастера, сумевшая вдохнуть жизнь в деревянные бруски и сотворить из них настоящее произведение искусства. Крохотная светлая фигурка уютно легла в мою ладонь, и мне показалось, что дерево все еще хранит тепло руки своего создателя.

– Как красиво... – я первой нарушила тишину, привычно царящую в комнате. – А что это такое?

Не дождавшись ответа, спустя несколько мгновений я подняла голову и посмотрела на стоящего в двух шагах от меня мужчину.

Дьявол замер на месте, устремившись взглядом на фигурку, что я все еще держала в руке. Непривычно задумчивое выражение на его лице отчетливо свидетельствовало, что он сейчас находится где-то в другом месте, но не со мной рядом.

Когда я уже решила, что он мне так и не ответит, в комнате раздался его хриплый голос:

– Шатрандж. Так звалась эта игра когда-то. В теперешнем мире она обрела новое имя.

Мне ничего не сказала это название, и я осторожно продолжила расспросы.

– А что это за игра? И как она теперь называется?

Его ответ не заставил себя долго ждать:

– Шахматы.

Незнакомые нотки в его голосе укрепили мое подозрение, что с этой игрой что-то не так. Покопавшись в памяти, я выудила оттуда обрывки скудных знаний, касающихся этой темы:

– Я встречала упоминание о них когда-то давно в одной из книг. Но... они ведь запрещены церковью?

И только произнеся это вслух, я осознала, что сморозила глупость – едва ли эта новость станет для дьявола открытием.

Оторвавшись от созерцания изящной фигурки в моей ладони, которую я никак не могла выпустить, он ответил с неожиданной усмешкой:

– Да, это так. «Измышления дьявола» – вот как они ее называют теперь.

– У служителей церкви наверняка есть на то основания, – осторожно произнесла я, внимательно наблюдая за его реакцией.

Он лишь спокойно пожал плечами, возвращая на лицо привычную маску бесстрастия:

– Все возможно.

Я не стала ступать на скользкий путь споров с хозяином замка, вместо этого еще раз проведя пальцем по выступающим бокам миниатюрной фигурки, голова которой имела удивительное сходство с головой лошади. Грива, уши, глаза – все было прорисовано с такой точностью и изяществом, что я не смогла сдержать повторный вздох восхищения:

– Тот, кто сотворил это, был настоящим мастером.

Мужчина никак не отреагировал на мои слова, вместо этого медленно произнеся, по-видимому, все еще находясь во власти каких-то собственных дум:

– Ими не играли уже много лет.

– Да, я вижу, – отозвалась я, бережно возвращая фигурку на место. В том, что она была очень, очень старой, впрочем, как и все остальные фигуры, сомнений быть не могло. – Никогда еще не видела ничего, хотя бы отдаленно похожего на них.

– Я научу тебя играть в эту игру, если ты захочешь.

Его предложение не стало для меня неожиданностью, но я колебалась, предчувствуя, что неспроста эта игра запрещена под страхом смертной казни. Однако загадочные фигуры так и манили дотронуться до них вновь, чтобы постигнуть все тайны, заключенные в крохотные кусочки дерева. Отчего-то я не сомневалась, что они таят в себе не одну загадку, связанную с самим дьяволом и с его прошлым.

Осторожно кивнув в знак согласия, я, сама того не зная, начала новый виток моего пребывания в этом мире.

Теперь на смену долгим беседам пришли не менее занимательные уроки, которые заставили меня с нетерпением дожидаться визитов хозяина замка, который обстоятельно посвящал меня в тонкости этой игры. В первые разы было довольно сложно запомнить расположение и порядок хода каждой из фигур, но со временем я потихоньку начала делать успехи. Конечно, до мастерства хозяина замка мне было очень далеко, но втайне я гордилась собой, когда ему все чаще требовалось больше времени, чем обычно, чтобы победить меня.

Это казалось удивительным, но на поверку из дьявола получился прекрасный учитель. Иногда мне казалось, что своими бесконечными вопросами я рискую навлечь на себя его гнев, но каждый раз вместо того, чтобы все бросить или сорваться на мне, он терпеливо повторял пройденный урок.

Правда, мне еще ни разу так и не удалось обыграть своего соперника – впрочем, учитывая его опыт и знания, я не сильно расстраивалась из-за очередного поражения, запоминая ошибки и извлекая из них выгоду на будущее.

Однако как-то раз привычный ход партии был нарушен самим дьяволом, который, вместо того, чтобы как обычно разъяснить ошибку и продолжить игру после сделанного мной неудачного хода, решил попробовать иной метод обучения:

– Аселейн, ты слишком осторожна и нерешительна. В шахматах неумение сознательно идти на жертвы может привести к поражению. Тебе необходимо взглянуть на игру с другой стороны. Представь, что перед тобой не деревянная доска, а твоя собственная жизнь. Какую фигуру ты бы выбрала для себя?

Мой ответ прозвучал тут же:

– Пешка. – В этом я не сомневалась. Вся моя жизнь – это череда чьих-то решений и поступков, но я сама почти не имела права голоса. Всего лишь безвольная фигурка в руках более опытных игроков: сначала тетушки, затем отца, а сейчас – дьявола.

– Хороший выбор.

Я недоуменно воззрилась на него. Правильно расценив мою реакцию на его слова, дьявол охотно пояснил:

– На первый взгляд, у нее нет никаких преимуществ. Но это не так. На самом же деле, пешка – единственная из всех фигур, которая, начиная игру в качестве самой слабой, может стать любой другой – и даже королевой. Для этого ей нужно пройти игровое поле и достигнуть последней горизонтали. Так и ты, Аселейн: сейчас твоя жизнь представляется лишь случайной партией, разыгранной другими игроками, в которой ты играешь роль безвольной пешки, но все может измениться.

Его речь показалась мне не более чем красивыми словами, коими он пытался приукрасить неприглядную реальность, в которой я всецело находилась в его власти безо всякой надежды когда-нибудь обрести свободу.

Спорить с ним было бесполезно – я понимала это очень ясно. Поэтому, оставив его слова без внимания, я вернулась к нашему разговору.

– В таком случае, кто остальные фигуры на доске?

Он ухмыльнулся и пожал плечами:

– Это решаешь только ты сама. Партия началась, но твой черед хода еще не пришел: сейчас в игре участвуют другие фигуры, многие из которых пока не появились в твоей жизни. Поэтому в данный момент они всего лишь туманные дымки на горизонте, – немного помолчав, он продолжил: – Кроме того, ты ведь даже не подозреваешь об истинной расстановке сил. Вполне возможно, что те, кого ты сейчас уверенно относишь к стану противников, на деле окажутся игроками твоего же поля.

Определенно, сейчас он намекал на себя. Но его роль в эту минуту казалась мне как нельзя более ясной – черный король, мой враг и моя предполагаемая мишень. Конечно, мишень в том случае, если бы я могла хоть как-то сражаться. Увы, он был прав: время для моего хода еще не пришло – и я сомневалась, что оно когда-либо наступит. В реальном мире мне нечего было ему противопоставить. И эти доверительные беседы лишний раз доказывали, насколько он был коварен и лукав – ровно таков, каким и должен быть дьявол в моем понимании.

Мой собеседник только усмехнулся: вероятно, направление моих мыслей не стало для него сюрпризом. Не останавливаясь на этом, мужчина продолжил:

– Чтобы выиграть в этой игре, тебе необходимо идти на жертвы. Неважно, кто это будет, важно то, как именно ты сумеешь воспользоваться представившейся возможностью. Запомни: непобедимых нет. Даже самые сильные игроки могут оказаться на грани поражения из-за простой пешки. Главное – насколько далеко ты сама готова зайти в желании победить и чем будешь готова рискнуть.

На такой загадочной ноте закончился этот разговор, и больше к этой теме мы не возвращались.

Шло время. Постепенно я начала примиряться со своей новой жизнью, стараясь находить плюсы даже в самых незначительных деталях. Я была жива, со мной хорошо обращались – и если закрыть глаза на некоторые моменты, за это одно уже можно было быть благодарной.

И все было бы не так уж и плохо, если бы не мое самочувствие, которое ухудшалось с каждым днем. Поначалу я списывала усталость и быстрое утомление на нехватку сна, вызванную тем, что ночами – а точнее, в то время, которое я проводила в постели – замок наполнялся зловещными, порой необъяснимыми и жуткими звуками. Уже не единожды мне на ум приходило подозрение, которое еще несколько недель назад я бы решительно отмела, сочтя неправдоподобным. Однако после всего, что увидела и узнала здесь, в этом мире, где невозможное становилось возможным, отрицать мысль о том, что замок является *живым*, я не могла. Слишком уж многое нельзя было объяснить. И если днем, когда я бодрствовала, все было тихо и спокойно – даже *слишком* спокойно, то стоило мне приготовиться ко сну и лечь в постель, как замок пробуждался.

Вот уже сколько ночей подряд мне слышится далекий голос тети. Она что-то тревожно говорит, словно стремясь меня о чем-то предупредить. Однако как только я начинаю прислушиваться, знакомые звуки постепенно превращаются в неразборчивое бормотание, утихающее с каждой секундой. Я осторожно встаю с постели, подхожу ближе к двери и напряженно вслушиваюсь. Мне удается разобрать несколько отрывистых слов, прежде чем голос становится все ниже и грубее, пока, наконец, не превращается в мерзкий хриплый хохот, от которого кровь стынет в жилах. Это повторялось не раз, и все равно каждую новую ночь я вновь и вновь попадаю в эту ловушку, в надежде на...

Нет, точнее без всякой надежды. Но эта иллюзия присутствия рядом тетушки на несколько коротких мгновений дарила мне давно забытое ощущение безопасности, словно

и не было этих долгих недель, проведенных в логове дьявола. Как много ночей я провела, судорожно вцепившись в одеяло и прислушиваясь к каждому скрипу в страхе, что вот сейчас дверь отворится, и кошмар, которому однажды воспрепятствовала Мирена, опять повторится.

Однако через некоторое время я осознала, что мое болезненное состояние вызвано совсем иной причиной, и нехватка сна тут не при чем. Всему виной служила вечная мгла, окружающая меня и днем, и ночью. Однообразное сияние свечей не могло полностью с ней справиться, вынуждая тьму скрываться в углах просторной комнаты, откуда она не прекращала украдкой наблюдать за мной.

Тем временем, мои глаза начали все чаще слезиться от назойливого оранжеватого пламени, окрашивающего все предметы и даже меня саму в этот раздражающий цвет. Мне приходилось подолгу сидеть в темноте, освещаемой лишь одиноко горящей свечей, ожидая, пока контуры мебели перестанут расплываться, и я смогу закрывать веки без острой режущей боли. Быть может, я бы даже предпочла крошечную темень такому надоевшему источнику света, но дьявол был непреклонен – мне запрещалось находиться во мраке одной.

Отсутствие солнца сводило с ума – казалось, я готова была на все, лишь бы снова хоть на минутку очутиться под ласковыми теплыми лучами, ощутить их на своем лице. Я чувствовала себя маленьким ростком, насильно запертым в темном и сыром подвале, который медленно, но верно погибал без света. Конечно, никто бы здесь не позволил мне умереть, но заменить солнце тусклым сиянием свечей, увы, было невозможно.

Я стала все реже покидать свою постель, опасаясь, что ослабленное тело не выдержит даже обычной прогулки до библиотеки и обратно. Дьявол ничего не говорил вслух, но все чаще в его взгляде проскальзывало новое чувство – словно он понимал, что нахождение в его замке медленно убивает меня, но ничего не мог или не хотел с этим делать.

Это произошло внезапно – еще мгновением раньше я стояла возле стола, намереваясь отодвинуть горящую свечу подальше от лежащих рядом книг, как в следующую секунду пламя вдруг покачнулось, словно от резко налетевшего порыва ветра, а затем погасло, погрузив комнату во тьму. Я не успела даже понять, что произошло, когда истинная хозяйка ночи не преминула мгновенно этим воспользоваться, окружая меня плотным коконом темноты, который неожиданно обжег кожу липким прикосновением. Паника овладела моим сознанием; я не могла даже пошевелиться, словно связанная по рукам и ногам. Спустя пару мгновений горло сдавило от нехватки воздуха, точно невидимая петля начала затягиваться на нем все туже и туже, но только я судорожно попыталась сделать вдох, как тьма лишь усилила свои смертоносные объятия. Перед глазами закружилось разноцветье мошек, в нос ударил неприятный запах тлена и приближающейся смерти, когда вдруг стискивающая меня мгла разом отпустила ставшее таким безвольным тело. Не было сил попытаться остановить неминуемое падение, единственное, что я могла делать в тот момент – это судорожно глотать воздух, словно вытасненная из воды рыба. Поэтому неудивительно, что я полетела прямо на холодный пол, даже не почувствовав боли от соприкосновения с твердой поверхностью. Последнее, что помню в тот момент – склонившееся надо мной полное тревоги лицо Мирены.

Я очнулась в своих же покоях, медленно приходя в сознание. В первую минуту мое пробуждение ничем не отличалось от обыденного действия, происходящего каждый день, однако едва я попробовала пошевелиться, как тело резко пронзила острая вспышка боли, вслед за которой разом нахлынули воспоминания о случившемся.

Возле кровати раздался неясный шум, источник которого обнаружился очень скоро – в облюбованном кресле привычно сидел хозяин замка, внимательно наблюдая за мной.

Увидев, что я пришла в себя, он неуловимым движением оказался рядом.

– Как ты себя чувствуешь?

Осторожно попытавшись приподняться, отчего голова резко пошла кругом, я хрипло отозвалась, отмечая, как тяжело мне дались эти три слова:

– Сама не знаю.

Даже малейшее движение рождало новый виток тянущей боли, мгновенно распространяющейся на все тело; каждый вдох отзывался болью в легких, а перед глазами застыли картинки моего неравного поединка с тьмой.

– Почему она на меня напала? Что я сделала не так? – Такой сиплый и низкий голос казался принадлежащим кому-то другому, но не мне самой.

Дьявол осторожно присел на краешек кровати, отчего я мгновенно ощутила подступающую неловкость – никогда еще он не находился так близко ко мне.

– Ты существо из другого мира, она не может привыкнуть к тебе.

Его слова не стали утешением.

– Выходит, она будет вечно охотиться на меня, пытаясь убить? Пока однажды ей это не удастся?

– Больше этого не повторится. Я обещаю тебе, Аселейн.

На секунду его рука застыла в воздухе совсем рядом с моей головой, точно мужчина хотел погладить меня по волосам. Я замерла, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами: одна часть меня робко желала, чтобы он это сделал, другая же обмирала от страха и собственного бессилия. Не знаю, почувствовал ли дьявол мои противоречивые эмоции или же холодный разум взял верх над сиюминутными желаниями, но в следующее мгновение пальцы резко сжались в кулак, отодвигаясь от моего лица. Я бессильно лежала на кровати, разглядывая его кольцо, которое до этого видела так часто, но никогда даже не пыталась разглядеть, что именно оно из себя представляло. Уродливая пасть какого-то неизвестного мне зверя истекала слюной, острые клыки щерились пугающим оскалом – я не могла представить, как кто-то мог по доброй воле носить такую мерзость. Впрочем, напомнила я себе в очередной раз, логика и здравый смысл отступали перед всем, что было связано с хозяином этого мира.

В этот момент резкая белая вспышка внезапно озарила комнату, проникая в каждый угол, каждую щель, не оставив места для темноты. В первую секунду не понимая, что происходит, я слабо приподнялась на кровати, пытаясь сконцентрировать мутный взор на дьяволе. Он же мгновенно преобразился – от прежней расслабленности не осталось и следа. Сейчас передо мной стояло существо, по праву носящее имя короля тьмы и предводителя хаоса. Плотные сжатые губы, нахмуренные брови, глаза, в которых яростно металась мгла, грозя испепелить любого, кто встанет у нее на пути, – я искренне пожалела того, кто осмелился стать причиной недовольства дьявола. Спустя мгновение мужчина резко взмахнул плащом – и растворился прямо в воздухе.

А свет тем временем и не думал исчезать. Прошла еще секунда, прежде чем я поняла, что источник его находится вне пределов замка, и лучи льются сквозь распахнутое окно.

Как же я соскучилась по свету! Однако это определенно было не солнце с его ярким желтым свечением. Нет, этот свет был ровным и бледным, прохладной рябью разливающийся прямо в воздухе, но от него мне становилось лучше с каждым мгновением.

Собрав все силы, я медленно поднялась с постели и осторожно подошла к окну, щуря глаза, отвыкшие от яркости светового дня. В первые мгновения я ничего не могла различить – казалось, все снаружи состояло только из белоснежного мерцающего моря, затопившего окрестности замка своими волнами.

Затем появились первые очертания. Деревья, земля, небо – все это едва угадывалось сквозь белое марево, тревожной дымкой дрожащее в воздухе.

Тем временем, с каждой новой секундой нарастало напряжение, которое уже скоро стало настолько осязаемым, что, казалось, до него можно было дотронуться рукой. Я нахмурилась, предчувствуя, что сейчас что-то произойдет.

И я не ошиблась. Спустя миг резкая черная вспышка расчертила бледное небо, оставив за собой длинный изогнутый след, – словно небрежный мазок невидимого художника, разделивший белоснежное полотно холста пополам.

Темное свечение нарастало; сквозь проложенный узор на небосводе жадным потоком хлынула тьма, мгновенно растекаясь повсюду. Мир с жадностью впитывал в себя знакомые краски, постепенно возвращая привычные мрачные цвета. Но белое свечение не думало сдаваться: вновь и вновь оно вгрызалось в беспросветную картину, отвоевывая обратно словно залитые чернилами кусочки холста.

Перед моими глазами разворачивалась удивительная картина. Едва ли кому-то из смертных когда-либо доводилось становиться свидетелем подобного. Это было похоже на танец. Завораживающий, опасный, непримиримый танец двух стихий – черной и белой. Ни одна из них не могла победить, потому как они были равны, – словно половинки одного целого.

Не знаю, сколько это продолжалось, пока вдруг на одну бесконечно долгую секунду мир не застыл, – а в следующее мгновение все исчезло. Исчезли цвета, звуки, запахи. Остались только две высокие фигуры, стоящие друг напротив друга.

Мне было сложно различить детали, но одного из собеседников я точно знала. Длинный черный плащ, и горделивая осанка не позволяли ошибиться.

Очертания второго из них я видела с трудом – его окружала легкая мерцающая дымка, сквозь которую мне вдруг на секунду почудились длинные белые крылья.

Может, я схожу с ума?

Ответить самой себе я не успела – вновь сверкнула белая вспышка, но на этот раз уже прощаясь. Вслед за ней мгла привычно накрыла своим крылом этот мир, возвращая беспросветной ночи ее законные владения.

Дьявол вернулся только через несколько часов; к этому моменту я уже действительно сходила с ума от неизвестности, донельзя встревоженная собственными догадками и предположениями. Быть может, я даже рискнула бы покинуть комнату, влекомая предательским любопытством, если бы не недавнее происшествие, после которого во мне поселился панический страх перед темными помещениями, в которых затаилась тьма.

Дверь распахнулась, когда хозяин замка резко вошел в комнату. На его обыденно бесстрастном лице нельзя было прочесть ни единой эмоции. Тем не менее, я инстинктивно чувствовала, как от него исходят сильнейшие волны ярости.

Опасаясь что-либо спрашивать, чтобы не попасть под горячую руку, я приготовилась ждать, когда он первым нарушит тишину.

Медленно текли минуты, а он все молчал, пристально глядя на меня. Уже не в силах дольше прятать обуревающие меня вопросы, я негромко произнесла, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:

– Кто это был?

С небольшим смешком, сквозь который тонкой ноткой прозвучала внезапная горечь:

– Старый друг.

Немного подумав и осознав, что после его ответа вопросов стало еще больше, я выбрала из них наиболее нейтральный и спросила:

– Зачем он приходил?

И вновь краткий ответ, который не прояснил ровным счетом ничего.

– Чтобы поговорить.

Я огорченно вздохнула, понимая, что не смогу вытянуть из дьявола больше информации, чем он сам позволит мне узнать. Поэтому его слова, прозвучавшие в следующее мгновение, стали для меня неожиданностью:

– Он сказал, что тебе нельзя находиться в моем замке дольше.

Сонмы вопросов разом заполнили смятенное сознание, но главным из них, конечно, был тот, который я робко озвучила, одновременно замирая от страха услышать ответ:

– И что вы ему ответили?

На лице дьявола промелькнула вспышка гнева, мгновенно всколыхнувшая непроницаемо черное пламя его глаз.

Я испуганно попятилась назад, почти физически ощущая, как хозяин замка теряет с таким трудом обретенное самообладание. Едва он только вошел в эту дверь, у меня тотчас мелькнула мысль, что в тот момент дьявол был похож на дымящийся вулкан, который вот-вот грозит затопить все вокруг обжигающей лавой гнева и ярости.

И сейчас, когда он, вновь издав короткий смешок, сделал несколько шагов по комнате, после чего резко повернулся, чтобы ответить, я поняла, что извержение уже близко:

– Если вкратце... Что он может убираться туда, откуда пришел, потому как я никогда не отпущу тебя.

Разочарование потоком хлынуло в душу, затопляя меня непрерывной волной. А ведь на мгновение я позволила себе надеяться... Глупая, глупая Асель!

Из-за внутренних укоров и попыток скрыть свою реакцию я не сразу осознала, что дьявол продолжает что-то исступленно говорить.

– Они настаивают на том, что у меня нет власти над твоей душой, что ты до сих пор слишком чиста, и находишься в моем замке для тебя опасно. Глупцы! – он буквально прорычал это слово, чем напугал меня еще сильнее. – Ведь они прекрасно знают сами, знают куда лучше, чем кто-либо еще на этом свете, что ты принадлежишь мне, что нет такой силы, которая бы заставила меня от тебя отказаться.

Мужчина вдруг прервался, заметив мой испуг.

– Я опять напугал тебя. Прости меня, Аселейн, – раскаивающимся голосом прошептал он, пытаясь успокоить. – Мой гнев направлен не на тебя, а на тех, кто пытается воспрепятствовать тому, что должно произойти рано или поздно. Они должны понимать, что это, – его шепот вновь превратился в почти болезненное бормотание, которое пугало меня не меньше, чем внезапные вспышки гнева. – Это единственный шанс остановить его, заставить свернуться подобно дремлющей змее и уползти обратно в свою нору.

– Я не понимаю, о чем вы, – призналась я, окончательно теряя связь с реальностью. Кажется, все это сон – туманные признания, неведомый гость с белоснежными крыльями, словно сошедший с книжных страниц, поведение дьявола, так разительно отличающееся от того, каким я привыкла его видеть на протяжении своего пребывания здесь.

Заметно успокоившись, хозяин замка мягко произнес, устремляя взгляд в сторону распахнутого окна, из которого в комнату неторопливо лилась безмятежная ночь:

– Я знаю. Однажды ты постигнешь, чему были посвящены мои слова, и в тот день мир озарится рождением новой звезды.

И снова его слова породили множество вопросов, но не успела я произнести что-либо в ответ, как мужчина продолжил:

– Ну а пока мне все-таки придется тебя отпустить.

Мой изумленный взгляд, в котором плескалось недоверие, послужил ему лучшим ответом. Кривая ухмылка исказила дьявольски красивое лицо, когда он, усмехнувшись, пояснил:

– Знаю, ты не ожидала этого. Но я не могу отрицать, что мой мир еще недостаточно готов для тебя. Или же ты для него.

Он резко оборвал себя, и, глубоко вздохнув, продолжил совсем другим тоном:

– Ты будешь возвращаться ко мне каждое полнолуние.

Услышанное никак не желало укладываться в моей голове, но все же я с трудом сумела выдать из себя:

– И куда я отправлюсь?

– К отцу. Ты ведь так этого хотела. Теперь у тебя появится возможность узнать его поближе, – он фыркнул, не скрывая издевки. – Но понравится ли тебе то, что ты увидишь, моя маленькая Аселейн?

Глава девятая. Короля делает свита. Или же король – ее?

Оставив далеко позади себя тревожно шумевшие леса и бескрайние поля, из окна кареты казавшиеся темными омутами, полными затаенной угрозы, я все вспоминала события, что завертелись-закрутились после слов дьявола. На вопросы, посыпавшиеся из меня словно из бездонного мешка, он отвечал односложно и неохотно, точно эта тема вызывала в нем лишь раздражение и злость. Впрочем, справедливости ради стоило признать, что, несмотря на свое явное недовольство, он не только повелел мгновенно возникшей рядом с нами Мирене упаковать мою одежду в дорожные сундуки, но даже не пожалел изящного летнего экипажа, запряженного четверкой жеребцов. Он ждал меня у самого крыльца – когда я, растерянная и ошеломленная таким стремительным ходом событий, в сопровождении хозяина покинула замок. И хотя на привычно бесстрастном лице мужчины нельзя было прочесть ни единой эмоции, плотно сжатые губы выдавали его истинные чувства.

Проследив за тем, как я неловко взобралась вовнутрь кареты и устроилась на неожиданно мягком сидении, дьявол что-то неслышно проговорил соткавшемуся прямо из ночного воздуха кучеру, – и в следующее мгновение карета резко сорвалась с места, унося меня от высокой фигуры, закутанной в длинный плащ. Я тотчас же прильнула к узкому окошку, провожая растерянным взглядом высокий замок и его опасного хозяина, который спустя пару мгновений растворился в непроницаемом мраке.

Противоречивость испытываемых мной в этот момент чувств пугала. Нет, я отнюдь не желала задерживаться в этом месте дольше. Однако такая резкая смена событий изрядно выбила меня из колеи. Снова и снова я задавалась вопросом, правильно ли поступила, выбрав отца: как отнесется ко вновь появившейся в его жизни дочери, душу которой, он, к тому же, с охотой продал еще до рождения?

Не лучше ли было вернуться к тете – пусть я и понятия не имела, где она сейчас находится, но Дьяволу наверняка было превосходно известно и об этом. И если бы я только попросила...

После нашего с ней спешного расставания в той укромной таверне прошло уже столько времени – наверняка она задается вопросом, где я нахожусь, скорее всего, даже волнуется. Она заботилась обо мне так долго, что не могла не проникнуться ну хоть какими-то чувствами. Вся ее жизнь представляла собой череду побегов от ищеек брата – и все из-за меня. И пускай то было результатом отнюдь не моего личного решения, подспудно я все равно ощущала давящий груз вины за искалеченную судьбу тетушки.

Эти вопросы не переставали волновать меня на протяжении всего пути, который, к моему большому удивлению, оказался весьма коротким.

Едва я, убаюканная ритмичным стуком колес, на мгновение прикрыла глаза, намереваясь хотя бы немного вздремнуть перед непростой встречей, как в следующую секунду карета начала мягко замедлять ход.

Встревожившись, я отодвинула занавеску, ожидая увидеть привычные равнины, затопленные неуютной ночной мглой, однако вместо этого на горизонте вдруг показались едва различимые очертания города, укутанного мягкой розовой дымкой – предвестницей рассвета. Солнце еще не взошло, поэтому он только пробуждался после очередной ночи. Я растерянно потеряла глаза, но иллюзия не думала рассеиваться: это действительно была столица. Чем ближе мы становились к ней, тем отчетливее я это понимала, несмотря на то, что никогда не бывала в ней раньше. Неужели завеса, отделяющая мир дьявола от мира людей, находилась столь близко к оплоту церковной власти, месту нахождения епископа и остального высшего духовенства? Или же повелитель царства мертвых ко всему прочему мог распорядиться даже самим временем?

Я могла бы долго размышлять на эту тему, если бы мои думы не были заняты предстоящей встречей с отцом, которая становилась все реальнее с каждым новым движением колес. Выглянув в окошко и убедившись, что высокие серые стены, окружившие город плотным кольцом, уже рядом, я принялась рукой разглаживать складки пышного платья, пытаюсь успокоиться. К сожалению, это нехитрое занятие ничуть не помогало. Я уверилась в этом, когда грозный окрик стражников у ворот остановил нашу карету. Все прежние страхи радостно накиннулись на меня с удвоенной силой, и я уже воочию представила, как откроется дверца и чужой холодный голос прикажет мне выйти. Но не успела я дать фантазии волю, как карета вновь начала ход. Прильнув к окошку, я успела заметить, как страж прячет в мешок пару тускло блеснувших монет, и только в этот момент с запозданием вспомнила, что становилась свидетелем подобных сцен довольно часто. То было обычным явлением для каждого города, призванным пополнять королевскую казну: все желающие попасть внутрь должны были оплатить своеобразную пошлину. Поэтому-то стражники даже не стали заглядывать в карету, получив положенную плату от кучера и пропуская нас вперед. Я настолько ушла с головой в собственные опасения, что умудрилась выпустить из памяти эту формальность и успела уже напридумывать себе невесть что!

Укоряюще покачав головой над собственной забывчивостью, я отодвинула занавеску окна и принялась теперь разглядывать непосредственно сам город, в который мы неторопливо въезжали.

Во время наших странствий с тетей мы никогда не заезжали в столицу. Раньше я удивлялась этому факту, однако теперь, когда истинная причина наших скитаний стала мне известна, все встало на свои места. Едва ли было возможным прятаться от короля в главной его резиденции.

В моих мечтах этот город всегда представлялся почти сказочным местом, где гармонично переплетались между собой богатство и роскошь. Однако стоило нам проехать широкий перекресток и свернуть на дорогу, ведущую в жилую часть столицы, как на поверку оказалось, что она почти ничем не отличается от виденных мною прежде городов. Та же грязь, те же запахи, тот же шум и даже, казалось, те же самые люди. Мы проезжали по узким улочкам, вдоль которых неслись стремительными потоками реки нечистот, иногда из окон плотно втиснутых в небольшое пространство домов выплескивалась грязная вода, едва не попадая на крышу кареты.

Кучер отлично знал свое дело, ибо даже коренной житель мог бы запутаться в этом беспорядочном нагромождении жилых строений, которым, казалось, не было конца и края. Несколько раз нам приходилось останавливаться и сворачивать в проулки, ибо дорога была слишком узкой даже для двух экипажей. Эта картина была мне настолько знакома и привычна, что я даже засомневалась: а действительно ли столица простиралась перед моими глазами? Быть может, Дьявол так изощренно пошутил, на деле отправив меня в совсем иное место?

Впрочем, эти мысли тут же покинули мою голову, стоило нам выехать из лабиринта домов напрямик на широкую площадь.

Размеры ее впечатляли. Одну сторону занимали пестрые торговые ряды, на которых в этот ранний час уже всю начиналось ежедневное представление: десятки торговцев наперебой предлагали свой товар, придиричвые покупатели внимательно приглядывались к предлагаемым вещам с явным намерением поторговаться. От разноцветья красок рябило в глазах; незнакомые сладковатые запахи заморских сладостей приятно щекотали нос, так и маня подойти поближе, чтобы попробовать их на вкус. Шумные зазывные крики растворялись в утренней прохладе, приправленной терпкими ароматами пряностей, которые слабый ветерок услужливо разносил далеко вокруг.

В самом центре раскинувшейся передо мной площади величественно вздымался к небу широкий деревянный помост, очевидно, используемый для особых случаев. Я явственно пред-

ставила себе как глашатай, величаво возвышаясь над толпой, во весь голос зачитывает приказы короля. А может быть, и список преступников, приговоренных к казни. Легкий угрожающий скрип раскачивающихся на ветру виселиц, что устремленными к небу силуэтами застыли рядом с помостом, служил безмолвным подтверждением моих догадок. К счастью, в столице не прижился варварский метод устрашения и, одновременно, напоминания всем жителям, как тонка грань между жизнью и смертью, который до сих пор сохранился и с успехом применялся во многих маленьких городках. Я вспомнила синюшное обмякшее тело, одиноко раскачивающееся на ветру, впившуюся в шею толстую петлю веревки, черные встрепанные перья большой птицы, что сидела на плече покойника, беззастенчиво выклеывая тому глаза, и вздрогнула. Жуткое зрелище, случайной свидетельницей которого мне не посчастливилось однажды стать, никак не желало стираться из памяти. До сих пор чуть сладковатый, гнилостный запах разлагающейся плоти, ввевшийся тогда в мою одежду и волосы, приходил ко мне в самых мучительных кошмарах. После этого случая я как огня старалась избегать главных площадей, повсеместно служивших и местом казни преступников.

Желая поскорее прийти в себя от тошнотворных воспоминаний, я перевела взгляд на противоположную сторону площади, к которой-то и направлялась карета. Однако высокая кованая решетка, преградившая нам путь, заставила замедлить ход. Я внимательно присмотрелась: прямо за ней виднелась убегающая куда-то вперед вымощенная булыжником дорога, по обе стороны которой величаво возвышалась темно-зеленая стража, грозно шелестя листвой. Между тем в нашу сторону уже неторопливо шествовал и самый настоящий стражник из плоти и крови – невысокий сухопарый мужчина, которого в первую минуту я не заметила, увлекшись разглядыванием высоких макушек башен, видневшихся за вершинами плотно растущих деревьев. Он выглядел гораздо опаснее встреченных нами ранее его сотоварищей по ремеслу; короткий кинжал, висящий на поясе, без слов говорил о том, что здесь уже парой монет дело не обойдется. Чуть в сторонке за происходящим наблюдали несколько грозных на вид стражников, одетых точь-в-точь такую же форму, как и приблизившийся вплотную к карете мужчина. Я уже было приготовилась выйти наружу и попытаться объяснить, с какой целью еду во дворец, при этом смутно представляя, какими словами можно описать происходящие в моей жизни события. Однако и в этом случае ситуация разрешилась без моего участия. Не знаю, что мог сказать простой кучер серьезно настроенному стражнику, тем не менее, последний, перекинувшись только лишь несколькими фразами с дьявольским прислужником, неохотно, но все же распахнул решетку, пропуская нас дальше. Напоследок он с задумчивым видом постарался заглянуть в окно кареты, но недостаточный рост помешал ему это сделать. Неужели дьявол каким-то образом успел дать знать королю, что блудная дочь едет обратно?

Мы проезжали мимо деревьев, устремленных вершинами прямо в чистое безоблачное небо, опрятно подстриженных густых кустарников, а взгляд мой против воли был устремлен вперед – туда, где сквозь просветы в зелени уже показались первые очертания королевского дворца.

Это было величественное вытянутое здание, каждый камень в кладке которого так и излучал мощь и силу. Массивные башни возвышались с обеих сторон дворца, плавно перетекая во все новые и новые этажи и ярусы, благодаря чему главная резиденция короля казалась бесконечной чередой построек и сооружений. Очевидно, здание было вновь возведено после уничтожившего его пожара, случившегося чуть менее двух десятилетий назад. Основательные строения, сделанные из толстых необработанных глыб камня, построенные для защиты от вражеских нападений, соседствовали с миниатюрными башенками, увитые плющом балкончики которых выходили прямо в королевский сад. Они были настолько тонкими и изящными, что казались ожившими иллюстрациями к детским сказкам. Так просто было представить заточенных в них прекрасных принцесс, ожидающих спасения, и мужественных принцев, под покровом ночи устремляющих пылающие взоры к высоким окнам.

Пока я мечтательно любовалась мысленно нарисованной картиной, карета подъехала прямым ходом к широкому крыльцу, сложенному из гладкого серого камня. Вдоль прямоугольных колонн, рядом с которыми лениво возлежали каменные звери, молчаливо застыла очередная за сегодняшнее утро стража, настроенно наблюдающая за нашим прибытием.

На шум из распахнутых дверей, в которые медленным потоком струилась утренняя прохлада, выглянула немолодая женщина, одетая в форму прислуги. Завидев незнакомую карету, она разом позабыла про свои дела, бросившись встречать гостей. Стражники слегка сдвинулись с места; в их позах не осталось и следа ленивой расслабленности – взгляды сосредоточились на темной фигуре кучера, спрыгнувшего на землю, который спустя мгновение уверенным движением уже протягивал мне руку, помогая сойти вниз.

К тому моменту, когда я, оказавшись, наконец, на твердой надежной поверхности, все еще оглядывала дворец, возвышающийся надо мной единым серым камнем, служанка осторожно подошла ближе. Низко поклонившись, она на удивление решительно произнесла, при этом не прекращая жадно меня разглядывать:

– Доброе утро, госпожа! Его Величество вас уже ожидает. – Она с придыханием произнесла титул своего правителя.

– Доброе утро, – неразборчиво пробормотала я, ощущая, как от слов женщины меня бросило в холод. Уже ожидает – означает ли это, что все во дворце знают, что я – незаконно-рожденная дочь короля? Или же только сам король знает о моем прибытии, а всем остальным об этом лишь приходится догадываться?

Пока я предавалась судорожным метаниям, служанка завершила, наконец, свой осмотр, и сделанные ею выводы не заставили себя долго ждать

– Неужели госпожа прибыла сюда совсем одна?

Пожилая женщина даже всплеснула руками.

– Да, – неловко ответила я, ощущая на себе пристальные взгляды стражников, все еще полные подозрения.

– И вы проделали весь длинный путь в одном экипаже? – В ее голосе моментально прорезались нотки подозрения. И я не могла за это осуждать: едва ли странная девушка, путешествующая лишь в сопровождении кучера, который сейчас застыл за моей спиной недвижимой тенью, производила впечатление знатной персоны, привыкшей к комфорту.

Очевидно, эти неуклюжие ответы и отсутствие надменных манер выдали во мне особу, не привыкшую повелевать. Поэтому служанка решила, в конце концов, выяснить, та ли я, за кого она меня приняла.

– Это ведь вы – леди Аселейн Голдин? – утвердительно произнесла она. – Дочь старого друга короля, решившая навестить дядюшку?

Из всех ее слов я уловила только свое имя, поэтому, поразмыслив, слегка кивнула, решив, что едва ли в это время в замке ожидается какая-то другая гостья с созвучным мне именем.

– Ну а багаж-то у вас хоть имеется? – все еще с подозрением, но, уже начиная заметно успокаиваться, произнесла служанка. Стража разом потеряла ко мне интерес, вновь превратившись в застывшие монументы самим себе.

Я молчаливо кивнула в сторону кучера, который, уловив мои мысленные послы к нему, как раз начал доставать из кареты тяжелые сундуки.

Женщина одобрительно кивнула, после чего вновь сосредоточила свое внимание на мне: «Какие странные слуги обитают в королевском дворце» – с раздражением успела подумать я, прежде чем не начался новый виток расспросов.

– Путешествие было не слишком утомительно? Вы, наверное, по пути останавливались в «Розе и Короне»? – полюбопытствовала она, жестом приказывая двум рослым парням, которые мгновенно появились во дворе по ее короткому окрику, унести сундуки внутрь.

Я тоскливым взглядом проводила свой багаж, прежде чем ответить:

– Нет, я предпочла не останавливаться на постоянных дворах, – с натяжкой улыбнулась ей, отрицательно покачав головой.

– Зовите меня Греной, госпожа, – она сопровождала эти слова новым поклоном. – Следуйте за мной: я покажу отведенные вам покои, – и деловито устремила внутрь массивного здания.

Я повиновалась, напоследок еще раз оглянувшись на карету. Мне отчего-то было немного боязно оставлять ее здесь, залитую лучами восходящего солнца, посреди пробуждающегося яркого утра, в то время как я сама готовилась открыто встретиться, наконец, лицом к лицу со своим темным прошлым.

Пока мы шли длинным широким коридором, цепкий взгляд женщины искоса прошелся по видневшейся из-под плаща юбке платья.

– Стало быть, вы переделались прямо в карете? – с небольшим удивлением в голосе произнесла она так, словно мы и не прерывали нашу беседу.

Я непонимающе взглянула на нее, прежде чем осознать, что она имеет в виду идеально ровную ткань платья, не приправленную ни единой складочкой. Скорее всего, то было одним из качеств, которым обладали именно те платья, которым я стала хозяйкой в замке дьявола: еще ни одно из них не смялось или потеряло свой цвет. До этого утра я еще никогда не задумывалась над этим удивительным их свойством, но после слов старой женщины начала подозревать в этом отнюдь не силу промысла божьего.

Меня вдруг начала утомлять эта нескончаемая беседа, в то время как больше всего на свете я желала оказаться сейчас в одиночестве, чтобы привести в порядок сбивчивые мысли и приготовиться к ожидающей меня встрече. Поэтому поспешно улыбнувшись, я протараторила:

– Я никогда не останавливаюсь в постоянных дворах, так как с трудом засыпаю на жестких кроватях, полных клопов, оставшихся после прошлых постояльцев. К тому же, я желала как можно скорее достигнуть конечной цели своего путешествия, поэтому такие неудобства как переодевание в карете не могли меня смутить.

– Да-да, большинство постоянных дворов просто ужасно, – она с радостью подхватила, по-видимому, излюбленную тему. – Но вот в «Розе и короне», где работает мой сын, все совсем не так! Там умеют встречать знатных господ и располагать их с наивысшим комфортом!

Она окончательно успокоилась и начала хлопотать вокруг меня, очевидно, успокоенная упоминанием хорошо знакомых и понятных ей вещей. А я все никак не могла избавиться от накотивших вдруг на меня странных мыслей, не свойственных мне обычно. Как все-таки быстро человек готов поверить даже в самое нелепое, лишненное всяческой логики объяснение, которое на проверку не выдержало бы и обыденных вопросов, лишь бы оно вписывалось в его привычный узкий мирок. Как только некая деталь, вдруг выбивающаяся из общей картины, получает свое истолкование, пусть нескладное и несуразное, он с готовностью закрывает глаза на все остальные несоответствия, мгновенно находя всему прочему какое-то иное объяснение. «Дай ему то, к чему он привык, с чем знаком и что понятно его разуму – остальное человек с радостью домыслит за тебя сам» – не раз говорил мне дьявол, указывая на обманчивость природы человека. И спорить с ним было сложно. Вот и сейчас старая служанка мгновенно поверила мне, стоило заикнуться о привычке к комфорту, что так свойственно знати и что она наблюдала своими глазами всю жизнь, больше не задаваясь вопросом, как я могла проделать весь якобы немалый путь в непригодной для долгих поездок легкой карете. Или же обратить внимание на мое платье, на котором к концу длительного путешествия не оказалось ни единой складочки, и при этом абсолютно спокойно поверить в то, что я переделалась в карете. Любой слуга, кто хотя бы раз сталкивался с корсетами, ужимками, узелками и утяжками, которыми изобилует любое дамское платье, прекрасно знает, что невозможно облачиться в подобный наряд в таком тесном пространстве, да еще и без посторонней помощи. Я вновь и вновь

находила подтверждение словам дьявола – люди слишком зависимы от вьевшихся в их сознание привычных образов, несоответствие которым воспринимается ими, пусть и неосознанно, как угроза для их такого уютного и устоявшегося мира.

Все эти мысли мешали мне на протяжении пути до комнаты, который, к моей большой радости, оказался недолог. Иначе не знаю, сколько бы еще я смогла выдерживать пустую болтовню старой служанки. Показав мне комнату и учтиво поклонившись, она сообщила, что завтрак будет уже скоро, но у меня еще есть время прийти в себя после дороги. Вежливо отклонив предложение прислать кого-нибудь из слуг, чтобы разобрать сундуки с одеждой, я с трудом выпроводила ее за двери. И вот спустя несколько минут я наконец-то находилась в столь желанном для меня полном одиночестве.

Комната оказалась именно такой, какой я себе ее и представляла: просторное помещение с балконом, выходящим прямо в сад. Однако при всем многообразии роскошной мебелировки, приправленным изобилием изящных безделушек оно казалось лишенным и намека на уют. Бездушность. Ею веяло от дорогих вычурных занавесок; она сочилась сквозь мягкие стены, обитые шелковой тканью со сложным рисунком, даже лежащий на полу ковер ручной работы не мог ничего исправить.

Отчего-то мои покои в замке Дьявола никогда не вызывали подобного ощущения.

Нахмурившись, я поймала себя на предательских чувствах, которые неизвестно каким образом успели проникнуть ко мне в душу. Неужели это было результатом невидимого взору, но все равно тлетворного влияния дьявола? Быть может, моя душа уже претерпела первые изменения в пагубную сторону, и теперь мне уготована участь большинства из земных жителей?

Короткий стук в дверь прервал мои размышления. С опаской приоткрыв ее, я обнаружила на пороге молоденькую девушку, одетую в такую же форму, как и словоохотливая служанка, встретившая меня.

– Мне велено проводить вас к королю, – низко поклонившись, пролепетала она звонким голоском.

К королю? Едва я успела прибыть во дворец, как мне назначена аудиенция? Определенно, он имеет желание сообщить мне что-то срочное, не терпящее отлагательств.

Конечно же, я не озвучила своих мыслей, вместо этого осторожно кивнув девушке и позволив ей увести меня за собой. И вновь бесчисленная череда коридоров, массивных лестниц, утомительных переходов. Я покорно следовала за девушкой, с ужасом понимая, что никогда не смогу самостоятельно отыскать дорогу в свои покои. К счастью, эта служанка не отличалась болтливостью, поэтому за всю дорогу мы не перекинулись и парой слов. Осознав, что она не ждет от меня вежливой беседы, я сосредоточила свое внимание на окружающей действительности.

Любопытным открытием для меня стало присутствие стражников буквально за каждым углом – дворец так и кишел охраной, что, наверное, было обычным делом для королевской семьи. Но для меня все здесь было в новинку, поэтому я с интересом вертела головой, стараясь не пропустить ни одной непривычной детали.

Поначалу я решила, что король примет меня в тронном зале, однако когда мы остановились у изящно расписанных дверей, явно принадлежащих кому-то из знати, возле которых замерла пара внимательно наблюдающих за мной стражников, я поняла, что ошиблась: король примет меня в своих личных покоях.

– Я доложу Его Величеству, – и с этими словами служанка скрылась за дверьми, оставив меня наедине со стражниками.

Ждать мне пришлось недолго: спустя пару мгновений девушка выскользнула и вновь низко поклонившись, произнесла:

– Он уже ожидает.

С внезапной робостью, что нахлынула на меня от одной мысли, кто ожидает меня за этими дверями, я нажала на деревянную створку. Легко скользнув, та приоткрылась, явив моему взору королевские покои.

Просторное светлое помещение было залито солнечными лучами. Сквозь широкие окна в комнату рекой лилось свежее утро. Это так не вязалось с уже нарисованной в воображении картинкой, что я чуть не забыла о главном.

В центре помещения стоял он. Его Величество король Эрих, правитель нашей немалой страны, брат моей тетушки и мой собственный отец, без зазрения совести продавший душу дочери много лет назад. За его плечами неслышной тенью застыли несколько слуг, на лицах которых царил одинаковое безразличное ко всему выражение.

И яркий шелковый халат, больше уместный на плече какой-нибудь молодой дамы, и щегольская стрижка, которая, увы, не могла скрыть предательскую проплешину на затылке, были бессильны перед лицом надвигающейся старости. Я поняла это мгновенно, как и то, что стоящий передо мной мужчина всеми способами отчаянно стремится продлить драгоценные секунды молодости.

Бросив быстрый взгляд своих пугающе бесцветных глаз в мою сторону, король вновь отвернулся, возвращаясь к прерванному моим приходом занятию.

Солнечные лучи без всяких прикрас высвечивали сероватую морщинистую кожу, набрякшие мешки под глазами мстили своему хозяину за бессонные ночи, проведенные за пиршественным столом или в объятиях доступной девицы, выдавая истинный возраст молодящегося монарха. И вновь я поймала себя на принадлежащих точно не мне самой мыслях – словно чей-то неслышный голос тайком нашептывал мне их на ухо.

Стоящая в комнате тишина начала меня угнетать; мужчина и не думал отрывать свой взор от лежащих перед ним каких-то ярких тканей, в которых после минутного разглядывания я распознала богато изукрашенные мужские платья. Загадка столь сосредоточенного королевского внимания оказалась проста: отец выбирал себе наряд для завтрака, очевидно, уже и позабыв о моем присутствии.

Наконец, он раздраженно повел рукой, и в то же мгновение молчаливые слуги убрали все наряды, кроме одного, оставшегося сиротливо лежать перед королем. Как они сумели понять, какое именно из платьев заслужило одобрение его высочества, осталось для меня загадкой.

Без тени смущения король повел плечами, и шелковый халат легко соскользнул вниз, тут же подхваченный ловкими руками прислуги. Я хотела было зажмуриться, опасаясь увидеть больше, чем полагалось, но, к счастью, под халатом на короле оказались просторные пижамные штаны.

Пока слуги торопливо обтирали грузное тело своего господина ароматной водой, я покорно стояла рядом с дверьми, ожидая своей очереди.

Наконец, вероятно, решив, что больше тянуть нечего, мужчина махнул мне рукой, призывая подойти ближе.

– Не буду отягчать душу излишней ложью, говоря, что рад видеть тебя так скоро, – начал он без всякого приветствия. – Она у меня и без того не единожды обременена грехом. – Отдающая горечью ухмылка обнажила пожелтевшие от времени зубы.

Я озадаченно промолчала, чувствуя, как в моей собственной душе уже привычно что-то рушится, погрывая под руинами очередную иллюзию. Но в этот раз боли не было: точно я наблюдала за собой со стороны, отстраненно и даже равнодушно отмечая, что ошибалась уже в который раз.

Пока слуги с осторожностью натягивали на короля расшитый расписными узорами камзол, он продолжал:

– Всем в замке ты будешь представлена как дочь старого друга, приехавшая из далекой страны. Настолько далекой, что название ее никому знать необязательно, – с нажимом добавил он, заметив, что я только хотела, было, об этом спросить.

Моя растерянность была настолько очевидной, что, неожиданно и для меня, и, по-видимому, для себя самого он смягчился. Небрежно отмахнувшись от одного из слуг, тянувшегося к остаткам бывшей шевелюры короля с гребнем в руке, он вдруг пристально посмотрел на меня и произнес совсем другим голосом:

– Мне жаль, что все получилось именно так. Возможно, когда-то давно я был бы рад представить тебя как свою дочь, но сейчас... – Он задумчиво качнул головой. – Сейчас уже поздно пытаться что-либо изменить. Поэтому будь осторожна: никто из придворных не должен знать истинной правды.

Посчитав, что на сегодня откровений достаточно, король добавил равнодушным голосом:

– Особенно опасайся королеву. И, пожалуй, моего пасынка. Они главные змеи в этом гадюшнике.

И вновь эта пугающая улыбка, от которой у меня по коже так и просится волна мурашек.

Которая обязательно прокатилась по телу ледяной рябью, если бы не пребывание в замке Дьявола и особенно та страшная ночь единения лун, – после нее никакие человеческие улыбки не могут заставить меня бояться так же сильно, как тогда.

– Хорошо, я поняла вас, – мой голос впервые раздался под сводами этой комнаты. Может потому он прозвучал непривычно хрипло и безразлично.

– И еще, – эти слова полетели в мою спину. – Тебе известно что-либо о моей сестре? Где она сейчас находится, к примеру?

Я просто покачала головой в ответ. А если бы и знала – никогда бы не сказала. Он явственно прочел это в моих глазах, потому как в последнее мгновение перед тем, как покинуть эту тягостную комнату, я успела увидеть, как тонкие губы кривятся в горькую линию. Но мне уже было все равно.

Единственное, что осталось на душе после встречи с отцом, так это странного рода интерес, приправленный острой щепоткой опасения: если таков король, то какими окажутся его поданные? Впрочем, ответ на этот вопрос будет получен уже совсем скоро...

Глава десятая. Ведьма

«Почему именно дочь друга?» – молчаливо размышляла, задумчиво стоя перед зеркальной гладью в своих покоях. Я пристально смотрела на отражение, при этом вспоминая короля. Едва ли непосвященному человеку при взгляде на меня моментально бросилось бы в глаза сходство, однако после нашей с отцом последней встречи я не могла не признать – пусть и весьма неохотно – что все-таки мы похожи. Разлет бровей, тонкие крылья носа, бледная, почти прозрачная кожа – определенно, эти черты я унаследовала именно от него.

Зато пышные волосы цвета дымчатого каштана и глаза, до недавнего времени казавшиеся мне не заслуживающими пристального внимания, теперь обрели новое значение: ведь они перешли от женщины, подарившей мне жизнь. Поэтому я все всматривалась в зеркального двойника, даже не зная толком, что именно так отчаянно пытаюсь в нем отыскать. Быть может, то было просто обманом зрения или же блаженным вымыслом рассудка, но временами мне начинало казаться, что я гляжу в хорошо знакомые и такие привычные, но все-таки не мои черты. Черты, принадлежащие незнакомке, которую я так давно мечтаю найти.

И вновь вежливый стук в дверь прервал мои грезы. Похоже, это уже становится традицией.

Слегка усмехнувшись абсурдности собственных мыслей, я приготовилась увидеть очередную служанку – и не ошиблась. На пороге действительно показалась рослая светловолосая девица неопределенного возраста, которая, оповестив меня о том, что все готово к завтраку и меня уже ожидают в большой столовой, моментально скрылась за ближайшим ответвлением коридора. Я даже не успела и рта раскрыть, как ее фигура затерялась на фоне каменных стен, удручающий вид которых хозяева замка попытались скрыть за пестрыми полотнами – правда, стоило признать, довольно-таки безуспешно.

В коридоре не было ни души. В этом крыле, где располагались отведенные мне покои, почти не наблюдалось стражи – по-видимому, она вся сосредоточилась вокруг королевских покоев, словно даже в своем собственном доме отец не мог чувствовать себя в полной безопасности. Наверное, то было обратной стороной столь заманчивого слова «власть»: неизменным спутником людей, получивших престол неправедным путем, всегда и везде будет страх. Страх того, что найдется кто-то другой: более злокозненный, коварный или же просто моложе и сильнее, кто не устыдится воспользоваться проторенной дорожкой и отнять власть – но на сей раз у тебя самого.

Огорченно вздохнув, я смирилась с очередным испытанием, очевидно посланным мне кем-то свыше, и аккуратно прикрыла за собой дверь.

«А может, то есть проделки Дьявола, который незримо наблюдает за мной и открыто потешается над свойственной мне неловкостью?» – и снова мысли об этом существе явились полной неожиданностью.

В очередной раз поймав себя на неподобающих месту воспоминаниях, я нахмурилась, ощущая странное безволие во всем, что касалось раздумий о темном властелине. Словно мой собственный рассудок переставал подчиняться, раз за разом нарочно напоминая о том, кого я мечтала забыть как страшный сон.

Помедлив секунду, я отбросила, наконец, все прочие мысли и, сосредоточившись, решила придерживаться того направления, в котором скрылась незадачливая служанка. Если в этом замке были люди – а в этом сомневаться не приходилось, рано или поздно коридор сам выведет меня на них.

Как я и подозревала, одиноким блужданиям конец пришел довольно скоро. Не прошло и пары минут, как мне навстречу буквально выпорхнуло прекраснейшее создание, облаченное в пышный кружевной наряд, расшитый золотой нитью. Все в девушке выдавало принадлеж-

ность к знатному роду: от кончика слегка вздернутого носика – надо признать, совершенно очаровательно вздернутого – до кончиков туфель, кокетливо выглядывающих из-под полы платья.

Поэтому я, вспомнив все, что когда-либо читала или видела перед глазами, учтиво присела в низком поклоне, слегка наклонив голову в знак уважения.

Обитательница замка восприняла этот поступок как должный, чем окончательно убедила меня в правильности собственных догадок.

– Как хорошо, что я хоть кого-то встретила в этом нагромождении пустынных коридоров! – с пугающим воодушевлением воскликнула она, подходя ближе. – Я уже и не чаяла отыскать себе компанию по пути в столовую. Вы ведь тоже туда направляетесь, не так ли?

Я утвердительно кивнула, толком не зная, как полагается себя вести согласно придуманной роли. Должна ли была я представиться? И кто из нас полагалось сделать это первой? Кроме того, ситуация осложнялась еще и тем, что отведенный мне титул до сих пор оставался загадкой.

Тем временем девушка непринужденно пошла рядом, не переставая оживленно щебетать:

– Что это за манеры: селить важных гостей в крыле, где обычно останавливаются всякие простолюдины?

Она пренебрежительно надула пухлые губки, тем самым выказывая неодобрение подобного рода несправедливости. А затем без всякого перехода продолжила:

– А вы, как я понимаю, и есть та самая Аселейн, которая должна была прибыть сегодня поутру? – не утруждая себя правилами приличия, предписывающими придерживаться в беседе с малознакомыми людьми отстраненного светского тона, утвердительно произнесла девушка.

– Да, это так. Я приехала всего лишь пару часов назад, – с легким удивлением ответила я. Моя собеседница, несмотря на свое, очевидно, высокое положение, производила впечатление простодушного ребенка. Но предостережение короля все еще звучало в ушах.

После секундного раздумья я все же набралась смелости и решилась задать интересующий меня вопрос, надеясь, что собеседница найдет его вполне естественным проявлением любопытства:

– Скажите, а как вы с первого взгляда определили, кто именно находится перед вами?

Она с оживлением подхватила эту тему:

– В этом не было ничего сложного. Нечасто в замке ожидается приезд гостя, обладающей настолько скверным характером, что слава о нем бежит далеко впереди своей госпожи.

Не успела я полностью осмыслить услышанное, как она продолжила: – А это правда, что вы распугали всех женихов в своей стране, потому и приехали сюда в надежде найти себе супруга? – она невинно взмахнула пушистыми ресницами.

Я посмотрела на нее расширившимися от удивления глазами, меньше всего на свете готовая услышать подобное объяснение собственному приезду в столицу.

Завидев мое неподдельное изумление, собеседница внезапно звонко расхохоталась, впрочем, не прерывая энергичного шага, который так не вязался с хрупкостью ее облика:

– О, не обращайтесь внимания на мое чувство юмора. Супруг любит поговаривать, что я напрочь его лишена, но я не теряю надежды однажды доказать ему обратное! Вот и тренируюсь на окружающих.

– Кстати, я не представилась, – спохватилась вдруг она. – Маркиза Амская. Но вы меня можете звать просто Корлеттой – никак не могу привыкнуть к новому титулу.

Глядя на меня лукавыми светлыми глазами, в которых плескалось ничем не прикрытое любопытство, она изобразила небрежный поклон.

– Аселейн Голдин, – я с трудом вспомнила, как называла меня служанка.

– Да-да, как я уже говорила, мы все уже наслышаны о вас, – эти слова сопровождались легким смешком.

С каждым новым мгновением она казалась мне все чуднее.

– Отчего же моя скромная персона стала объектом столь повышенного внимания? – несмотря на ее, местами, беззастенчивое поведение, я все же решила придерживаться вежливого светского тона, который успешно маскировал мою растерянность.

– На самом деле, летняя пора в самом разгаре, а развлечений здесь почти никаких. Поэтому любое событие или новость мгновенно привлекают всеобщий интерес. К тому же новое лицо в давно приевшемся и навевающим тоску обществе может оказаться весьма полезно.

Мне ровным счетом ничего не сказали ее слова, но я сочла долгом слегка сочувствующе спросить:

– Почему же в таком случае вы проводите это время в столице? Обычно весь свет общества на лето выезжает в специально выстроенную для этого резиденцию или же разъезжается по собственным владениям. По-крайней мере, у нас в стране это происходит таким образом, – торопливо добавила я, вспомнив о необходимости поддерживать придуманную историю.

– Хотела бы я сама это знать, – неожиданно с досадой вздохнула девушка. – В последнее время король сам не свой: отменил все запланированные балы и выезды, наводнил дворец бесчисленным количеством стражников – хотя и без того ими кишмя кишела вся столица. Поэтому-то придворные и вся знать вынуждены проводить лето взаперти, сходя с ума от скуки.

– А что мешает вам с супругом уехать на отдых, оставив остальных дальше чахнуть от тоски во дворце? – не удержалась я.

Она глянула на меня с удивлением. Впервые тонкая морщинка раздумий прорезала идеально гладкий лобик.

– Право слово, вы рассуждаете весьма странно. Оставить короля в окружении соперников за монаршее внимание и милости? Нет, лучше уж я некоторое время поскучаю здесь, нежели так глупо лишиться королевского расположения.

Внезапно она замолчала и внимательно вгляделась в показавшийся впереди женский силуэт. Станным образом, он показался мне смутно знакомым. Тем временем маркиза безо всякого рода объяснений совершенно неожиданно для меня перешла на далекий от грациозности бег, молчаливым жестом призывая меня последовать ее примеру.

И только когда мы оказались на широкой площадке, за которой лестница брала круто вниз, девушка смогла, отдышавшись, утолить мое невысказанное вслух любопытство:

– Я уже боялась, что не миновать нам встречи. К счастью, успели как раз вовремя.

– Вовремя для чего?

– Чтобы избежать встречи с одной пренеприятнейшей особой. Она – ходячее недоразумение. Горе тому, кто столкнется со старой маразматичкой, которая ко всему прочему, готова всем и каждому рассказывать про своего драгоценного сыночка. И как только во дворце терпят подобных слуг?

– Старуха Грена? Вы ведь ее имеете в виду? – в уме всплыла встреченная мной утром не в меру говорливая служанка, которая идеально подходила под перечисленные особенности.

Широко распахнутые глаза в немом удивлении воззрились на меня.

– Она встречала меня у самой кареты, – пояснила я.

– Ох, бедняжка! – маркиза все поняла без лишних слов. – Не повезло вам в первый же день наткнуться на Грену! Ее избегают буквально все! И недаром: она умудряется доводить до белого каления своими расспросами буквально всех придворных, не говоря уже о высшей знати! И никто не имеет на нее управы – даже сам герцог, который по праву носит звание главного брюзги и грубияна всей столицы.

– Почему же ее не прогонят из дворца в таком случае?

– Ах, – она картинно взмахнула белой ручкой. Этот жест вышел настолько изящным, что я, залюбовавшись, даже не сразу прислушалась к ее словам. – Поговаривают, что она при-

служивала еще родителям нынешнего короля, поэтому он сквозь пальцы смотрит на все ее выходки. Она, как бы это лучше сказать, – девушка заметно напряглась, с усилием, наконец, выдавив из себя нечто, прозвучавшее довольно картаво: – *Sous la protection*.

По-видимому, оставшись удовлетворенной тем, как прозвучали ее слова, девушка томно улыбнулась и добавила, наслаждаясь моим недоумением: – Ах, вы не понимаете французский? Бедняжка! В нашем обществе знание языков считается признаком высшей степени образованности.

Я промолчала, немного покоробленная нарочито жалостливыми нотками, прозвучавшими в ее хрустальном голоске. Я не знала никаких других языков, кроме своего родного, потому как нанимать учителей могли только по-настоящему богатые и знатные семьи, к принадлежности которым отнести себя я, конечно, не могла.

«Любопытно», – вдруг промелькнула украдкой шальная мысль: «Что бы сказала эта расфуфыренная особа, узнав, кем на самом деле приходится мне король?». К счастью, совсем скоро мне стало не до нелепых размышлений: мы, наконец, приблизились к столовой, о чем явственно свидетельствовало увеличение числа хмурых стражников, расставленных, казалось, через каждые пару шагов.

Уже можно было без особого труда расслышать оживленные голоса и смех, приправленные аппетитными ароматами, которые, однако, не могли пробудить во мне аппетита: слишком сильно было волнение. Каждый новый шаг, приближавший меня к цели, колоколом отдавался где-то внутри.

С трудом сдерживая дрожь, я вошла вслед за маркизой в просторную столовую, которая по праву могла бы сойти и за тронный зал.

В центре громадного помещения возвышался массивный стол, плотно заставленный всевозможными яствами, источавшими дивные ароматы, от которых мой желудок судорожно сжался. Оконные проемы, скрытые за плотными бархатистыми занавесками, не пропускали утренних лучей; вместо них мягким вечерним светом переливались многочисленные светильники. Если бы я своими глазами не видела поднявшееся из-за горизонта солнце, то сейчас вполне могла бы поверить в то, что на землю уже опустилась колдунья-ночь. Вдоль обитых мягкой тканью стен располагались кокетливые кушетки, манящие опуститься на гладкую ткань и полностью расслабиться, ощутить кожей приятную прохладу шелка. Старинные гобелены с изображенными на них людьми смотрели на меня свысока, словно прекрасно зная, что мне не место здесь. Охапки живых полевых цветов, расставленные повсюду, благоухали летом, травой, солнцем, радостью – такими приятными и знакомыми запахами, столь неожиданными в этом помпезном месте, что на мгновение на меня повеяло свободой и счастьем.

Уже спустя секунду это восхитительное ощущение схлынуло, обнажив плотно въевшиеся в душу страхи и сомнения, что стали моими неизменными спутниками на протяжении последних недель. А все потому, что я осознала, на ком целиком и полностью сосредоточились взгляды присутствующих.

В этот момент я искренне восхитилась безупречной выдержкой сопровождавшей меня маркизы: определенно, на самом деле она была куда умнее, чем старалась казаться на первый взгляд. Или же такое пристальное внимание было ей привычно. Напрочь игнорируя повисшее в комнате выжидательное молчание, она присела в почтительном поклоне перед дородной дамой с нелепыми кудрями, очаровательно покраснела от скупой похвалы какого-то высохшего старца, опирающегося на толстую трость с бронзовым набалдашником. Кому-то мило улыбнулась, небольшой стайке юных девушек что-то весело прошептала – я неслышной тенью следовала за ней, остро ощущая устремленные на меня взгляды.

Однако прерванные нашим неожиданным появлением беседы вскоре продолжились, хотя сквозь негромкие голоса порой и пробивались приглушенные перешептывания, по которым я понимала, что главной темой для разговора по-прежнему является моя скромная пер-

сона. Кто-то все еще смотрел на меня с интересом, кто-то – уже откровенно скучая, а были и такие, в глазах которых прежде, чем перевести взгляд в сторону, я успевала уловить пугающие оттенки неожиданно недобрых чувств.

Не успели мы с маркизой, которая за это время уже успела поприветствовать почти всех присутствующих, наконец, достичь заветной кушетки, чтобы присоединиться к ожидающей нас небольшой группе нарядно одетых девушек, как в комнату вошел напыщенный слуга, громогласно объявивший на всю столовую:

– Его Величество король Эрих и Ее Величество королева Марлен.

Вслед за объявленными титулами в комнату неторопливо вплыла и сама королевская чета.

Так как отца я уже успела лицезреть буквально пару часов назад, внимание мое целиком и полностью сосредоточилось на его венценосной половине.

Королева оказалась высокой худошавой женщиной с неожиданно приветливым лицом. После предостережения короля я готовила себя к тому, что его супруга окажется надменной высокомерной особой, по внешнему виду которой можно будет с легкостью сделать нехитрые выводы о неприглядной сути характера. Однако в этой располагающей миловидной женщине, лицо которой еще хранило следы былой красоты, не было ничего отталкивающего. Тяжелые светлые волосы были убраны в замысловатую прическу, в дорогом ожерелье, что изящно обвивало стройную шею, сверкали холодным синим блеском благородные сапфиры, безукоризненно сочетаясь с темным бархатом королевского платья.

Она светло улыбалась всем присутствующим, скользя взглядом по знакомым лицам. На мгновение задержавшись на мне, взор королевы плавно переместился на замершую рядом маркизу.

Вслед за королевской четой в комнату неслышно вошли юноша и девушка, внешне очень похожие на мать. Даже не зная, что это неродные дети короля, с одного взгляда можно было с легкостью понять, кто из впереди идущей пары является их истинным родителем.

Девушка двигалась легко и изящно. Летящие складки платья развевались в такт ее шагам; распущенные светлые волосы мягко спадали до самой спины, окружив свою хозяйку золотистым облаком. Она была очень красива – и, этим, несомненно, походила на свою матушку. Даже несмотря на разницу в возрасте принцесса выглядела точной копией королевы – правда, на пару десятков лет моложе. Она шла, улыбаясь, а в голубых глазах сверкающими искорками сиял смех.

Я вдруг почувствовала легкий укол незнакомого прежде чувства. Может быть, сложись все иначе, на ее месте могла быть я сама? И тогда не она, а я бы шла по столовой, улыбаясь всем и каждому, рядом со своими родителями, надежно огражденная от всего остального мира незыблемым ореолом королевской власти, впитанным еще с молоком матери...

В чувство меня привел легкий шорох платьев. Все присутствующие в комнате склонились перед королевской семьей; более знатные особы позволили себе лишь коротко поклониться королю и королеве. Те придворные, чье происхождение не могло похвастаться наличием в роду знатных предков, склонились низко-низко – так, что завитые кудри одной из пышных дам, стайкой разноцветных птиц собравшихся в углу, даже коснулись устланного дорогими коврами пола.

Я поспешила последовать примеру маркизы, которая, изящно подобрав многочисленные кружевные юбки, поклонилась, при этом скромно опустив светловолосую голову. Но прежде чем перевести свой взгляд на расписной ковер под ногами, я успела заметить слегка любопытствующий взгляд неожиданно синих глаз принца.

– Дорогая моя! – воцарившуюся тишину прервало радостное восклицание, в котором без труда узнавался голос отца. Приготовившись к началу представления, я неохотно подняла голову.

– Аселейн, как ты повзрослела, похорошела! – прикосновение отцовских рук к моему плечу явилось неожиданностью. Я не думала, что король решится зайти так далеко.

Как странно было находиться в ласковых объятьях своего родного отца и при этом понимать, что теплый прием – всего лишь игра на публику. Но, даже отчетливо осознавая, что на самом деле в этом спектакле нет ни капли искренности, я не могла заставить себя ничего не чувствовать. Все равно что-то в глубине робко отзывалось на прикосновения отцовских рук, желая продлить эти краткие мгновения, в то время как рассудок безуспешно пытался вразумить доверчивое сердце.

Наконец, король оторвался от меня и, подведя к королеве, с восторгом в голосе произнес:

– Моя дражайшая супруга! Я счастлив и горд представить вам дочь моего старинного друга, мою крестницу, графиню Аселейн Голдин.

Определенно, он был великолепным актером – ему не было бы цены на театральных представлениях, что частенько устраивали бродячие актерские труппы, путешествующие из города в город. Ни капли сомнений в голосе, сияющее и гордое лицо – даже я сама в этот момент была готова поверить в то, что он не лгал.

Едва ощутимый толчок в бок, скрытый от окружающих, заставил меня очнуться и с ужасом вспомнить, где я нахожусь, и почему все присутствующие глядят на меня так выжидающе. Низко кланяясь королеве, я ругала себя распоследними словами. К счастью, она не стала прилюдно гневаться, вместо этого с улыбкой произнесла:

– Встань, дитя мое. Крестница моего супруга – моя крестница.

Я слабо улыбнулась ей, чувствуя облегчение. С этим испытанием, пусть и не безукоризненно, но все же я справилась.

– Аселейн, – вновь заговорил король. – Ты желанная гостья в этом замке, и я надеюсь, что пребывание здесь запомнится тебе надолго.

– В свою очередь, – теперь он уже обращался не только ко мне, но и к окружающим нас придворным. – Я надеюсь, что вы отнесетесь к моей крестнице с той же теплотой и почтением, с коей относитесь ко мне самому.

Я вновь поклонилась – на сей раз уже отцу, мысленно раздумывая над его словами. Мне показалось, или же действительно в них прозвучал намек? Но вот только на что именно?

– А теперь, – эти слова уже были обращены ко всем присутствующим. – Время завтракать!

Все с оживлением устремились к столу. Очевидно, небольшое представление, устроенное королем, лишь разогрело и без того здоровый аппетит.

Так странно было находиться здесь.

Словно в каком-то причудливом сне я вдруг оказалась там, где никогда и не мыслила быть, с теми, кого никогда не видела и не знала. Читая в книгах о дворцах, королях и герцогах я представляла их совсем иными – такими, какими обычно на картинах изображали божественных существ: неземными, ослепляющими красотой и одухотворенностью. Однако большинство мужчин, что сейчас рассаживались вокруг длинного стола, совсем не походили на богов. Они были похожи на тех, кого я так много раз встречала на улице: толстые или совсем худые, высокие или клонящиеся к земле под тяжестью выпирающего живота, морщинистые, с белесыми прядками в редких волосах. Обычные земные люди, которых лишь дорогая одежда и украшения выделяли из толпы.

На фоне тягостного впечатления, производимого большей частью представителей сильного пола, красота присутствующих здесь дам особенно впечатляла и восхищала. Но спустя некоторое время, когда первичное очарование яркими красками и броскими нарядами тускнело, взгляд начинал замечать во всей этой красоте что-то неестественное. Словно ярко раскрашенные маски на многих лицах сияли одинаковые сияющие улыбки, губы источали ком-

плименты, ровный цвет лица поражал своей благородной бледностью. Но яд, сочившийся из глубины глаз, скрыть эти маски были не в силах.

Я хотела было устроиться у самого края стола, подальше от суеты и знатных особ, но мне не позволили этого сделать: незаметные слуги, торопливо снующие посреди толпы придворных и ухитряющиеся никому при этом не попасться под ноги, учтывим движением рук подвели меня к месту неподалеку от королевской семьи.

Послушно сев, я принялась незаметно оглядываться, пользуясь тем, что до меня пока никому не было дела.

Моим соседом по правую руку оказался великовозрастный старик, пышное пузо которого мешало придвинуться вплотную к столу. Может именно поэтому на его лице застыло выражение крайней степени недовольства и раздражения. По левую руку от меня сидела миловидная девушка с рыжими волосами, мило улыбнувшись, когда я несмело встретилась с ней глазами. Лишь один стул остался пустым, но все вокруг не обращали на него никакого внимания, отчего я рассудила, что так оно и должно быть.

Тем временем, все присутствующие, наконец, успокоились, и внезапно воцарилась абсолютная тишина, точно в ожидании какого-то определенного события. Заинтересовавшись, что еще должно произойти, прежде чем придворные приступят к трапезе, я продолжила наблюдать.

Точно дождавшись своего часа, в помещении раздались легкие шаги невысокого паренька, одетого в традиционное для королевских слуг платье. Остальные слуги в ряд выстроились вдоль стены, с одинаково непроницаемыми лицами глядя куда-то себе под ноги. Между тем, осторожно приблизившись к роскошно накрытому столу, мальчик скованным движением отчерпнул от глубокого блюда, стоящего перед королем, перелив содержимое в узкую чашу. После чего дождавшись милостивого кивка головы от своего господина, слуга привычным движением поднес сосуд к лицу и выпил его до дна. Судя по невозмутимым лицам обитателей дворца, происходившие события были делом обыденным – но я с трудом скрывала изумление, постепенно догадываясь, что происходит.

Негромкие разговоры, частые взгляды, полные нескрываемого любопытства, шорох ткани, скрип стульев под особо пышными персонами – все придворные вели себя так, словно ничего особенного не происходило, лишь изредка посматривая на паренька, послушно замершего в паре шагов у стола.

Мое все возрастающее опасение получило подтверждение, когда один из слуг подошел к ребенку и начал осторожно осматривать. Судя по умелым движениям и небольшим различиям в одежде, то был придворный лекарь, для которого подобная процедура уже вошла в привычку. Убедившись, что мальчик чувствует себя хорошо, мужчина посмотрел на короля и медленно кивнул, свидетельствуя, что все в порядке.

Я постаралась придать лицу невозмутимое выражение, какое царило на лицах остальных, и выбросить из головы только что увиденное, но перед внутренним взором все равно продолжал стоять худенький мальчик, пробуя еду короля. Я когда-то читала о подобном – но в той истории проверять еду на наличие в ней яда доверяли собакам. Даже это казалось тогда мне жестоким по отношению к животным – но король пошел еще дальше, используя для этих целей ребенка.

В этот момент отец – как странно было даже мысленно называть его так – поднял в руки тяжелый кубок и с шумом отпил из него, прикрыв глаза в удовлетворенной гримасе. В тот же миг остальные придворные с аппетитом начали трапезу. Они жевали, чавкали, глотали содержимое все новых чаш и блюд, а я все не могла стряхнуть с тела странное оцепенение. Представшая перед моими глазами картина напрочь перебила зарождавшийся, было, аппетит.

Неужели это и был цвет общества, представители высшей знати, самые просвещенные люди нашего государства? Сейчас они походили на оголодавших бродяг, в полной мере лишен-

ных всякого подобия манер, которые вдруг случайно попали на бесплатное угощение. Я же без всякого энтузиазма взирала на лежащие предо мною блюда, против воли отмечая, что ни одно из них даже не идет в сравнение с тем, что мне довелось попробовать в замке темного господина. Мимолетно почувствовав устремленный на меня чужой взгляд, я подняла голову – и встретилась с задумчивыми синими глазами, вдруг навеявшими мысли о загадочных морских глубинах или о камнях, что сверкали в ожерелье королевы. Сын королевы, как и я, не ел, лишь изредка пригубливая стоящий перед ним кубок. В отличие от своей сестры и матери принц был темноволос. Вьющиеся пряди обрамляли высокий аристократичный лоб; узкий нос и горделивый подбородок выдавали в нем особу благородного происхождения. Он, бесспорно, был красив – но за этой маской я пыталась разглядеть истинную сущность – ту, которая заставила отца предостеречь меня от собственного пасынка.

Сам король в этот момент шуточно разговаривал с золотоволосой принцессой, которая сидела по правую руку от него. Сидящая по левую руку королева наблюдала за ними с улыбкой, но затуманенный взор отчетливо свидетельствовал о том, что мыслями она далеко отсюда.

Внезапно в громкий шум, издаваемый придворными, наслаждающимися все новыми и новыми яствами, которые без конца подносили бесшумные слуги, вклинился какой-то инородный звук. Отрывистые глухие удары, точно какой-то шаловливый ребенок ударяет палкой о камень. Я недоуменно прислушалась, отмечая, что он определенно был знаком всем присутствующим: придворные заметно ступсывались, незаметно переглядываясь друг с другом, некоторые прекратили есть, и даже сам король на мгновение отвлекся от беседы с дочерью, недовольно хмуря брови.

Спустя пару мгновений стала ясна и причина этих звуков. В столовую, напрочь игнорируя замершую по обеим сторонам входа стражу, вошла странно одетая немолодая женщина, при одном взгляде на которую я почувствовала, как с таким трудом обретенное самообладание покидает меня.

Ибо в зал, опираясь на толстую палку и не замечая устремленных на нее взглядов, полных страха и едва сдерживаемого отвращения, входила самая настоящая ведьма!

Неряшливый, местами изорванный наряд больше напоминал бесформенный балахон, копна черных с проседью волос была небрежно заколота светлым гребнем, на ушах покачивалось нечто странное, чему я так не смогла подобрать определения; хищный нос и острый немигающий взгляд темных глаз дополняли общую неприглядную картину.

Она казалась настолько неуместной здесь, в этой сияющей достатком и роскошью комнате, наполненной самыми знатными и богатыми представителями именитых семей всей страны, что у меня на мгновение мелькнула безумная мысль, не видение ли предо мной. Но отчетливый шепот недовольства сидящих рядом со мной придворных свидетельствовал, что они тоже прекрасно видят ее и, определенно, пребывают далеко не в восторге от предстоящего соседства.

Старуха медленно обвела застывших в напряженных позах людей, выбирая, куда сесть; даже сам король прекратил есть, с интересом наблюдая за тем, как она, шаркая ногами, устремляется к свободному месту рядом с мгновенно побледневшим напыщенным юнцом, который до этого громким шепотом пересказывал сидящей с правой стороны от него молоденькой девушке свежие сплетни.

Не дожидаясь подскочивших слуг, женщина с громким скрипом отодвинула себе стул и села. Неторопливо обводя прищуренным взором замерших придворных, отчего они разом вперялись глазами в лежащие перед собой блюда с таким живым интересом, точно видели их впервые, старуха вдруг резко взглянула прямо на меня. Растерявшись, я не успела отвести любопытствующий взгляд.

Это было странное ощущение. Ведьма несколько долгих мгновений всматривалась в меня, так пристально, точно разглядывая нечто, видимое только ей одной. Темные глаза ее

удовлетворенно вспыхнули, когда она, закончив свой нескромный осмотр, обратила, наконец, взгляд на стоящую перед ней тарелку и принялась есть.

Король пребывал в благодушном настроении и не обращал внимания на громко чавкающую и с шумом отхлебывающую вино из бокала старуху, отчего все придворные заметно расслабились, и даже вернулись к прерванной трапезе.

Когда с завтраком было покончено – а случилось это довольно нескоро, королевская чета первой покинула столовую, а все оставшиеся с сытым удовольствием принялись предаваться общению.

Первым моим порывом было уйти сразу же после короля и королевы, но внутренний голос настойчиво повелел остаться, дабы не вызывать ненужных подозрений. Поэтому я, преодолевая неуверенность, присоединилась к единственной известной мне особе – маркизе Амской. Та первой подошла ко мне, едва я поднялась из-за стола, моментально представив меня небольшому кругу обступивших ее девушек, и пригласила присоединиться к их беседе.

Одной из моих новых знакомых оказалась и недавняя соседка по столу – ее звали Ристин, и насколько я смогла понять, она происходила из когда-то знатного, но порядком обнищавшего рода. Впрочем, то не было редкостью: многие девушки так же не могли похвастаться зажиточными семьями. Но зато в кругу их было весело: живой разговор то и дело перемежался взрывами заливистого хохота, что всякий раз вызывало скупое неодобрение у сидящих по соседству пожилых дам.

Я не решалась вступать в беседу, вместо этого слушая пересказываемые сплетни и новости, привыкая к непривычной для себя роли. Внезапно, маркиза, до этого живо участвующая в обсуждении, отозвала меня в сторону и решительно произнесла:

– Аселейн, пойдем, я представлю тебя герцогу.

Она украдкой показала на грузного старика в дорогом камзоле, который стоял в окружении таких же немолодых мужчин, с недовольным видом обсуждая что-то.

– Корлетта, может, не стоит? – попыталась воспротивиться я, но она решительно пресекла мое сопротивление.

– Нет и еще раз нет. Согласно правилам, тебя должен кто-то представить герцогу – в конце концов, не может же он сам подойти к тебе. Так что радуйся, что я могу сделать это.

Не слушая моих невнятных возражений, она устремилась через всю столовую к своей цели, по пути представив меня еще нескольким знатым особам. К сожалению, я смогла запомнить только почтенную маркизу леди Коррив, младшего сына герцога с молоденькой супругой и ссохшуюся от старости даму, которую окружало несколько молчаливых служанок. Я неуклюже поклонилась, ощущая себя неловко среди столь знатных персон.

Зато маркиза Амская чувствовала себя превосходно – определенно, то была ее стихия! Она влекла меня за собой, расточая улыбки во все стороны, ухитряясь перекидываться быстрыми фразами со знакомыми, ничуть не смущаясь от того, что взгляды большинства присутствующих незаметно наблюдали за нами.

Представив меня, наконец, герцогу – к счастью, мои опасения были напрасны, и знакомство прошло удачно, она вознамерилась еще более высокой целью и, пообещав представить меня самим принцу и принцессе, умчалась куда-то дальше, строжайше наказав никуда не уходить.

Мне совсем не хотелось встречаться с королевскими отпрысками и, уж тем более, заводить с ними близкое знакомство, но противостоять напору молодой маркизы было невозможно. С тяжким вздохом пообещав дождаться ее возвращения, я принялась рассматривать висевший прямо передо мной древний гобелен, изображающий людей в разгар пиршества.

Между тем старая ведьма, которая только-только поднялась из-за стола, ничуть не смущенная повышенным вниманием со стороны всех присутствующих, медленно поковыляла через всю комнату к выходу, опираясь на палку. К несчастью, путь ее лежал рядом со мной,

что заставило меня невольно напрячься. Но она только лишь на мгновение остановилась возле меня, и то чтобы сделать короткий поклон в мою сторону. Я никак не могла ожидать подобного жеста с ее стороны, что окончательно растерялась, провожая старуху ничего не понимающим взором.

Моментально после ее ухода помещение наполнилось взволнованными голосами. За моей спиной стайка молоденьких фрейлин с жаром принялась за обсуждения:

– Она нечасто спускается к завтраку. Интересно, что заставило ее подняться в такую рань?

– У меня от ее взгляда мурашки по телу! Видели, как она на меня смотрела? Не удивлюсь, если назавтра я вся покроюсь сыпью.

– Графиня Дакрон божилась, что после того, как имела неосторожность слишком громко выказать свое неудовольствие видеть перед глазами эту безобразную старуху, на следующий же день начала слепнуть!

– Неужели? А может она просто хотела списать признаки надвигающейся старости на дело рук дьявольской прислужницы? Кстати, графини уже не видно во дворце несколько дней – где она?

– Говорят, от греха подальше поспешила скрыться в мужнином владении.

– Ну и глупо, – в разговор вмешался еще один голос. – Если верить слухам, то оно находится аккурат неподалеку Брога.

Повисло многозначительно молчание, вслед за которым девушки перешли к обсуждению следующей животрепещущей темы.

Я успела лишь мельком отметить про себя, что это название показалось мне знакомым, прежде чем мои размышления прервал приятный мужской голос:

– Позвольте вам представиться, графиня? К сожалению, перед завтраком у меня не было возможности завладеть вашим вниманием, но я горю желанием восполнить сие упущение, – мягко произнес молодой человек недурной наружности, щегольской вид которого портили лишь глаза. В то время как он учтиво склонялся предо мной в легком поклоне, демонстрируя всем своим видом радушие и искренность, они совсем не соответствовали его приторной улыбке и вежливым словам. Недоверие и настороженность, приправленная щепоткой презрения, застывшие в холоде неопределенного цвета глаз, которые могли соперничать в бледности даже со льдом, не могли обмануть. Мужчина явно не горел желанием знакомиться со мной, но отчего-то не мог этого не сделать.

Ответ пришел спустя мгновение – когда рядом с нами возникла высокая худощавая дама, затянутая во что-то пышное и обильно украшенное. Черные как смоль волосы были уложены в высокую прическу, на щедро напудренной щеке кокетливо примостилась родинка, но в глазах ее царило выражение вечной зимы:

– Ах, маркиз Вааррен! Вижу, что вы уже успели меня опередить, – она шутливо погрозила пальцем моему собеседнику, но вопреки легкомысленности голоса во взгляде не появилось и намек на шутку. – Прошу простить мою невежливость, – теперь она уже обращалась непосредственно ко мне, сверкая темными глазами, – Я весь завтрак не сводила с вас взгляда, желая познакомиться, однако этот расторопный юноша сумел сделать это раньше меня! – взгляд ее, вновь обращенный на молодого человека, угрожающе сверкнул, но широкая улыбка не потускнела ни на миг.

– Дорогая графиня, право слово, вы вновь все преувеличиваете, – лениво растягивая слова, произнес «расторопный юноша», чей взгляд ответно сверкнул предостережением.

Я взирала на двух настороженных врагов – а в том, что эти люди определенно не были добрыми друзьями, не было никаких сомнений – с недоумением и предательским желанием покинуть их, не дожидаясь развязки молчаливой схватки взглядов.

В этот момент спасение пришло в виде сияющей маркизы Амской, которая, решительно схватила меня под локоть и ослепительно улыбнулась наблюдавшим за нашим стремительным уходом с одинаковым разочарованием мужчине и женщине:

– Прощу меня извинить, но я вынуждена похитить вашу собеседницу.

Судя по всему, они совсем не были готовы простить ее за этот поступок. С недовольным видом они развернулись и направились в разные стороны, не взглянув более друг на друга.

Меня же в этот момент больше занимало предстоящее знакомство. Как успела шепнуть мне энергичная Корлетта, королевские отпрыски в данную минуту были заняты беседой с дворцовым астрономом.

Вскоре я и сама их увидела. Принцесса нежно улыбалась пожилому старику в больших очках, плотно сидящих на крючковатом носу, а принц терпеливо стоял чуть поодаль, не принимая участия в разговоре. В отличие от большинства присутствующих, одет молодой человек был весьма неброско. Никакой вычурной вышивки, золотых пуговиц или прочих атрибутов, которыми так любят украшать одежду многие придворные. Но скромность наряда была принцу лишь к лицу: за время завтрака я успела заметить немало девичьих взглядам, кокетливо обращенных в его сторону.

К нему-то первому и направилась маркиза, стремительно переходя на неспешный шаг.

– Ваша светлость, – низко склонившись, пропела она. – Позвольте представить вам графиню Голдин, крестницу короля Эриха.

– Ваша светлость, – послушно вслед за ней поклонилась я, ощущая себя безвольной куклой.

Он без тени улыбки наблюдал за мной. В ярких насыщенно синих глазах, обрамленных густыми темными ресницами, которым позавидовала бы любая кокетка, царила непривычная среди уже встреченных мной особ знатного круга задумчивость.

– Миледи, – коротко склонив голову в знак уважения, наконец, произнес он. – Счастлив познакомиться, наконец, с той, о которой так много наслышан.

От его слов мне стало не по себе – что именно он подразумевал под этой фразой? Но стоящая рядом маркиза восприняла его речь как добрый знак.

В этот момент рядом с нами раздался звонкий голос – это принцесса закончила беседовать с астрономом и присоединилась к нам:

– Маркиза, рада видеть вас, – она изящно присела, откидывая светлые волосы за спину. – А вы, как я понимаю...

– Аселейн Голдин, – я закончила за нее, учтиво поклонившись.

Она одарила меня широкой улыбкой; в глазах цвета летнего неба на секунду мелькнула легкая тень, затем вновь растворившаяся в безупречной голубизне.

– Вы ведь крестница нашего дорогого отчима – стало быть, мы с вами почти как родственники! – мелодично пропел ее голос, в то время как я все задавалась вопросом – как можно быть настолько идеальной?

Услышанное едва ли пришлось мне по душе, но я все же вымучила из себя слабое подобие улыбки.

– Прощу извинить, – приятным низким голосом вдруг произнес принц, мягко увлекая сестру под локоток. – Но вы вынуждены вас покинуть, ибо срочные дела требуют немедленного разрешения.

Принцесса лишь в очередной раз ослепительно улыбнулась, никак не комментируя слова брата.

– Маркиза, – принц коротко поклонился в сторону Корлетты. – Графиня, – тот же поклон, сопровождающийся при этом быстрым настороженным взглядом, после чего брат с сестрой стремительно скрылись в толпе.

Мы с маркизой послушно поклонились им вслед, но если она в этот момент ощущала лишь восторг, приправленный чуточкой разочарования из-за столь быстрого завершения беседы с королевскими отпрысками, то мне самой необходимо было о многом поразмыслить. Сделать это в шумной столовой посреди толпы придворных представлялось невозможным, поэтому я, сославшись на легкую усталость, извинилась перед маркизой, намереваясь ее покинуть. Однако к моей неожиданности, девушка с воодушевлением поддержала мысль об отдыхе, и с чистой совестью за весьма деятельно проведенное утро, она повела меня обратно.

Глава одиннадцатая. Смена декораций

Следующий день пребывания в королевском дворце запомнился новым неожиданным знакомством.

Я только затворила за собой двери, вернувшись после завтрака, когда в своих покоех обнаружила незнакомую служанку.

– Доброе утро, Ваше Сиятельство!

Невысокая девчушка, облаченная в обыденную для королевских слуг форму, торопливо поклонилась. Широко расставленные зеленые глаза смотрели на меня с нескрываемым любопытством, ярко рыжие волосы были аккуратно заплетены в строгую косу. На вид я не дала бы ей и четырнадцати лет, однако что-то в выражении ее взгляда удержало от поспешных выводов. Стоящие перед ней мои дорожные сундуки были почти опустошены; в руках она сжимала одно из платьев, которыми так щедро одарил меня дьявол. Не дожидаясь ответа на приветствие, она торопливо принялась тараторить:

– Меня зовут Милуша, я приставлена прислуживать Вашему Сиятельству. Вы не смотрите на беспорядок – сейчас я все уберу! Я решила развесить одежду, пока Миледи вкушала завтрак, да вот только замешкалась, залюбовавшись платьями. Какие они у вас дивные, никогда не видела подобной красоты!

Ее восторг казался вполне искренним, однако я все еще не могла отойти от не совсем приятного удивления, обнаружив в своих покоех постороннего человека. Быть может, именно поэтому ответ вышел слегка суховат:

– Доброе утро, Милуша. Я очень признательна тебе за помощь, однако думаю, что впредь смогу справляться своими силами. Так что необходимость в твоих услугах невелика, и ты вполне можешь вернуться к своим основным обязанностям.

С непривычки я чуть было не обратилась к ней на «вы», но к счастью, в самый последний миг вымышленный титул всплыл в памяти, остановив меня от необдуманных слов.

Девушка заметно расстроилась. В больших глазах на мгновение промелькнула горестная тоска, прежде чем служанка попыталась взять себя в руки:

– Я сделала что-то не так? Простите меня, Ваше Сиятельство, я очень извиняюсь, если своим поведением как-то задела Вас или оскорбила! Поверьте, сделано было это без злого умысла, а лишь по незнанию! Очень прошу, не выгоняйте меня, я... – и тут совершенно неожиданно для меня она вдруг очень по-детски разрыдалась, спрятав лицо в ладони. Узкие плечики подрагивали от глухих рыданий, которые девочка безуспешно старалась подавить. Пара слезинок, проскользнув сквозь неплотную преграду тонких пальцев, упала на серую ткань, моментально расплывшись на ней большими мокрыми пятнами.

Оказавшись неподготовленной к столь бурной реакции, я растерялась:

– Тише, тише! Перестань, пожалуйста, плакать. А то при виде тебя у меня самой слезы подходят к горлу. Представляешь, что будет, если мы обе с тобой будем ходить весь день с опухшими зареванными лицами? – удивительно, но эти бездумные слова, полившиеся из меня безостановочным потоком при виде крупных прозрачных капель, оказали успокаивающее действие. Она перестала вздрагивать, но рук от лица не отняла, отчего голос ее прозвучал глухо и неожиданно взросло:

– Простите, Миледи, я не смогла сдержаться, но, Бога ради, ругайте, бейте меня, но только не прогоняйте, – она, наконец, убрала ладони и взглянула на меня сверкающими от слез огромными глазами, в которых плескалось настоящее озеро скорби.

– Почему ты так хочешь прислуживать мне? – все еще находясь под удивлением от только что случившейся сцены, мягко осведомилась я.

– Мне больше некуда идти, если меня выгонят из дворца. А это непременно случится, коль скоро Ваше Сиятельство сочтет меня нерадивой служанкой.

При последних словах нижняя губа подозрительно задрожала, посему мне пришлось быстро-быстро проговорить:

– Уверена, что никому и в голову не пришло бы искать в этом твоей вины, но коль скоро эта мысль вызывает в тебе такое беспокойство, думаю, ничего страшного не произойдет, если в глазах окружающих ты по-прежнему будешь считаться моей горничной.

Заметно прибодрившись после моих слов, девушка неуверенно предложила:

– А можно я тогда буду вам по-настоящему прислуживать? Обещаю, если буду слишком докучать, Вам достаточно будет лишь слово молвить, как я тотчас же умолкну! Я взаправду очень хочу служить Вашему Сиятельству!

Я не рассматривала всерьез подобную возможность, однако перед умоляющим взглядом, которым сопровождалась ее слова, устоять было невозможно:

– Хорошо, пусть будет по-твоему. В конце концов, для меня абсолютно точно не станет лишним присутствие поблизости человека, который разбирается во всем хитросплетении дворцовых коридоров и комнат.

Мгновенно повеселев, девочка поспешила увести разговор с опасной темы, очевидно, страшась, что я могу передумать:

– Ваше Сиятельство, я никогда прежде не видела столь прекрасных нарядов! Уверена, что ни у кого из знатных дам во всем дворце не сыщется ничего подобного! А вот это, – она указала на последнее, – особенно красиво! Вы бы могли его одеть сейчас.

– Сейчас? – удивилась я. – Но я намеревалась немного отдохнуть после завтрака. Не думаю, что для этого мне понадобится специальный наряд.

Она забавно округлила глаза и проговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.